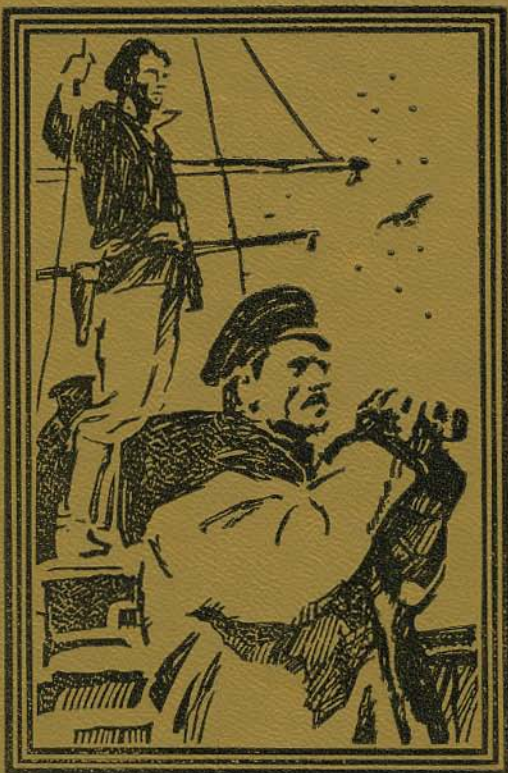
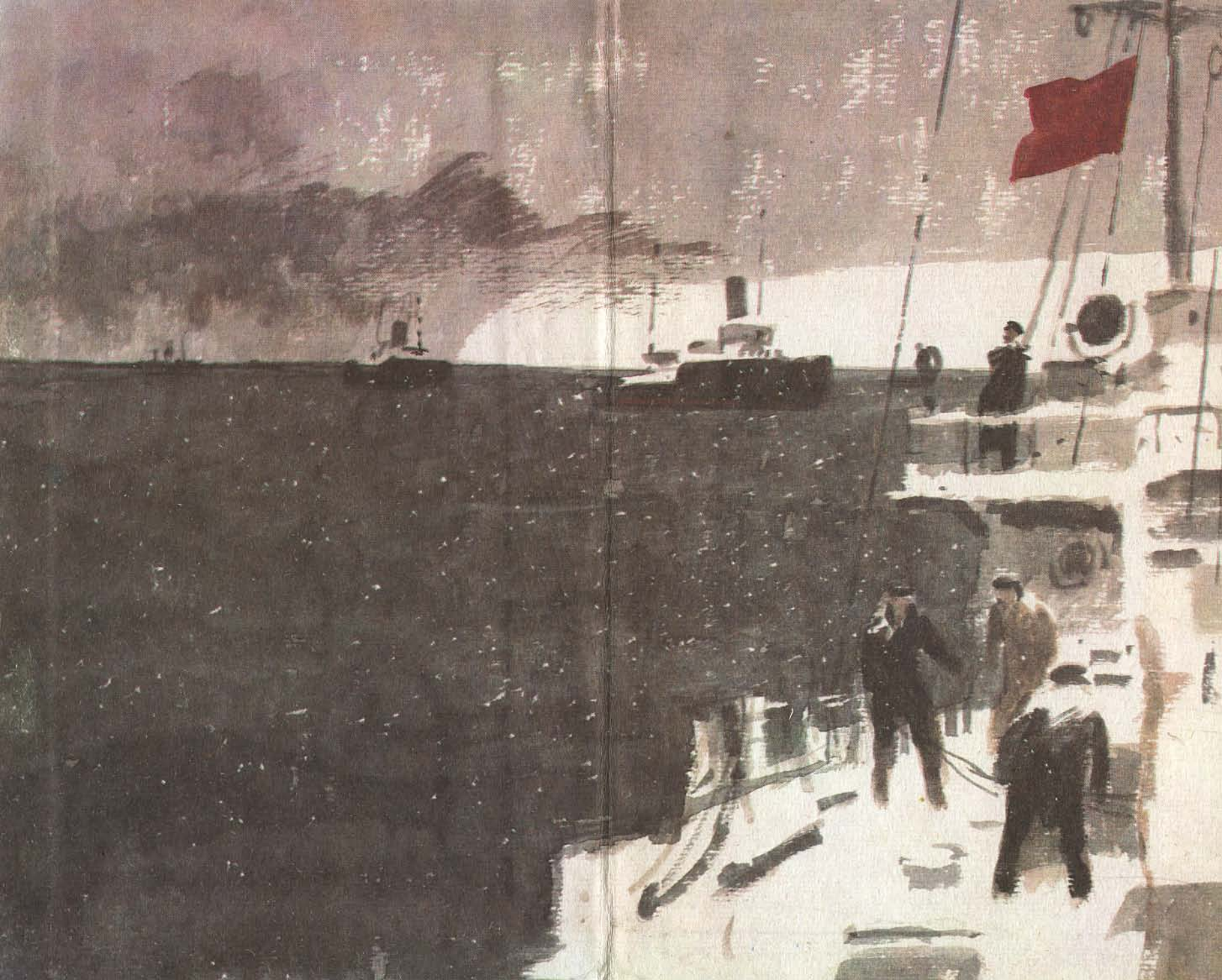

БРАТЯ ВАЙНЕРЫ
КАРСКИЙ
РЕЙД

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

БРАТЯ ВАЙНЕРЫ

КАРСКИЙ
РЕЙД

Повесть

МОСКВА ~ 1983

«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

От авторов

Когда эта книга уже была написана, возник вопрос — а к какому жанру она относится? Наверное, к документальному, поскольку свидетельства героических событий, о которых мы рассказали, хранятся в государственных и личных архивах.

Но вместе с историческими лицами в повести действуют люди, чьих фамилий нет в официальных хрониках — рядовые строители молодой революционной России. Их фамилии мы придумали. Эти люди участвовали в реальных событиях, таких, например, какой была Карская хлебная экспедиция, они совершали замечательные воинские и трудовые подвиги, запечатленные в истории нашей Родины. Поэтому, может быть, повесть следует отнести к разряду исторических? Может быть.

Впрочем, важно ли это?

Нам кажется, важно другое: благодарно помнить о тысячах тех простых и прекрасных людей, которые отдали жизнь за счастье своего народа.

Вот их светлой памяти и посвящена наша книга.

Аркадий и Георгий ВАЙНЕРЫ

Москва,
январь 1981 года

Рисунки П. Пинкисевица

Братья Вайнеры

B14 Карский рейд: Приключенческая повесть/ Рис.
П. Пинкисевица. — М.: Дет. лит., 1983. — 208 с., ил.

В пер : 55 к.

Приключенческая повесть, действие которой разворачивается на фоне исторических событий двадцатых годов. В основе сюжета организация и прохождение Северным морским путем каравана судов к устьям северных рек за сибирским хлебом, в котором нуждаются революционные города — Москва и Ленинград.

В 4802020000—328 504—83
М101(03)83

P2

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г

Часть I

БЕГСТВО

Указка ползала по карте, как худая голодная пиявка, и главнокомандующему казалось, что там, где ее острый черный кончик задерживался, она глотала опорные пункты, укрепленные деревни, охраняемые разъезды.

— ...Противник численностью до двух полков вышел через деревню Дениславская к узловой станции Плесецкая и после короткого кровопролитного боя захватил ее... — гудел где-то сбоку, над самым ухом, простуженный насморочный голос штаб-офицера. Офицеру не хватало воздуха, его душили аденоиды, и главнокомандующему все

время хотелось приказать ему высморкаться, но не было сил заговорить, и от этого Миллер плохо вникал в подробности доклада, их напрочь смывал гундосый сопливый голос штабиста. Да и в подробностях ли сейчас дело? Сейчас важна суть...

— ...При содействии местных жителей-проводников красные обошли по брошенным лесным дорогам укрепленный населенный пункт Кочмас и захватили разъезд Четыреста шестнадцать, — бурлил тяжелым носом офицер. — Из-за угрозы быть отрезанными от основных сил наш бронепоезд «Генерал Алексеев» вынужден был отступить без боя, взорвав при отходе мост через реку Емца...

— Где сейчас проходит линия обороны? — перебил штаб-офицера Миллер, слушать дальше было невыносимо. Хотя в этом тоже была страшная примета всеобщего разрушения и гибели: командующему победоносной армией ни при каких обстоятельствах не мог бы докладывать офицер с заложенным носом.

— ...Нарушена связь... последние донесения недостоверны... части вышли из повиновения... — загугнил, забублькал штабист.

— Но где дислоцированы части, которые не вышли из повиновения и с которыми не нарушена связь? — зло выкрикнул главнокомандующий.

Начальник штаба генерал Марушевский горестно вздохнул, отодвинул насморочного дежурного, сипло сказал:

— Господин командующий, фронта больше не существует. Сегодня утром красные оседлали железную дорогу на Котлас, захватили Емец и Обозерскую, отрезали нас от броневых сил и стремительно катятся на Архангельск. На их сторону перешел Архангелогородский полк, гаубичный дивизион, пулеметные роты «люис-ганов»...

— Вы хотите сказать, Виктор Васильевич, что у нас больше нет связи с войсками и вы не представляете, что происходит на фронте? — сердито поджал губы Миллер.

Вынырнувший из-за плеча Марушевского начальник контрразведки Чаплицкий неприятно засмеялся:

— Генерал Марушевский хочет сказать, что нет фронта...

У Чаплицкого были горячечные глаза фанатика. Или человека, не пренебрегающего кокаином. Или не остывшего после свалки драчуна. Неприятный субъект. У него

на лице всегда написано желание сказать дерзость. Или подпустить шпильку. И лучше всего было бы сейчас крикнуть на него, одернуть, поставить на место.

Но состояние бессилия, наваждения, долгого кошмарного сна, лихорадки не покидало, сковывало волю нерешительностью, а тело немощью.

Рассеянно пощипывая бородку, Миллер прислушивался к стрекочущей в виске головной боли, пронзительно-злому и надоедливому сверчку, перфорацией высекающему дыры пустоты и забвения в мятой поверхности перепуганных и смятенных мыслей.

Наваждение, обман чувств, мираж. Удивительно долгий, неимоверный сон. Не могла так быстро, так внезапно, так необъяснимо свернуться, истлеть, растаять вчера еще огромная империя. Свестись к задымленному, прокуренному, оторванному от всего мира уголку гостиной Архангельского коммерческого клуба, где доживает последние часы его ставка — резиденция главнокомандующего и генерал-губернатора Северного края.

Он смотрел в яростные сумасшедшие глаза Чаплицкого, и в его душе поднималась вялая ненависть. Но звонко тарахтящая боль в виске сразу смиряла ее, и он вновь погружался в зыбкую сумерь нерешительности, боязни, мистической надежды на какое-то чудо.

— Что же делать? — неожиданно для себя сказал он вслух. Громко.

И в этом крике души — сигнале полной потери воли, признании в своем бессилии и непонимании происходящего — было такое предречение гибели, распыла, исчезновения, что смолкла на миг обычная штабная суэта. Даже телеграфный аппарат Бодо остановил свой непрерывный шелк и неутомимое кружение бумажных лент.

И электрический ток ослаб в лампах — будто сигнала ждал. Померк, пожелтел свет, яичным болтуном тревожно сгустился в прозрачных колбочках, накалил в них докрасна проводки и — погас совсем.

Забегали, зашаркали адъютанты, упал в темноте стул, кто-то зашибся и коротко, зло ругнулся, шелестели во мгле бумаги, и в темно-фиолетовых намерзших задышанных окнах стал все яснее и пугающе проступать багровый отсвет далекого пожара.

— Свет! Принесите лампы! К командующему свечей! — гукали, перекачивались по дому голоса.

Надсадно кричал в телефонный рожок кто-то из офицеров:

— Почему нет света? Что с электричеством? Дайте срочно свет!..

Золотистые дымящиеся овалы керосиновых ламп и выражение радостного облегчения на лицах у всех — как у перепуганных детей, выведенных из темноты. Брошенный на крюк телефонный наушник — электростанция забастовала, рабочие разбежались.

— Что же делать? — уже тихо, растерянно повторил Миллер, и было ясно, что он не ждет совета или помощи от присутствующих: ему нужна была подсказка сверхъестественных сил, способных разрушить этот длящийся горячий кошмар ухода в небытие.

Угревшийся у голландской печи лесопромышленник Зубов, единственный штатский в кабинете, терпеливо помалкивал. Но после слов Миллера он вдруг сварливо заметил:

— Это вы, господин губернатор, должны сказать — что нам делать! Вы так яростно настаивали на передаче вам диктаторских полномочий, что я пошел на неслыханную меру — как вице-премьер, я распустил демократическое правительство Северного края! А вы за девять дней неограниченных полномочий ничего не сделали, чтобы переломить обстановку на фронте! Мы, конституционные демократы...

— Замолчите! — свистящим тонким голосом закричал Миллер. Он вскочил с кресла, затопал ногами и закричал еще пронзительнее, и криком этим он душил в себе страх, отчаяние и тонкую свиристящую боль в виске: — Замолчите, презренный либерал! Вы, вы, вы! Сытые, праздные, тщеславные болтуны довели Россию до гибели! Это не большевики, а вы раскачали устои монархии! Вам была нужна конституция! Вы требовали Думы и Учредительного собрания! Вам была невыносима династия Романовых! Вас не устраивали правительство и армия! Вы всё получили теперь — всё, чего добивались! Вы развратили народ неосуществимыми посулами и хотите, чтобы мы платили за ваши обещания! Так помалкивайте, по крайней мере! Иначе я сейчас же прикажу конвойному взводу расстрелять вас во дворе!..

Миллер обессиленно упал в кресло и в наступившей тишине вдруг раздались одинокие отчетливые аплодисмен-

ты — это хлопал в ладоши, светил горячечными глазами, весело смеялся Чаплицкий:

— Браво! Прекрасно сказано! Если вы мне разрешите, господин командующий, я могу освободить от хлопот конвойный взвод. С удовольствием и очень умело я управлюсь в одиночку с этим ответственным и полезным делом! Разрешите приступить?..

Зубов испуганно нырнул в полумрак, подальше от этого сумасшедшего. А Миллер недовольно покосился на Чаплицкого, сглотнул несколько раз, умеривая дыхание, и негромко, но твердо скомандовал:

— Генерал Марушевский, приступайте к эвакуации на Мурманск. Абсолютно секретно. Нельзя поднимать панику в остающихся частях...

И мгновенно возникший вал безудержной паники обшего бегства неостановимо покати к причалам торгового порта.

Красноармеец Тюряпин до войны жил в теплом южном городе Ростове. А работал грузчиком на хлебных ссыпках компании «Братья Вальяно». Любил он солнце, огромные сахарные арбузы и веселую жизнь портовой вольницы, не признававшей и не терпевшей над собою никакого начальства, кроме артельного старосты. И когда в августе четырнадцатого года околоточный надзиратель вручил ему мобилизационный лист, купил он на прибереженный для зубов золотой империял ведро водки, свиной задок, четыре пшеничных каравай и мешок — бездонный «ламтух» — с арбузами. Товарищи по грузчицкой артели чинно приняли угощение, степенно покалякали на прощанье, обняли крепко — до костного хруста — и дали твердое наставление: на фронт не ходить нипочем.

— Не твое и не наше дело, не, — заверил артельный батько. — Пушай Вильгельм с Николой сами разбираются, раз кашу заварили...

И покати Тюряпин вверх по Дону до Калача, там переселся на Волгу, на палубе парохода общества «Самолет» поднялся до Нижнего Новгорода, а уж оттуда — на Урал, в Сибирь — дорога короткая. Два года бродяжничал, пока не сцапали в Чите, и сколько ни прикидывался дурачком без памяти, без имени, без разума — укатали все-таки в маршевый батальон, направлявшийся на Западный фронт.

И открылся тут в нем талант разведчика: не было экспедиции за колючую проволоку, через линию фронта, чтобы не включили туда пластуна Тюряпина. Здоровое молодое тело, налитое хлебной силой, наловченное бесконечной беготней с шестипудовыми мешками по узким качающимся сходам, послушно и терпеливо подчинялось хитрой белобрысой голове вольного бродяги. За взятого в плен немецкого обер-лейтенанта дали Тюряпину погоны унтер-офицера, за притащенного на себе с той стороны раненого поручика Сестрорецкого полка Иоганна Федоровича Кизиветтера навесили «Георгия». «Я с этими немцами — ихними и нашими — скоро генералом стану!» — веселился Тюряпин. Но стать генералом не успел, потому что грохнула революция, развалилась армия, солдаты стали брататься, а генералов упразднили вовсе.

И к собственному удивлению, Тюряпин поехал не в Ростов, где ждали его солнце, арбузы и портовая вольница, а вступил в Красную Армию и третий год подряд голодал, холодал, мерз, мок, отступал, наступал, шагал через болота, тайгу, тундру, вместо тепла южного солнца терпел приполярную стылость, вместо сахаристой мякоти арбузов, которых в здешних краях никто и в глаза не видывал, пил морковный чай с сахарином и приучился даже соблюдать дисциплину.

Шестерым бороатым поморам, молчаливым, дремучим, как старый черный амбар на перекрестке дороги в порт, где они заняли позицию, Тюряпин пояснял:

— Ликвидируем белых, кончим капитализм — жизнь станет вольная, теплая, сладкая. Как арбуз. Вот ты, дядя, хоть раз в жизни ты ел арбуз?

Заросший волосьем до самых глаз дядя в облезлой собачьей дохе арбуза не ел. Он думал о том, что если сегодня-завтра красные сюда поспеют, то, может, удастся скрыть от белой интендантской реквизиции коровенку Фросю, и тогда — е молочком, с картохой, с оладьями из отрубей — можно будет дотянуть всех пятерых ребятшек до весны. А там — рыба появится, летом вообще легче, клюква пойдет, а скорбут-цинга клюквы как огня боится.

Только бы красные подошли скорей! Вот этот разбитый веселый красноармеец, когда решил остаться с ними в засаде, отправил к своим двух других и сказал им: бежите, мол, без остановки, а сюда возвращайтесь с ротой по сожженному мосту, он всего на полметра притоплен, бежите

быстрее, часа за три обернетесь коли, мы белых от портаотрежем...

— Ни разу в жизни арбуза не ел? — огорчился Тюряпин.

— А это што такое — мясо? Али дичь? — спросил неспешно другой бородач, внимательно всматриваясь в ночь сквозь узкие окошки-бойницы.

— «Дичь»! Скажешь тоже! Сам ты, дядя, дичь! Арбуз — это такой плод, либо, ежли по-научному, точнее говоря, — это ягода...

— Ягода? — удивился мальчишка со степенным именем Гервасий. — Вроде клюквы, што ли?

— Клю-ква! Клюква — тьфу, кислота одна и горечь! А арбуз — как сахар, и размера — во-от какого! — развел на всю ширину руки Тюряпин.

— Во врет служивый! — восхитился мужик в собачьей дохе. — Где же это растут ягоды с котел?

И Гервасий по-мальчишечьи залиvisto засмеялся, за живот схватился, покатылся от веселья и позавидовал: вот что значит городской человек — чего хошь наврет, ресницей не вздрогнет.

Тюряпин тоже усмехнулся, головой покачал несердито, сказал душевно:

— Эх, мужики, мужики, вот для того и нужна позарез победа революции, чтобы вы темноту свою осознали, из берлог своих на белый свет повылазили.

А бородач у окна вдруг сказал тихо и сдавленно:

— Эй, вы там! Угомонитесь! Едут, кажись...

И в разом наступившей тишине отчетливо зарокотал близкий гул моторов, и тоска подступила к сердцу, и Тюряпин досадливо крякнул:

— Эть, жалость-то какая! Не успели, слышь, к нам ребята! Теперя самим придется...

Передернул затвор, загнал патрон и встал к темному проему в стене.

— А что, ваше высокопревосходительство, в Риме не бывает таких холодов? — дурашливо спросил Чаплицкий.

Миллеру послышалась насмешка в хриплом голосе офицера. Он растерянно заморгал, кашлянул, ответил без всякого проблеска иронии:

— В Италии, где я имел честь представлять военные интересы Империи Российской...

— Империи... Пропили мы нашу империю... Прогуляли... — перебил Чаплицкий. Длинно, с повизгиваньем, зевнул и добавил тихо, устало, без выражения: — Теперь двинемся в Италию... Представлять... самих себя.

Офицеры ехали в бронированном «роллс-ройсе» по окраинной, плохо мощенной улочке Архангельска. Мела сырая февральская поземка, ни одного окошка не светилося в старых покосившихся домах. Город испуганно затаился, замер, ожидал неведомых перемен.

Миллер сердито, по-петушиному, крикнул:

— Ну-ну-ну, не забывайтесь, господин капитан первого ранга! Есть Мурманский фронт, есть флот! Есть, наконец, союзники!

— Что же вы их не использовали здесь, в своей столице Архангельске? — со злым истеричным весельем спросил Чаплицкий. — Еще вчера ведь и здесь был фронт, и флот был, и союзники? А-а?..

— Извольте, милостивый государь, не перебивать меня! Вы знаете, что такое стратегия? Ценою малых потерь обретается победа в главном. Кутузова, когда он оставил Москву, обвиняли в трусости... да что в трусости — чуть ли не в предательстве!

— Вот это точно, — согласился Чаплицкий. — Убедили. Вы — Кутузов. А кто Наполеон?

— Серьезность момента не позволяет примерно воздать вам за невоспитанность, — выдал из себя Миллер, задыхаясь от возмущения. — Настоящий дворянин отличается от плебея умением и в трудной обстановке сохранять достоинство. Вы никогда над этим не задумывались?..

— Совершенно с вами согласен, господин генерал-лейтенант. — Чаплицкий едко усмехнулся. — Особенно, если учесть одно весьма существенное обстоятельство...

— Какое же? — высокомерно вскинул брови Миллер. Чаплицкий прищурился:

— Когда мой прадед был министром двора у короля Августа, ваш предок варил пиво в Бадене...

Ответить Миллер не успел.

Когда Тюрятин увидел на полого спускавшейся к ним улице свет фар нескольких автомашин, он вдруг с удивительной ясностью понял, что с того самого момента, как он,

пробравшись в город, разыскал партизан и они рассказали, что солдат-телефонист из миллеровского штаба успел шепнуть им об эвакуации, то и не надеялся он на подход подкрепления. За несколько часов им было не обернуться. Но и не задержать штаб — хоть ненадолго — Тюрятин не мог не попробовать. И о том, что отбиться ему не удастся, старался Тюрятин не думать. До того мига, пока не засветили ярко в сизой черноте ночи слепящие плоски автомобильных огней, которые никому, кроме штаба, принадлежать не могли.

И пока наводил черный плавный пенек мушки между фар и чуть-чуть выше, чтобы вернее вклеить в водителя, ущемила сердце коротко, но больно быстрая мысль о том, что на Дону уже синие широкие разводя, лед трескается и громко шуршит перед тем, как с гулким ревом сорваться разом и за одну ночь уйти в море, и над городом уже плывет соленый ветер близкой большой воды, и каштаны набухают толстыми почками, и закаты стали длинны, покойны и прозрачно-сиреневы. Эта весна была для кого-то. Тюрятину остался черный амбар на перекрестке пологой дороги в порт, медленно приближающиеся снопы света и черная черточка мушки, упершаяся наконец твердо между двумя огнями, только чуть-чуть повыше.

И осторожно спустил курок.

Еще не услышав хлопка выстрела, передернул затвор, достал следующий патрон из подсумка и снова плавно, ласково нажал спусковой крючок...

Ответить Миллер не успел.

Ночь треснула неровным ружейным залпом, и пули заколотили по толстому кузову «роллс-ройса», как палкой по корыту. В машине горько запахло паленой обивкой, холодом, и сразу стало очень неудобно.

— Анчуков, полный газ! — крикнул Чаплицкий сидевшему за рулем поручику, но тот, как будто неожиданно и неодолимо устав, осел на руль, и машина, потеряв скорость, рыскало покатила из стороны в сторону по узкой ухабистой мостовой.

— Быстрее! Быстрее... — беззвучно зашептал онемевшими губами генерал, и Чаплицкий заметил, как в темноте нехорошо, мучительно забелело его лицо.

Чаплицкий всмотрелся в заднее стекло — было видно,

как несколько человек в тулупах и шинелях перебежали улицу в проход за боковым домом. Он дотянулся с заднего сиденья до шофера, толкнул его в плечо:

— Анчуков, ты что? С ума сошел?.. Мать вашу, совсем от страха ополоумели!

Анчуков, не выпуская баранки из рук, послушно завалился на левый бок, ударился головой о дверцу, она распахнулась, и поручик выпал из автомобиля. Последнее, что успел заметить Чаплицкий, была черная прямая струйка крови, разрезавшая щеку Анчукова, как удар сабли. Снова грохнул залп — нестройный, редкий, и Чаплицкий на слух определил, что стреляющих мало и стрелки они не ахти какие.

Неуправляемый автомобиль катился по узкой пологой улице, подпрыгивая на ямах и наледях.

— Конвой! Где конвой, я вас спрашиваю... — рыдающим голосом заныл Миллер.

— Да замолчите вы! — крикнул Чаплицкий. — Это наши же солдаты стреляют. Ложитесь на пол скорее, не то укокошат! Ну! Ку-ту-узов...

Перегнувшись через спинку переднего сиденья, Чаплицкий попытался удержать руль, но тяжелый автомобиль неудержимо катился в сторону домов.

— Кто же это мог напасть на нас? — под руку бормотал главнокомандующий.

«Какой же дурень наш генерал, господи, спаси и помилуй!» — подумал Чаплицкий и бросил:

— Конница Мюрата...

Толкнул дверцу и выпрыгнул из машины.

Упал, тяжело ударился о мостовую. Глухая боль резко отдалась в груди и животе. Над головой взвизгнула пуля, а через секунду машина с надсадным грохотом и звоном врезалась в дом. Побежало, застелилось синими огоньками, белыми сполохами быстрое бензиновое пламя...

Чаплицкий приподнялся, и тотчас рядом звякнула пуля. Он прижался к мостовой и подумал: «Когда лежу — из-за сугроба меня не видать... А ведь дуралей этот сгорит там, в машине...»

Перекатился на другой бок и в конце улицы увидел быстро приближающийся грузовик с конвоем, покачал головой: пожалуй, не успеют, но все-таки, лежа на снегу, стянул с себя шинель, сложил ее так, чтобы в свете разгорающегося пожара виден был золотой погон, потом при-

способил на воротник офицерскую фуражку и выставил это сооружение из сугроба.

И прежде чем услышал выстрел, почувствовал, как дернулась в руках пробитая шинель. «Вот так и в меня когда-нибудь...» — подумал он равнодушно и, не оглядываясь на торчащее поверх сугроба-бруствера чучело, быстро отполз в сторону.

Прислушался, потом резко, рывком, вскочил и длинными петляющими бросками побежал к разбитому автомобилю.

Несколько запоздалых выстрелов ударили вслед, но Чаплицкий был уже под укрытием машины и судорожно рванул на себя заклинившую дверцу.

Миллер, съездившись, лежал на полу машины. Чаплицкий потрогал его за плечо, дернул на себя — генерал зашевелился, поднял голову, судорожно выдохнул:

— Что?!

— Вылезайте, сгорите! — крикнул Чаплицкий, обхватил Миллера поперек корпуса, потянул из машины. Миллер суетливо задвигался, подался вперед, неловко перевалился через подножку.

Несколько метров проползли по-пластунски, а потом сзади загрохотал взрыв, яркое пламя взметнулось выше домов, их опалило горячим смрадным ветром — взорвался бензобак «роллс-ройса»...

Подкатил грузовик, с визгом тормознул, остановился, и из кузова ровно затрещали два «гочкиса». Личная охрана главнокомандующего — отделение из офицерского «батальона смерти» с черепами на рукавах — рассыпалась в цепь, но из проулка никто больше не стрелял.

Начальник конвоя прапорщик Севрюков крикнул Чаплиckому:

— Эт-та, оденьтесь, барин, застудитесь насмерть!

Чаплицкий криво усмехнулся, пошел к снежному брустверу. Остановившись рядом с ним, он с интересом посмотрел на свою шинель: прямо под правым погоном виднелось небольшое отверстие от пули.

Колупнул отверстие ногтем, пожал плечами, неторопливо надел сначала фуражку, потом шинель, аккуратно застегнул все пуговицы.

Тяжело вздохнул и вернулся к грузовику.

Миллер, невредимый, смертельно напуганный, срывающимся голосом командовал:

— Оцепите квартал, они никуда не могли уйти, там, впереди, — обрыв!

«Господи, какой же дурак!» — снова подумал Чаплицкий и сказал негромко:

— Ваше превосходительство, некогда их ловить... Штаб уже в порту... Ледокол ждет — мы еще до рассвета должны выйти из устья.

Миллер рассвирепел:

— Не давайте мне советов, господин Чаплицкий. Вы ведь руководите секретной службой? Поэтому займитесь своим делом — захватите террористов!

Чаплицкий поморщился:

— Разрешите доложить, ваше превосходительство: безграмотные мужики с обрезам называются бандитами... Или партизанами — как вам больше нравится...

— Не превращайте приказ в дискуссию, — закричал Миллер. — Исполняйте!

Чаплицкий взял под козырек:

— Слушаюсь, господин генерал-лейтенант. — И повернулся к начальнику конвоя: — Трех человек сопровождения господину главнокомандующему. Первый причал, ледокол «Минин». И сразу с грузовиком обратно — за нами...

К утру партизан вместе с Тюряпиным загнали в брошенную бревенчатую избу на откосе Двины. Их оставалось шестеро.

Разрозненной, но точной стрельбой они и близко не подпускали офицеров.

Севрюков пробормотал:

— Хорошо бы этих сволочей взять живьем.

— Зачем? — отозвался Чаплицкий. — Лучше погрейте их зажигательными...

Два пулемета располосовали серый сумрак очередями, из-под крыши начал стелиться грязный дымок, кое-где проглянули розоватые язычки пламени. Стреляли из дома одиночными, все реже и реже.

— Сейчас мы их вытурим оттуда, — пообещал Севрюков.

Чаплицкий внимательно смотрел на его освещенное заревом лицо — сумасшедшие белые глаза наркомана, длинные прокуренные зубы, подергивающийся уголок рта, — и его трясло от холода, усталости и тоски.

Глядя на залегших цепью карателей, он процедил со злобой и горечью:

— Российское офицерство, цвет нации!.. В бога, святителей и всех архистратигов...

Чернели глубокими провалами выбитые окна, время от времени в них призрачно мелькал силуэт, и тогда раздавались выстрелы, одиночные, кашляющие — винтовочные, и частая густая дробь пулемета.

Огонь занялся пуще, языки пламени поднимались выше кровли, но никто не выбегал из избы.

Рухнул потолок, до неба взметнулись искры...

Севрюков заухмылялся:

— Все. Счас жарковьем потянет... Эть, суки! Им лучше в огне сгореть, чем нам в лапы...

Уже направляясь к грузовику, Чаплицкий на мгновение остановился и спросил:

— А вы, Севрюков, что бы на их месте?..

— Застрелился бы небось, — пьяно захохотал прапорщик. — Мне ведь от большевичков — да и от дворян иерусалимских — пощады ждать не приходится... — И добавил с каким-то мертвенным спокойствием: — Конечно, и я им пощады не давал. Никому... Так что на том свете сойдемся — посчитаемся...

Винтовочной стрельбы конвоя Тюряпин не боялся. А вот когда из подъехавшего грузовика избу стали поливать в два огненных хлыста пулеметы, понял Тюряпин, что пришел конец. И отступать было поздно, да и некуда — позади обрыв.

И конечно, хорошо бы еще хоть на полчаса задержать бегущих беляков — а вдруг наши поспеют обернуться!

Оглохший от грохота, со слезящимися глазами — дым все гуще заволакивал избу, — Тюряпин ровно, не спеша стрелял в черные, по-сорочьи скачущие на снегу фигурки конвоя и, когда захлебнулся, замолк ненадолго один из пулеметов, крикнул удовлетворенно.

И сразу же почувствовал острую режущую боль в щеке и сочащуюся за воротник горячую влагу.

«Убили!» — мелькнула всполошенная мысль и сразу исчезла, потому что боль не проходила.

Тюряпин нащупал рукой и вытащил из щеки длинную гладкую щепку, отколотую пулей от бревна.

«Ничего, ничего», — бормотнул быстро и сердито, взглянул в окно-бойницу, но за спиной кто-то пронзительно коротко вскрикнул, и углом глаза Тюряпин увидел, как завалился на середину избы мужик в собачьей дохе и понулся к нему мальчонка Гervасий.

И, разряжая винтовку в торчащий из-за сугроба золотой офицерский погон, мутно поблескивавший во мгле, Тюряпин устало, равнодушно подумал, что так и не увидел, так и не попробовал мужик взаправду существующую ягоду чудесную, размером в обхват — арбуз.

— Гervасий! Гervасий! Иди сюда, парень! — позвал он мальчишку и бросил ему свой подсумок. — Набивай-ка мне пока обоймы...

И сколько прошло времени, было ему неизвестно, когда вдруг заросший черный мужик откинулся молча назад; во лбу у него виднелась маленькая дырочка аккуратная.

Потом страшно захрипел, забил ногами и смолк пропахший рыбой тихий помор из Лямцы.

И, схватившись за живот, сел на землю, харкнул кровью белобрысый здоровенный промысловик из Няндомы, отбросил в сторону винтовку и сказал отрешенно:

— Все! Мне кишки продырявило ..

Завалилась прогоревшая крыша.

Тюряпин на ощупь, в кромешной мгле, в дыму и гари, отловил за плечо Гervасия, крикнул ему:

— Шабашим! Счас мы с тобой начнем наружу выходить, понял ты меня?

— Сдаваться? — спросил Гervасий.

— Нам с тобой сдавать нечего, — зло усмехнулся, блеснул в темноте зубами Тюряпин.

— А чего тогда?

— Слушай меня внимательно.

— Угу.

— Я выхожу в дверь первый. Ты считай до двадцати, опосля вылетай следом. И сразу направо, за угол. Сложись колом и лети на заднице с обрыва. Даст бог, уцелеешь, не расшибешься...

— Подстрелят, кось, пока до обрыва-то добегу? — деловито поинтересовался Гervасий.

— Авось не поспеют. . . Делай, как говорю!

Тюряпин сдвинул на ремне за спину две гранаты и так же деловито добавил:

— Доберешься до наших, скажешь: так, мол, и так, погиб красный боец Константин Афанасьевич Тюряпин за будущую сладкую и вольную жизнь...

Отбросил ногой кол, подпиравший дверь, широко распахнул ее и вышел вон.

И задыхающийся от дыма и жары Гervасий видел в проем, как ровным шагом пошел Тюряпин, надев на винтовку шапку, и смолкли выстрелы.

Тюряпин остановился, воткнул винтовку стволом в снег и стал вольно, сложив руки за спиной. Для полного шика только сигарки не хватало.

Поднялись в рост белые из-за сугробов и пошли к нему быстрым шагом, побежали. И Гervасий вынырнул в этот момент наружу.

Кто-то сипло крикнул:

— Вон еще один краснопузый вылез остудиться!

— Беги, беги, пацан! — громко заорал Тюряпин и бросил под ноги — между собою и подступившими почти вплотную белыми — две гранаты.

Ослепительный красно-синий шар вспух на этом месте, отбросил Гervасия к углу избы, вышиб дух.

Но в следующий миг он уже вскочил на ноги, промчался спасительные несколько метров и бросился, не глядя, в бездонный снежный провал...

«Может, это и есть конец света?» — подумал Миллер, когда машины въехали в порт. Тысячи людей обезумели. Ими владела одна страсть, одна всеобъемлющая цель гнала их по забитым причалам, в узких выщербленных проходах между складами, пакгаузами, мастерскими — проваться любой ценой на уходящие суда.

Испуганные, дико всхрапывающие лошади, рвущиеся из постромков, перевернутые телеги, еще дымящие полевые кухни, разбитые снарядные ящики, брошенные орудия, валяющееся, уже никому не нужное оружие, разграбленные контейнеры, потерявшие хозяев собаки, растоптанные кофры и чемоданы, толпа с узлами, общий гам и крик, перекошенные в сумасшедшем ужасе лица.

И все это освещено багровым пляшущим светом плающих на другой стороне Двины складов, дровяных бирж, лесопильных заводов.

И как знак окончательной всеобщей потери рассудка — висящий на стропях подъемного крана рояль. Черный концертный рояль.

— Майна! — закричали снизу, и крановщик, то ли по неопытности, а может быть, нарочно, освободил стропы, и рояль рухнул наземь, прямо в толпу, взметнув в низкое страшное небо столб хруста, звона и звериного жуткого вопля сотен несчастных...

У трапа ледокола «Минин» выстроилась в каре офицерская рота с направленными на толпу штыками и расчехленным пулеметом.

— Нельзя!.. Нельзя!.. — хрипел сорвавший голос начальник охраны. — Никому нельзя, здесь только штаб!..

Женщина в белой медицинской косынке с красным крестом кричала:

— Хотя раненых заберите!.. И женщин... Что ж вы делаете, красные их всех перебьют!..

Женщину отпихнули, и сразу же унес ее куда-то в сторону поток других наседающих на цепь штыков людей в котелках, шубах, шинелях.

Миллер медленно, как тяжело больной, прошел по трапу, тонко пружинившему под ногами, и услышал за спиной голос Марушевского:

— Поднимите трап над пристанью! Они сомнут оцепление и ворвутся сюда...

Палуба подрагивала от сдержанного усердия работавшей на холостых оборотах машины ледокола. В этом было что-то успокаивающее.

Капитан доложил десятиминутную готовность. Миллер устало кивнул и пошел вдоль юта, держась для уверенности за металлический леер. Он не мог оторвать взгляда от беснующейся, обреченно давящейся на пирсе толпы. Как же это случилось? Ведь еще недавно казалось, что до победы осталось совсем мало?..

Вернее сказать, полгода назад так совсем не казалось. Особенно когда союзники стали отзывать свои войска. Это была с их стороны первая ужасная, можно уверенно сказать — роковая, гадость. Это позорное малодушие западных людей, не привыкших к трудностям. Они привыкли взваливать на нас самое тяжелое.

Еще в прошлом сентябре они всячески уговаривали оставить Север и перебросить всю северную армию к Деникину, на Юг России.

Но это же — с военной точки зрения — была совершеннейшая глупость!

И вообще, с какой стати ему было идти в подчинение к Деникину? Конечно, в отличие от тупого солдафона Юденича, можно считать Антона Ивановича вполне приличным человеком и даже военным неплохим. Но не из чего не следует, что ему, генерального штаба генерал-лейтенанту Миллеру, интеллигенту, ученому, опытному стратегу, надо идти в подчинение к заурядному армейскому генералу только из-за слабодушия англичан, их неверности обязательствам и временных тактических просчетов на фронте.

И сколько он ни доказывал на срочно собранном совещании кадрового офицерства, что неразумно сворачивать северный театр военных действий только для пополнения деникинской армии, — большинство все равно настаивало на эвакуации.

И, не имея ни в ком поддержки и опоры, вынужден был Миллер согласиться на отвод войск и переброску их на юг. Все это было глупость и гадость.

Двух недель не прошло, как убедились в его правоте. Тяжело раскатываясь поначалу, двинулся вскоре стремительными прорывами Деникин на Москву — корпусами Мамонтова и Шкуро. Вновь заполоскался трехцветный флаг уже в Орле.

И этот противный бульдог Юденич круто обложил Петроград, будто клешнями сдавил.

Дни считанные до штурма остались.

Всего ничего, четыре месяца назад! Приказал твердо, без колебаний, ни с кем уже не совещаясь, командующий Северным фронтом Миллер развернуть вспять эвакуационные колонны — удар на железнодорожном направлении, взять узловую станцию Плесецкую, захватить Онегу, очистить от красной заразы весь Шуньгский полуостров.

В канун покрова вошли первые разъезды в пустынный Петрозаводск.

И откатились красные, попрятались партизаны по глухим скитам, скрылись в заброшенных медвежьих углах, таежных поселениях.

И хоть ясно было — сочтены дни Совдепии, конец ей приходит, со всех четырех сторон сжали, не встать ей, не вздохнуть, не охнуть, — грызла сердце тайная досада, горьким налетом на губы садилась: не ему быть нареченным спасителем святой Руси.

И себе признаваться не хотел, а сдержать в душе зависть, укротить черное злое чувство никак не мог. Антон Иванович Деникин, толстомясый, косноязычный, мужиковатый, освободит колыбель российского самодержавия, белокаменную Москву.

И бульдог Юденич займет столицу великой империи — Петроград.

И верховному правителю Колчаку и так карты в руки.

А ему, Миллеру, будут отведены третьи роли.

Сейчас и вспоминать о тех горестных маленьких мыслях неохота. Деникин отброшен на юг, да и отстранен от дел, по существу, там теперь заправляет Врангель.

Юденич прячется среди чухны.

А Колчак арестован и две недели назад расстрелян.

Расстрелян! Господи, твоя воля! Адмирал, верховный. Главкомандующий! Когда-то Миллер не любил Колчака за английское высокомерие, спесь, любовь похвастаться своей славой путешественника, ученого и храброго военного. Но представить себе такое!..

Миллер поднялся на мостик, прислушался к нарастающему грохоту стрельбы у вокзала. Пронзительно завыл над головой снаряд, и сразу же недалеко от борта взметнулся султан воды и битого льда.

Оглушительно заголосила толпа на пристани, и из этого вопля отчетливо доносились слова:

— Красные!.. Кра-асные... В город входя-ят!.. В город!

Миллер повернулся к капитану, негромко скомандовал:

— Все. Отваливайте от причала.

Капитан смущенно прокашлялся:

— Господин Чаплицкий еще не прибыл, ваше высокопревосходительство...

Миллер аккуратно протер запотевшие стеклышки пенсне и строго сказал:

— Не превращайте временное отступление в бегство, милостивый государь. Господин Чаплицкий на своем посту. Отваливайте. И дайте в Мурманск радио, чтобы за арьергардом вышел миноносец «Юрасовский».

— На «Юрасовском» разбежалась почти вся команда. Остались одни офицеры, — мрачно доложил капитан. — Я ведь только вчера пришел из Мурманска...

— Молчать! — рявкнул командующий. — Прекратите сеять панику! Выполняйте приказ!

— Есть...

Капитан отошел к машинному телеграфу и со злостью рванул ручки: левой — малый назад, правой — малый вперед. Скомандовал:

— На баке! Отдать носовой! Руль — право, три четверти!..

Высокий нос ледокола стал медленно отползать от бревенчатого пирса. Гора коричневатой-серой воды закипела под кормой, с шумом взлетела на пристань...

Грузовик замер у самой кромки причала, и офицеры, попрыгав из кузова, растерянно смотрели вслед выходящему на фарватер ледоколу.

Дым из труб ложился на битый лед, на воду в полыньях серыми мятыми кругами, стелился за кормой, и Чаплицкий болезненно-остро вспомнил дым из-под крыши избы и мелькающие тени в черных провалах окон.

«Все это ужасно глупо, — вяло думал он. — Сумасшедший дом. А может быть, ничего этого и вовсе нет? Может быть, я давным-давно заболел, сошел с ума и мне все это видится в болезненных грезах воспаленного сознания?»

Но в памяти все еще стоял острый запах горелого человеческого мяса, и Севрюков рядом говорил с недоумением:

— Эть, суки!.. Бросили ведь, ась?.. Эт-та ж надо?! Чего же делать теперь, ась?..

Чаплицкий вымученно усмехнулся:

— Испробовать милосердие большевиков. И дворян иерусалимских...

— Ну-у, эт-та уж хрена им в сумку! — заорал, выпучив глаза, Севрюков. — Пробиваться надо, вот что, к своим. Вы с нами, господин каперанг?

Чаплицкий покачал головой:

— Да нет уж, господин Севрюков. Ступайте... с богом. А я как-нибудь сам попробую...

Командарм Самойло вдел ногу в стремя и неожиданно легко бросил в седло крепкое, плотно сбитое тело. И, сильно сжав коленями спину заходившего под ним бойкого каурого жеребца, вдруг почувствовал себя молодым и счастливым.

Париж стоил покаявшемуся королю мессы, а уж Архан-

гельск наверняка стоил для боевого генерала прожитой и так круто измененной, сломанной, наново прочувствованной судьбы.

Самойло вспомнил — без какой-либо видимой связи, — что еще два года назад в Бресте, во время мирных переговоров с немцами, его бывший однокашник и сослуживец генерал Скалон долго и сосредоточенно наблюдал, как Самойло аккуратно спарывает маникюрными ножницами лампасы с форменных брюк, а потом затравленно спросил:

— И ты... вот так... сможешь выйти на люди?

— Конечно! — засмеялся Самойло. — В лампасах без брюк ходить неудобно. А в брюках без лампасов — ничего, вполне допустимо...

— Но ведь это позор! — крикнул Скалон.

— Позор для военного человека — не выполнять приказы, — серьезно сказал Самойло, — а новое правительство в приказном порядке отменило наши с тобой звания, погоны, ордена и лампасы. Теперь, наверное, знаков отличия по-другому надо добиваться...

— Это не правительство, это не власть! Это шайка бунтовщиков и демагогов!

— А кабинет Протопопова и Сухомлинова — это правительство? А наш отказавшийся от престола монарх и немый конокрад Гришка — это власть?

— Боже мой, боже мой! — схватился за голову Скалон. — Немцы сейчас оторвут от нас полстраны, остальное уничтожат большевики. Скажи, что нам делать? Что делать?!

— Служить.

— Кому?

— России. Отечеству. Мы с тобой солдаты, у нас одна работа — защищать родину.

— Нет, нет, не-ет! — затряс кулаками Скалон. — Не могу больше, это все, все! Конеч, не могу так жить больше!..

Выбежал из комнаты, дробно простучал каблуками по коридору гостиницы, вошел в свой номер, не закрывая двери, достал из кобуры револьвер и выстрелил себе в висок...

Самойло посмотрел на тысячеголовое людское море, волнами катившее от станции под расчерченным красными пятнами знамен низким серым небом, и грустно усмехнулся: довольно странно выглядели бы сейчас лампасы на его толстых штанах нерпичьей кожи!

Эх, господа, сколько же в людях глупости, амбиций, предрассудков, которые для красоты и самооправдания называют традициями, убеждениями, представлениями. Долгом.

А долг-то перед Россией у них был один — вернуть ей Архангельск, северный порог большого дома Родины.

И низкий поклон судьбе, сердечное спасибо жизни, что довелось все это выстрадать, вынести, перетерпеть. И победить.

Войти в этот старинный город, пинком вышвырнуть всю нечисть за дверь, которая столько веков соединяла Русь со всем остальным миром.

Войти с победоносной армией, которой ты бесценно командовал — от дня сегодняшнего счастья до тех уже незапамятно далеких дней поражений, отступлений, таких тяжелых потерь, почти полного разгрома, преодоленного в муках, боли и смерти и повернувшегося вчера окончательной победой.

Армия-победительница входила в Архангельск: от станции железной дороги катил поток по улицам города, маршировали, перебравшись через разломанный лед Маймаксы, батальоны от Новодвинска, и мягко ступали охотничьи отряды от Неноксы и Нядомы, шел Холмогорский дивизион, вразвалку топала матросская пулеметная команда, четко печатали шаг бойцы непобедимого Шенкурского полка

Шли победители — в истертых шинелях, прожженных у костров, в порыжелых бушлатах, зипунах, заношенных азиях, изодранных тулупах, затерханных городских пальтишках. В валенках, чунях, подвязанных веревками сапогах, ботах-«котах» и вечных, самонадежных лаптях.

Армия заканчивала свою огромную изнурительную войну. Армия шла по запущенному, занесенному сугробами Троицкому проспекту, мимо некогда богатой и нарядной Немецкой слободы, мимо полусожженного здания Думы, мимо кафедрального собора — одного из самых красивых и светлых соборов России.

Армия шла по берегу Северной Двины, мимо парадного памятника Петру Первому.

Царь-плотник, неутомимый устроитель земли своей, стоял, вглядываясь в недалекое Белое море, торжествен-

ный, в орденской ленте, при звезде, перчатка за поясом, в руке подзорная труба.

Самойло остановил лошадь около памятника, долго смотрел на Петра, потом с сомнением покачал головой: вряд ли видела архангельская земля своего неустомимого царя в таком наряде. Он всегда приезжал сюда в трудные времена, и всегда для тяжелой работы и для очень непростых решений.

Ах, какие сложные отношения были у Петра с этим замечательным русским городом — единственными в те времена воротами в мир!

Тугой петлей сдавили турки горло русской торговли на Босфоре — нет дороги на Черноморье.

Шведы намертво заступили все пути на запад с балтийских берегов.

Один морской тракт на широкие просторы Атлантики — из маленького поселения Архангельск, еще поморами освоенный: через Белое море, вокруг Скандинавии.

И ведь должен быть — наверняка существует! — проход к сонному Китаю и полуденной Индии через Студеный океан.

Потому повелевает царь купцу Баженину закладывать на Соломбале верфь для устройства больших кораблей. И самолично дарует сертификат на строительство морских судов торговым людям Бармину, Амосову и Пругавину.

И сам на стапеле орудует: не подзорная труба в руках, а рейсмус и топор. Да уж не в адмиральском мундире с лентой при орденах, а в пропотевшей заскорузлой робе!

И маленький городок, единственный океанский порт поднимающейся к мировому соучастию Руси, обласканный царской любовью и милостью, окрыленный его имперской надеждой, гордый открывшимися видами безбрежных просторов, восстает к бурной деятельности. К своей завтрашней славе.

Как неукротимо растет морской форпост! В тот первый царский проезд посетили Архангельск сорок иностранных судов. А два десятилетия спустя архангельские лоцманы вывели за створы двести пятьдесят вымпелов! На миллионы золотых рублей поплыли во весь свет русские меха, строевой лес, лен, корабельные доски, хлеб, кудель, смола, сало...

Будто добрая работающая жена при рачительном заботливом муже, расцветала база российской торговли,

крепко трудясь и сладко нежась в ласке и внимании своего великого государя.

И не чувствовала, не знала, что на топких, пустынных берегах реки Невы уже появилась новая, вечная, окончательная, на всю жизнь, привязанность Петра. Молодая столица Санкт-Петербург.

Не сильно рвались торговые люди менять уже ставший привычным путь из Архангельска в мир.

Мощь и слава новой столицы пока еще государю только мнятся, а сегодня покамест жить в новом городе и торговать оттуда затруднительно: сыро, тесно, хлопотно, да и профита делового нет — все равно скандинавские проливы перекрыты свейскими кораблями ратными, выхода с Балтики не имеется.

Царь манит, уговаривает, сулит, приказывает, повелевает и на хитрости купеческие обрушивает тяжелую десницу монаршей воли.

Да и обычного человеческого гнева: запретить впредь строить в Архангельске океанские корабли, а ввоз в город допускается лишь в пределах товаров, самому городу для потребления потребных!

И предписывает неукоснительно пробиваться из Архангельска на восток и на север.

На запад у нас есть другие ворота — славный град столичный Петербург...

Два века ушли, и снова молодая Россия смотрела на Архангельск, как некогда юный царь, с надеждой, любовью и верой.

Отвоеванный сегодняшней ночью город-порт был единственными воротами в мир.

Широкими веселыми шагами мерил командарм Самойло небольшую комнату аппаратной, звонким голосом, не заглядывая в бумажку, которая была у него в руках, диктовал телеграфисту:

РЕВВОЕНСОВЕТУ РЕСПУБЛИКИ.

ДВАДЦАТОГО ФЕВРАЛЯ ВОССТАНИЕ ОХВАТИЛО ВСЮ БЕЛУЮ АРМИЮ. В АРХАНГЕЛЬСКЕ УЖЕ ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ, ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ БЕЛЫХ ВОЙСК ГЕНЕРАЛ МИЛЛЕР БЕЖАЛ МОРЕМ НА ЛЕДОКОЛЕ, ВЛАСТЬ В ГОРОДЕ ПЕРЕШЛА В РУКИ РЕВОЛЮЦИОННОГО КОМИТЕТА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЮЗОВ.

ПЕРВЫЙ КРАСНЫЙ ЭШЕЛОН, ВСЮДУ ТОРЖЕСТВЕННО ВСТРЕЧАЕМЫЙ ВОСТАВШИМИ, ПОДЪЕХАЛ В ОДИН ЧАС ДВА ДЦАТЬ ПЕРВОГО ФЕВРАЛЯ ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ДВАДЦАТОГО ГОДА К СТАНЦИИ АРХАНГЕЛЬСК

МОРЕ ЛЮДСКИХ ГОЛОВ, ТУЧИ КРАСНЫХ ЗНАМЕН, ГРОМ ОРКЕСТРОВ И ЗВУКИ ПРИВЕТСТВЕННЫХ РЕЧЕЙ ВСТРЕТИЛИ ПЕРВЫХ КРАСНЫХ СОЛДАТ, ОСВОБОДИТЕЛЕЙ СЕВЕРА ОТ АНТАНТСКОГО И БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ИГА

НЕИМОВЕРНЫЕ ТЯГОТЫ ВОИНЫ НА СУРОВОМ СЕВЕРЕ БЫЛИ ПОЗАДИ, СЕВЕР БЫЛ ЗАВОЕВАН ДЛЯ МИРНОЙ ЖИЗНИ, И АРХАНГЕЛЬСК, БАЗА АНГЛИЙСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ, СДЕЛАЛСЯ НАВЕКИ КРАСНЫМ ГОРОДОМ

ЗА ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНИЯ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ ПОЛКИ, ПОСЛЕ РЯДА УПОРНЫХ БОЕВ И ГРОМАДНЫХ ПОТЕРЬ, ПОСЛЕ НЕВЕРОЯТНЫХ ИСПЫТАНИЙ В БОЛОТАХ И ЛЕСАХ СУРОВОГО СЕВЕРА, ПОТЕРЯВ В БОЯХ ЛУЧШИХ ТОВАРИЩЕЙ, ДВАДЦАТЬ ПЕРВОГО ФЕВРАЛЯ ДОБИЛИСЬ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОБЕДЫ И ТОРЖЕСТВА КРАСНОЙ ПЯТИУГОЛЬНОЙ ТРУДОВОЙ ЗВЕЗДЫ НАД БЕЛОГВАРДЕЙСКИМ ОРЛОМ СЕВЕРА

Паровоз тонко, пронзительно-обессиленно засвистел, пустил вялые усы пара по сторонам и окончательно стал.

Казалось, нет больше в мире сил, способных стронуть его с места у платформы Николаевского вокзала. Двое суток, исходя от натуги, он тянул разболтанный, изношенный, дребезжащий эшелон из Петрограда в Москву, останавливаясь через каждые полсотни верст, и тогда все пассажиры выходили из вагонов и рубили дрова для прожорливой топки слабосильной, сипящей от усердия и старости «овечки».

Холод, вонь, толчея в вагонах не дали Шестакову сомкнуть глаз. И еще он боялся, что у него украдут посылку. Своих вещей у него не было, но, как большинство нынешних пассажиров, битком набивших чуть живые поезда бесконечных железных дорог, он вез посылку.

Разбросанные по всей России люди из своих жалких возможностей немислимыми усилиями наскребали что-нибудь съестное и слали с оказией друг другу посылки. Это называлось «живой привет».

Узнав, что Шестакова вызывают в Москву, Васька Преображенский — старый товарищ по Данцигскому набегу, отчаянный моряк, верный друг, — стесняясь, шутливо извиняясь, всучил ему таки посылку для матери: мешочек, а в нем бутылка хлопкового масла, три вяленых трески и десять фунтов овса. Овес, сказал Васька, ежели его смолоть на ручной кофейной мельнице и блины испечь — пальчики оближешь!

Еще необлизынными пальчиками Шестаков всю дорогу держал мешок, тихо чертыхаясь на Ваську: оставить вещи нельзя было ни на минуту, иначе маме Преображенской уже никогда бы не пришлось облизывать пальчики после сыновних блинов. Поезда кишели ворами, как вшами.

Уже вечерело, когда Шестаков вышел на привокзальную площадь. Воспаленный багровый круг солнца, полыхнув на золоченом шпиле Казанского вокзала, провалился в клубящиеся облака. Крепко закручивал мороз.

Блеклое небо было выжжено стужей, лениво расчерчено серыми мазками облаков, постепенно наливавшихся сиреневыми, потом фиолетовыми тонами.

Шестаков торопливо шел в сторону Домниковки, почти бежал, но вечер неспешно и властно настигал его.

Белесый холодный пар полз по крышам, а небо наливалось густотой тьмы, все сильнее собиравшейся к зениту.

Мать Преображенского жила в районе Сухаревки, недалеко от Сретенки. Васька так и объяснял: «Это ж тебе просто по пути, ее дом почти что на полдороги между вокзалом и «Метрополем», где сейчас Второй Дом Советов, а транспорт в Москве все равно никакой не действует».

В этом Васька оказался прав: транспорта не было никакого. Безлюдье, холодно и пусто. Лишь под вывеской «Товарищество Эмиль Циндель» длинная очередь за хлебом — сегодня обещали выдать по полфунта на работающего.

Шестаков отвлекал себя от голода и усталости размышлениями о причине срочного вызова в Москву.

Вообще-то говоря, он был уверен, что его направят на юг, там сейчас будут решаться военные судьбы Республики. С падением белого Архангельска наступила, наконец, передышка в непрекращающейся вот уже два года гражданской войне.

Но в Крыму засел Врангель, и с юго-запада нависают дивизии белополяков. Хотя поляки до весны вряд ли пойдут. А наступать на Врангеля, имея обнаженный западный фланг, просто немисливо.

Наверняка Шестакова бросят сейчас в Таврию: еще в этом году схватимся с врангелевцами на крымском перешейке!

Но почему его вызвали к Красину? Красин военными делами не занимается, он хозяйственник. Правда, сейчас

партия дала установку, что бескровный фронт — хозяйственный фронт — и есть главная линия сражения.

Вон через весь фасад магазина Бландова вывешен плакат:

ТРИ ВРАГА БЫЛИ КОЛЧАК, ДЕНИКИН, ЮДЕНИЧ.

ТРИ ВРАГА ОСТАЛИСЬ ГОЛОД, ХОЛОД, ТИФ

ТЕХ ПОБЕДИЛ КРАСНЫЙ ШТЫК

ЭТИХ ПОБЕДИТ КРАСНЫЙ ТРУД

«Но ко мне-то какое это имеет отношение? Я ведь солдат, — думал Шестаков. — Ладно, надо быстрее разыскать старушку Преображенскую, передать «живой привет» и торопиться к Красину. Через пару часов будет все известно».

Мела поземка, сырой промозглый ветерок забирался под полы шинели, за воротник, вызывая тоскливый озноб во всем теле. Нет, не радовала заледевшая февральская Москва тысяча девятьсот двадцатого года, хотя полинявшие рекламы на крышах и торцах домов еще гремели, угваривая пить коньяк Сараджева, курить папиросы из гильз Катук, предлагали подсластить жизнь конфетами Жоржа Бормана, делать вклады в «Соединенный банк».

А над фронтоном Большого театра вьюга трепала красное полотнище: «БОРЬБА ЗА ХЛЕБ — БОРЬБА ЗА СОЦИАЛИЗМ!»

Шестаков грустно покачал головой, вспомнив нескончаемые безнадежные очереди у булочных, на дверях которых белели сообщения Московской Чрезвычайной Комиссии о расстрелах хлебных спекулянтов.

Хлеба не было.

И другого продовольствия не было; и топлива не хватало, заводы и фабрики стояли.

Шестаков взглянул на часы, вздохнул: до назначенной ему встречи оставалось еще полтора часа. Он поднялся по Мясницкой, бульваром дошел до Сретенки, направляясь к знаменитой Сухаревке, где жила мать Васьки Преображенского. Посылку надо было передать в первую очередь.

В Печатниковом переулке, узеньком, худо освещенном, навстречу ему шагнула от парадного нарядно одетая женщина.

В слабом отсвете фонаря Шестаков разглядел грубо раскрашенное, хотя и красивое лицо.

Женщина игриво сказала:

— Капитан, не угостите ли даму папироской?

Шестаков кивнул, достал из кармана портсигар, раскрыл его, с холодноватой любезностью протянул женщине. Не без интереса всмотрелся в нее.

Женщина призывно улыбнулась ярко-красными капризными губами и потянула портсигар к себе, легко кивнув в сторону дома:

— Вы не спешите, капитан? Маленькая уютная берлога. И тепло...

Шестаков вежливо улыбнулся в ответ, пожал плечами, отрицательно покачал головой. Он не заметил, как из подворотни появились двое угрюмого вида парней, подошли к нему сзади.

Один дернул его за руку, сказал грубо:

— Ты чего пристаешь?..

Шестаков обернулся и увидел мгновенный отблеск света на лезвии финки в руке другого — низкорослого, с темным и хмурым лицом.

Первый подтолкнул Шестакова плечом в сторону подворотни.

Шестаков уперся и, быстро взглянув на женщину, сказал укоризненно:

— Эх, вы-ы... Ай-яй-яй!.. — и, неожиданно вырвав из ее рук тяжелый портсигар, ударил им по голове того, что держал нож. Тот пошатнулся, но второй грабитель в ту же секунду прямо из кармана выстрелил в Шестакова. Шестаков успел нанести ему сокрушительный ответный удар ногой, но не удержался и упал.

Бог весть чем бы кончилось это обычное по тем временам происшествие, если бы из парадного напротив не появился дюжий дворник в белом фартуке. Выпучив глаза, он изо всех сил принялся свистеть в полицейский свисток, и грабители вместе с женщиной побежали в сторону Трубной.

Шестаков с недоумением посмотрел на кровь, показавшуюся на его рукаве, махнул рукой дворнику и вскочил на ноги. От Сретенки послышался гулкий топот бегущего к месту происшествия милиционера, который быстро сообщил, в чем дело, и они втроем бросились за налетчиками, но их и след простыл: деревянные заборы, разделявшие

когда-то дома и дворы Печатникова, давным-давно пошли на дрова, и скрыться в лабиринте маленьких домишек старого переулочка было пустяковым делом.

Пуля, к счастью, только царапнула руку Шестакова, и, наскоро перевязав ее в ближайшей аптеке на Сретенке, он успел на Театральную площадь — на аудиенцию к наркому Республики Леониду Борисовичу Красину.

«Живой привет» — будущие овсяные блины, от которых все пальчики оближешь, — Шестаков стыдливо припрятал под шинелью на вешалке в приемной наркома.

Леонид Борисович стоял у окна в своей излюбленной позе — руки за спиной, плечи чуть нахочлены — и смотрел на Театральную площадь. Прямо перед ним, через весь торец здания Малого театра, алел огромный лозунг:

«ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА! ВСЕ НА РАЗГРОМ ВРАГА!»

Нарком ужинал. Он смотрел в окно и ел краюху черного сыроватого хлеба, круто посыпанную солью. На столе дымилась паром большая фарфоровая чашка с чаем.

С утра ничего не ел, а вообще-то есть и не хотелось. Сил нет. Устал. Гудит тяжело в затылке, и противно теснит в груди, тонко жжет за грудиной.

И даже вчерашняя огромная победа на Совнаркоме не радовала — сегодня уже занимали и беспокоили новые проблемы...

А вчера Совет Народных Комиссаров окончательно принял представленные им, Красиным, тезисы по внешней торговле. Четыре раза за последние три недели собирался по этому вопросу Совнарком, и только при поддержке Ленина удалось утвердить резолюцию об основных принципах монопольной внешней торговли молодой Советской Республики.

А в перерывах между заседаниями Совнаркома — государственный визит в буржуазную Эстонию, мучительно-напряженные переговоры и вырванный у них мирный договор, договор гарантированный, надежный, без лазеек для обмана и вероломства.

И непрерывный поток документов и посетителей.

Член Реввоенсовета Республики. Народный комиссар путей сообщения. Народный комиссар внешней торговли. Нарком торговли и промышленности. Председатель Чрез-

вычайной Комиссии по снабжению Красной Армии. Член Совета обороны.

Бесконечный список дел.

Переговоры с немцами...

Хлеб в Поволжье...

Выяснить вопрос о посылке делегации в Финляндию...

Хлеб с Украины...

Наказать военных, самоуправничающих на оружейном заводе в Ижевске...

Хлеб.

Сколько можно подготовить в текущем месяце автомобилей для нужд армии?..

Хлеб.

Вопрос о броневиках...

Нерабочий паек — сто тридцать три грамма хлеба.

Затребовать сведения о выпуске винтовок...

В Москве непригодна для жилья половина квартир...

Продовольственный фонд на исходе...

Запас муки в столице — на семь дней.

Из подвижного трамвайного состава действующих со-
рок шесть вагонов...

Хлеб... Хлеб... Хлеб.

Что делать? Как накормить миллионы голодных ртов? Ведь им ждать некогда!

Антанта трещит. Месяц назад Верховный Совет Антан-
ты с зубовым скрежетом и сердечными стенаниями вы-
нужден был под нажимом своего пролетариата и собствен-
ных экономических обстоятельств согласиться на торговлю
с Россией.

Конечно, не с Советским правительством, а с коопера-
тивными учреждениями, но это все равно прорыв в непро-
ходимой ранее стене блокады, торгового ошейника, кото-
рым хотели задушить Республику.

Ничего, ничего, мы еще посмотрим. Мы еще с вами, гос-
пода повозимся всерьез!

Секретарь приоткрыл дверь:

— Леонид Борисович, к вам Шестаков.

Красин промокнул салфеткой губы, кивнул:

— Просите! Жду с нетерпением...

И пока Шестаков еще не вошел, аккуратно завернул
остаток хлеба в чистый лист бумаги, спрятал в стол.

Дверь снова открылась — в кабинет вошел высокий
военмор, левую руку он осторожно нес на перевязи.

Красин шагнул ему навстречу:

— Здравствуйте, Николай Павлович! Рад с вами по-
знакомиться! О вас очень хорошо отзывались Дыбенко
и Кедров.

Шестаков сдержанно улыбнулся:

— Спасибо...

Красин приветливо дотронулся до его плеча:

— Они, собственно, и были инициаторами нашей встре-
чи. А что с вашей рукой?

Шестаков улыбнулся:

— Да ничего серьезного. Пустяковая царапина, через
пару дней заживет.

— Ну, прекрасно. Потому что Кедров рекомендовал
вас руководителем одного очень ответственного дела, кото-
рое тут у нас затевается...— Красин принял листать
лежавшую у него на столе докладную записку.

Шестаков осматрелся. Кабинет, он же личная квартира
члена Реввоенсовета Республики, народного комиссара
внешней торговли и путей сообщения, был невелик: двух-
комнатный номер Второго Дома Советов — бывшей гости-
ницы «Метрополь». Увешанные картами стены, длинные
столы с теми же картами и папками бумаг, худосочные вен-
ские стулья, протертый диван. Через открытую дверь во
вторую комнатку была видна железная койка, застеленная
солдатским одеялом.

— Я представлял вас гораздо старше, — сказал Кра-
син, отрываясь от записки.

Шестаков ответил очень серьезно:

— К сожалению, этот мой недостаток обязательно
пройдет, Леонид Борисович.

— Вам лет двадцать пять?

— Двадцать шесть.

— Ах, дорогой Николай Павлович, как я вам зави-
дую! — сказал Красин искренне, и мягкие бархатные глаза
его увлажнились: — Я вас почти вдвое старше, мы ведь
ровесники с Владимиром Ильичем...

Шестаков покачал головой:

— Вам грех жаловаться, Леонид Борисович, вы, как
говорится, в возрасте «акмэ».

Красин рассмеялся:

— Возраст расцвета? Вообще-то, конечно. И я не жа-

любую, просто хочется успеть побольше — и повоевать, и поработать, и поторговать. А если совсем честно — пожить хорошо ух как охота! Но, увы, пока недосуг...

Красин жестом пригласил Шестакова сесть около стола, вернулся на свое место.

— Чаю хотите?

— С удовольствием, — просто согласился Шестаков. — Замерз основательно по дороге к вам.

Секретарь принес Шестакову большую чашку с горячим чаем. Моряк с видимым удовольствием охватил ее рукой, стал греть ладонь.

Красин прихлебнул из своей чашки, отставил ее в сторону:

— А теперь, Николай Павлович, я бы попросил вас рассказать о себе, хотя бы в нескольких словах.

— Попробую, — сказал Шестаков и, не удержавшись от искушения, сделал несколько маленьких торопливых глотков. Чай был крепкий, настоящий. — Я из Сибири, отец мой — рабочий. Грамоту он узнал самоучком, но меня отправил учиться в Томск. Окончил училище с медалью...

— Вы там и познакомились со ссыльными социал-демократами? — осведомился Красин.

— Да. Именно с их явками и связями я прибыл в Петербург. Поступил в Технологический, работал по заданию Комитета со студентами и рабочими.

— В партию уже в Петербурге вступили?

— В тринадцатом году. А летом четырнадцатого Комитет решил меня направить на фронт — для ведения работы среди моряков.

— Вольноопределяющимся?

— Почти. Мне ведь пришлось уйти со второго курса. Вот я и поступил в юнкера флота.

— И как служилось?

Шестаков улыбнулся:

— Карьера у меня получилась стремительная. В тысяча девятьсот пятнадцатом году произвели в мичманы, служить направили в минную дивизию. В шестнадцатом за набег на Данциг наградили орденом Станислава, а за бой на дредноуте «Слава» — я там был уже лейтенантом — пожалован Владимиром.

Красин заглянул в записку, лежавшую на столе, спросил:

— Вы ведь службу закончили — я имею в виду под Андреевским флагом — старшим лейтенантом?

Шестаков подтвердил:

— Так точно, сведения у вас верные. Но произвели меня уже в январе семнадцатого, вместе с назначением командиром минного дивизиона... А в октябре по приказу Центробалта привел свой дивизион в Петроград. Участвовал со своими орлами в штурме Зимнего.

Красин допил чай, поднялся, сказал весело:

— Ну, а в составе Красного Флота — ледовый поход из Гельсингфорса в Кронштадт, потом — сухопутная война, орден Красного Знамени и Почетное революционное оружие. Прекрасно, Николай Павлович. Именно вы мне и нужны!

Шестаков тоже встал:

— Слушаю, товарищ Красин.

— Вы — старый партиец, опытный моряк и военный человек. Для успеха вам необходимо именно такое сочетание достоинств. Поскольку я собираюсь поручить вам задачу, до сих пор считавшуюся невыполнимой.

— Я готов.

— Другого ответа и не ждал. Владимир Ильич Ленин поручил мне подготовить решение проблемы сибирского хлеба. Вы знакомы с этим вопросом?

— Очень общо.

Красин подвел Шестакова к географической карте Полярного бассейна, просторно развернувшейся от одного края стены до другого.

— Вот, взгляните, Николай Павлович, — устья Оби и Енисея. Здесь на сегодняшний день скопилось свыше миллиона пудов сибирского хлеба, большое количество соленого мяса, рыбы и других продуктов. А Республика умирает с голоду...

— Мне говорили, что в России сейчас стоят без движения двадцать пять или двадцать шесть железных дорог? — нерешительно перебил Шестаков.

— К сожалению, не двадцать пять, а все тридцать, — хмуро ответил Красин. — А на тех, что кое-как работают, в ходу не больше одной трети паровозов. Топлива нет, пути разрушены, мосты взорваны...

Он кивнул на карту железных дорог, поморщился:

— Тем не менее хлеб и остальные продукты с Оби и Енисея мы должны доставить в Россию.

— Значит, через Ледовитый океан?

Красин ответил не сразу. Он подошел к окну, долго рассматривал на Малом театре лозунг «Всё для фронта! Все на разгром врага!», потом сказал твердо:

— Да, через Северный Ледовитый океан. Это поручение Владимира Ильича Ленина. Когда он выступал на сессии ВЦИКа, он заявил прямо: «На этой задаче нам надо сосредоточить все силы!»

Шестаков походил около карты Полярного бассейна, остановился, всматриваясь в голубые ленточки рек, в белые пустынные просторы Ледовитого океана, в редкие кружочки населенных пунктов. Задумчиво произнес:

— М-да-те-с... Конечно, это было бы прекрасно... Но, к сожалению, боюсь, что нереально. Места-то — ох какие трудные! Гидрографических описаний почти нет, лоцман — из поморов — разбежались.

— Надо собрать тех, что уцелели.

— Конечно. Но я слышал, этот хлебушек пытались вывезти англичане. Да обожглись: посадили несколько транспортов на мели, два или три парохода не успели обернуться — во льды матерые вмерзли. Тем дело и кончилось...

— Все знаю, Николай Павлович. Больше того, знаю, что нет подходящего флота — его весь украли интервенты и белые. Нет угля и мазута, нет обученных экипажей...

— Знающих капитанов тоже нет, — подключился к этому безрадостному перечислению Шестаков. — Просто не знаю, как быть, Леонид Борисович.

— Наверное, надо осознать, что это вопрос жизни и смерти. Известно, что эта задача до сих пор считалась невыполнимой. Но... успешно провести караван по-настоящему необходимо! — Красин интригующе воздел палец. — Это ведь не только важнейшая акция Советского правительства в области человеколюбия и экономики...

Шестаков удивленно посмотрел на него:

— А что же еще?

— Политика! Владимир Ильич надеется превратить экспедицию в серьезный политический таран против блокады.

— Политический? А каким образом?

Красин оживленно забегал по кабинету.

— Очень просто. Часть сибирского хлеба, а главным

образом лес, смолу, меха, замшу, лен, мы выбросим на европейский рынок, чтобы купить машины, оборудование, мануфактуру и все такое прочее. Вот это, вместе взятое, и будет политической акцией.

Шестаков все не мог уразуметь идею.

— Как же так, Леонид Борисович? Ведь капиталисты отказываются торговать с нами?

Красин терпеливо разъяснил:

— Не капиталисты, а капиталистические правительства! Это разные вещи. Капиталистические правительства отказываются торговать с Советским правительством. Но масса отдельных капиталистов ну просто мечтает торговать с нами. Им все равно с кем, лишь бы профит был! И я придумал для них лазейку против их собственных законов и государственных установлений: они будут торговать не с Советским правительством, не с государством Советским, а с коммерческими учреждениями.

— Посредническая торговля! — догадался, наконец, Шестаков.

— Совершенно верно! И первым советским торговцем буду я. А вы должны обеспечить меня товарами. Через неделю я уезжаю в Европу, буду в Стокгольме, Копенгагене, Лондоне. Надеюсь, что тамошние промышленники и торгаши охотно забудут, что я народный комиссар и член Центрального Комитета партии. Для них я — коммерческий представитель Центросоюза, в этом качестве они и будут меня принимать... надеюсь...

— Я вас понял, Леонид Борисович, — горячо сказал Шестаков. — Постараюсь сделать все от меня зависящее.

— И не зависящее тоже, дорогой мой Николай Павлович, — засмеялся Красин. — Иначе — помрем с голоду. Нам надо прокормить население и при этом любой ценой прорваться на мировой рынок. Вот у меня справка, взгляните...

Красин быстро подошел к столу, показал Шестакову бумагу.

— В прошлом году, в марте, в Мурманск прибыл английский пароход с товарами первой необходимости для населения на сумму миллион восемьсот пятьдесят тысяч рублей. Как вы думаете, за сколько эти товары распродали?

— Н-не знаю, — пожал плечами Шестаков.

— За три с половиной миллиона! — воскликнул Кра-

син. — Сколько же еще мы будем давать себя грабить?

Шестаков согласно кивнул:

— Англичане — известные торгаши, с кого хочешь шкуру спустят и еще будут своими благодеяниями хвастать.

Красин спросил:

— Вы ведь командарма Самойло знаете?

— Ну как же! Я под его командованием служил.

— Так вот, он прислал мне сводку из Архангельска: интервенты захватили силой на пятьдесят миллионов рублей золотом народного добра — леса, льна, пеньки, сала, рыбы, мехов...

— Они же твердили, что только торгуют с Северным правительством!

— Черта с два! Особая статья — в порядке «торговли» с генералом Миллером они вывезли товаров еще на сто миллионов рублей. Вы только вдумайтесь в эту цифру: сто миллионов рублей золотом! — Глаза Красина разгорелись, он неистово жестикулировал, быстро расхаживая от стола к окну и обратно. — Хватит, пограбили! Нам самим надо прорываться на мировой рынок. А это, в первую очередь, зависит от успеха вашей экспедиции, Николай Павлович...

Красин подошел к Шестакову, обнял его.

— Ну, и, конечно, это хлеб сотням тысяч голодающих. Это нужные позарез нашему хозяйству машины, инструменты, потребительские товары. Если вы проведете в этом году караван, мы сделаем экспедиции в Карское море ежегодными! Северный морской путь, освоенный нами, должен стать рабочей дорогой Республики...

Шестаков вытянулся:

— Леонид Борисович, я готов хоть сегодня приступить к выполнению задания.

— Доброго вам пути, Николай Павлович. Из Стокгольма и Лондона я буду непрерывно держать с вами связь через Москву. Без вашего успеха наша миссия обречена.

— Мы привезем хлеб, чего бы это ни стоило, — твердо сказал Шестаков.

— Я понимаю, чего это может стоить. Жизни. — Красин нахмурился, развел руками: — Но у нас нет выхода. Давайте обнимемся на прощание.

Красин осторожно, чтобы не задеть раненую руку Шестакова, обхватил его за плечи, проводил к выходу, сказал задумчиво:

— А вы знаете, Николай Павлович, вот как бы ни было трудно, порою просто жутко, а все равно — в каждый миг, каждую минуту меня не покидает ощущение строительства истории...

Отрешенная неподвижность Неустроева мгновенно взрывалась вспышками яростной увлеченности, и тогда он начинал говорить — бурно, путанно-длинно и все-таки прекрасно:

— Безжизненность Полярного бассейна — вздор! Трусливый вздор бескрылых людей! Жизнеспособности аборигенов мы можем только завидовать! Тысячелетия назад они вышли из недр Азии и расселились через далекий Север на Американском континенте. Для них остались неоткрытыми колесо и порох, и только банды Кортеса связали их снова с цивилизацией. Насилием! Болезнями! Спиртом!..

Шестаков сидел молча, курил махорку, слушал с интересом, иногда посмеиваясь про себя. Потом, чтобы подзадорить Неустроева, спросил:

— Может быть, в те времена иное было невозможно?

— Как невозможно?! — закричал, захлебнувшись возмущением, Неустроев. — Я заявляю вам твердо — а существо вопроса мне хорошо известно: пионеры российского открывательства, мореплаватели и купцы, никогда не осквернили памяти о себе теми злодеяниями, что совершались под эгидой католического креста!

— И купцы? — серьезно осведомился Шестаков.

— И купцы! Российско-американская компания, конечно, имела в первую очередь коммерческие цели, но и Шелихов, и Баранов строили на западном побережье Америки фактории, школы и больницы. А конкистадорские банды, катившие с восточного побережья, уничтожали все живое на своем пути — народы, государства, целые цивилизации...

— У России был совсем иной путь, совсем иные задачи, — заметил Шестаков.

— Вот именно! Они были исторически иные, и я часто с мукою думаю, что сыны российские, взявшие на себя нечеловечески страшный труд освоения самых недоступных участков Земли — Арктики, Камчатки, Сибири, Алеутов, открытие Антарктиды, — все равно не пользовались должным престижем среди мореплавателей мира.

— А почему?

— Потому что, за исключением Петра, в нашей державе были очень серые государи, которые казенным бюрократам верили всегда больше, чем людям, бившимся за идею, а не за свою корысть...

Неустроев горько помотал головой и тихо добавил:

— Неверие и пренебрежение к своим талантам, как ржа, разъели российское общество. Возьмите хотя бы Литке. Ведь выдающийся был адмирал и мореход, по-настоящему образованный человек, а всего лишь полвека назад сказал, и предписал: «У нас, у русских, еще нет такого моряка, который решился бы плыть морем в устье Енисея...»

— Может быть, поэтому мировая слава принадлежит конкистадорам и торговцам пряностями, а не Чирикову и Челюскину?

— И поэтому тоже... Да не в славе дело. Славу создавал блеск небывалого количества золота, хлынувшего в Европу, а не великие географические открытия.

Шестаков усмехнулся:

— Между прочим, мало кто знает, что испанское и португальское золото, награбленное во всем мире, не сделало эти страны ни богатыми, ни счастливыми. За следующие сто лет они пришли в полнейший экономический упадок...

— Не-ет, грабежом не проживешь, грабеж державу не богатит, — покачал головой Неустроев. — Богатство стране создают просветительство, труд, поиск новых путей, торговля.

Шестаков показал на большую фотографию Норденшельда с дарственной надписью Неустроеву:

— Вот он, когда впервые прошел Северным морским путем, не думал о грабеже, а думал о благе...

— Безусловно! Ошибка только в том, что по нашей российской беспамятности первопроходцем на Северном пути считают Эрика...

— Разве это не так?

Неустроев сказал сухо:

— Сейчас уже научно можно доказать, что поморы и казаки это делали еще в семнадцатом веке.

И тут же снова вспыхнул, загорелся, чуть ли не бегом промчался вдоль огромной карты Полярного бассейна, сердито ткнул в него сухой рукой:

— Вот, смотрите, весь этот гигантский труд совершили

наши с вами земляки. Первыми, дошедшими до Тихого океана, были устюжане — Дежнев, Москвитин, Поярков, холмогорец Попов. У них была историческая необходимость для такого подвига. Ощущение, так сказать, великой миссии России на северном океане...

— Вы имеете в виду разведку и освоение самых труднодоступных мест?

— Конечно! Им были суждены не тропические куши Америки, а вечная стылость Арктики, Чукотки, Камчатки, Аляски.

— Да-а, другого пути в мир не было,— задумчиво сказал Шестаков.

— Вот именно! Татары веками перекрывали путь к теплым морям, шведы и немцы — к Балтике. И шли они со своей земли неродящей в огромный и бушующий мир через Ледовитый океан...

— Но ведь это было очень давно,— возразил Шестаков.— Сейчас, благодаря техническому прогрессу, существуют все возможности для реального освоения Заполярья, так что...

— Сам по себе технический прогресс для настоящего освоения Севера — ноль. Нужна возвышенная нравственная идея! — горячо перебил его Неустроев.— Такая идея вела братьев Лаптевых, Челюскина, Беринга...

— А как бы вы сами, Константин Петрович, сформулировали эту идею? — спросил Шестаков.

Неустроев испепеляюще полыхнул голубыми неистовыми глазами:

— Люди сильные должны раздать неслыханные богатства Севера людям слабым!

Шестаков смотрел на тщедушного, впалогрудого профессора, не скрывая любопытства:

— Давайте, Константин Петрович, попробуем вместе! — вдруг предложил он гидрологу.

Неустроев усмехнулся:

— Со мной?... Пожалуйста! Но остальных людей экспедиции вы погубите.

— Не-а,— упрямо покачал головой Шестаков.— Мне нужен отряд сильных, знающих людей. С ними мы приведем голодающим самое главное богатство — хлеб...

— У нас нет судов, нет обученных экипажей, нет топлива! — снова взорвался Неустроев.— Не забывайте, что территория, прилегающая к Северному морскому пути,—

это гигантский и довольно пустынный район протяженностью — ни много ни мало — семь тысяч километров! Если экспедиция не обернется за одну навигацию — все погибнут!

— Дорогой Константин Петрович, мы не можем не обернуться за одну навигацию. Иначе здесь погибнут десятки тысяч людей...

Неустроев грустно улыбнулся:

— Но ваше желание спасти их не может быть сильнее Арктики. Вы плавали в Полярном бассейне?

— Нет.

— В том-то и дело. Это самая неукротимая стихия на Земле. И она сломала многих энтузиастов.

Шестаков пожал плечами:

— Я не плавал в Полярном бассейне, но я брал Шенкурск. В сорокаградусный мороз, по снегу голодные люди волокли на себе пушки. И стихия не могла их сломить. И нас Арктика не ломает. С вами или без вас, но осенью хлеб будет в Архангельске...

— На чем же вы строите свою уверенность?

Шестаков растегнул карман френча, достал сложенный вчетверо лист бумаги:

— Это телеграмма в Наркомпрод из Архангельского губернского исполкома. «Положение губернии отчаянное. Пять уездов абсолютно голодают. Запасы исчерпаны. Отступающие белогвардейцы вывезли остатки продовольствия. Неввоз хлеба Мурманск, Печору, Мезень грозит смертью...»

Неустроев взял в руки телеграмму, перечитал ее, грустно покачал головой.

Шестаков горячо продолжал:

— Мой долг моряка и большевика предписывает мне спасти голодающих или... погибнуть вместе с ними.

Неустроев развел руками, немного растерянно спросил:

— Чем я могу быть полезен?

Шестаков удивился:

— Как чем? Вы один из старейших арктических капитанов, у вас богатейший опыт ледового плавания. Вы ведь служили еще на «Ермаке»?

Неустроев кивнул:

— Да, я имел честь быть старшим офицером на судне, когда им командовал Степан Осипович Макаров.

Шестаков заметил лстыиво:

— Вы прекрасный гидролог, Константин Петрович! Я знаю, что еще в Морском корпусе гардемарины учились по вашим учебникам...

— Не надо слов,— махнул рукой Неустроев.— У меня вопросов больше нет.

Послышались легкие шаги, и в кабинет вошла высокая молодая женщина в темном платье с белым воротничком. Она сдержанно поклонилась Шестакову.

Неустроев представил:

— Познакомьтесь, пожалуйста, Николай Павлович, с моей дочерью Еленой.— Он повернулся к дочери и с неуверенной извиняющейся улыбкой добавил: — Леночка, это комиссар Шестаков. Мы...

— Прости, папа, вы так громко... Короче — я в столовой слышала весь ваш разговор. Когда мы едем?

Шестаков внимательно посмотрел на нее: сильная гибкая фигура, твердые серые глаза. И вежливо ответил:

— Елена Константиновна, мы с вашим отцом отправляемся в Архангельск сегодня ночью.

Непринужденно прислонясь спиной к резному мореного дуба книжному шкафу, Елена спросила:

— Мы едем только вдвоем? — «Мы» прозвучало недвусмысленно.

Еще вежливее Шестаков пояснил:

— Мы едем вдвоем: ваш отец, мой помощник Иван Соколов и я.

Серые удлиненные глаза Елены влажно заблестели, и Шестакову показалось, что она сейчас заплачет. Но голос ее был сух и непреклонен, когда она сказала:

— Значит, вчетвером.

Шестаков даже растерялся.

— Елена Константиновна, нам предстоит дьявольский рейс. Поверьте, это не женское дело... — насколько мог ласково сказал он.

Елена вспыхнула:

— Не говорите банальностей! «Не женское дело»! — передразнивая она Шестакова.— А по трое суток не выходить из тифозных барakov — это женское дело? Делить осьмушки хлеба умирающим детям — это женское дело?..

Елена оторвалась от книжного шкафа, стремительно подошла к столу:

— Неделями трястись в санитарной двуколке?.. Отстреливаться от казаков... Это чье дело?!

Шестаков смотрел на нее во все глаза, любуясь румянцем, вдруг загоревшимся на бледном лице. Покусывая от возбуждения ровными длинными зубами полную нижнюю губу, Елена говорила с жаром:

— Во-первых, папа, как дитя малое, нуждается в женском уходе. Во-вторых, не беспокойтесь, помехой не буду...

Шестаков сказал неуверенно:

— Я, право, и не знаю...

— Тут и знать нечего! — успокоила его Елена.— Чем труднее дело, тем больше вам понадобится опытная медсестра!

Шестаков пожал плечами — в твердых глазах ее была лукавая усмешка, и он перевел взгляд на Неустроева. Тот смотрел на дочь озабоченно. Решительно заканчивая деловой разговор, Елена сказала:

— А теперь прошу отобедать — у нас есть картошка, конопляное масло и прекрасный морковный чай...

И Шестаков увидел, что у нее хоть и маленький, но очень упрямый подбородок.

Лицо Елены, совсем еще девчоночье, задумчиво-улыбающееся, с мечтательными продолговатыми глазами, было освещено желтым мигающим светом коптилки. Потускневший, обтрепанный по краям фотоснимок. Стершиеся на полях золотые вензеля, орленые печати, чуть видное факсимиле «ФОТОГРАФИЯ БРОЙДЭ. ПЕТЕРБУРГ. 1914 ГОД»... Фотография лежала на пустом снарядном ящике, который использовали вместо стола. Рядом были разложены какие-то документы, на грязном вафельном полотенце поблескивали ордена — Владимир, Станислав, Георгий, медаль «За храбрость», французский «Почетный легион».

Чаплицкий бегло просматривал бумажки и большинство тут же сжигал на вялом пламени коптилки. Покончив с этим делом, он взял с ящика револьвер, ловко разобрал его и четкими, привычными движениями принялся чистить.

Из серой мгlistой темноты пакгауза, в которой угадывались силуэты еще нескольких человек, как диковинная донная рыба, выплыл в освещенный коптилкой круг прапорщик Севрюков, опухший, черный, подмороженный. Зябко обнимая себя за плечи, он долго смотрел на занятия

Чаплицкого, а когда тот, вытерев чистой тряпицей затвор, начал смазывать его, прокаркал:

— Эт-та... На что вам эта игрушка, ваше благородие?

Чаплицкий поднял на него глаза, чуть заметно улыбнулся и сказал доброжелательно:

— Это, почтеннейший Севрюков, не игрушка. Это револьвер «лефоше»: семь патронов, в рукоятке — нож, а на стволе — кастетная накладка.

Севрюков поморщился:

— Французские глупости. По мне — нет стволов лучше, чем у немчуры. От маузера у противника в черепушке дырка образуется с кулак...

Чаплицкий вздохнул.

— Вы никогда ничему не научитесь, Севрюков. У вас мышление карателя. А ведь мы сидим, как крысы, в этом пакгаузе...

Сжав кулаки, Севрюков заорал:

— Я вам говорил, что надо всем вместе пробиваться! Не сидели бы здесь, как крысы...

— Не кричите, прапорщик, вас и так услышат, — сказал Чаплицкий, продолжая смазывать затвор. — Что же вам помешало пробиться?

— Так они валом перли, со всех сторон, — уже виновато пробормотал Севрюков. — Было бы стволов с полсотни — обязательно где-нибудь прорвались бы... Нам терять нечего.

Чаплицкий собрал револьвер, заглянул зачем-то в ствол, сказал лениво:

— Это в а м, прапорщик, терять нечего.

— А вам? — вскинулся Севрюков.

Так же лениво, нехотя Чаплицкий процедил:

— А у меня здесь родина. Россия называется. Слышали когда-нибудь о такой земле?

Севрюков истерически захохотал:

— А то! Россия! Ха! Чай Высоцкого, сахар Бродского, а Россия Троцкого! Как не слышать!

Чаплицкий поморщился:

— Я же просил вас — тихо! Если на ваши вопли подойдет красный патруль, придется вам опробовать маузер на собственной черепушке.

Из темноты вышли на огонек два офицера в шинелях с оторванными погонами. Следом за ними появился, еле

волоча ноги, чихая и кашляя, командир первого «эскадрона смерти» ротмистр Берс.

— Чертовский холод! — сказал он уныло.

Севрюков поглядел на него с антипатией и злорадством, презрительно процедил:

— То-то! Это вам, Берс, не на гнедом жеребце гарцевать! Это вам не в черном эскадроне веселиться! С гриппом вы тут долго не протянете...

Берс накинул на плечи мешок, присел рядом с Чаплицким и, не удастая Севрюкова взглядом, сказал, изящно грассируя:

— Этот Севрюков — совершенно дикий, стихийный мизантроп. Я бы не хотел оказаться с ним на необитаемом острове: томимый голодом, он может жрать человечину...

— Конечно, могу! — заржал Севрюков, нисколько не обижаясь. — Не то что вы, хлюпики! Эхма, воинство сопливое!

— Как он умеет эпатировать общество! — усмехнулся Берс и сказал Чаплицкому по-французски: — *Лё плебэн энсолэм авек дэз еполет д'оффисье* (наглый простолудин в офицерских погонах).

— Чего это он лопочет? — подозрительно спросил Севрюков у Чаплицкого.

Тот задумчиво посмотрел на него, качая головой, медленно пояснил:

— Ротмистр утверждает, будто душевное здоровье человека зависит от гармонии между дыханием, желчью и кровью...

— Это к чему он придумал? — поинтересовался Севрюков.

— Насколько мне известно, это не он придумал, — терпеливо сказал Чаплицкий. — Есть такое индийское учение — Риг-Веда...

В амбаре повисло враждебное молчание. Севрюков, исполненный жаждой деятельности, наклонился над фотографией Лены Неустроевой, присмотрелся к ней, коротко хохотнул и обернулся к Чаплицкому:

— Смазливая мамзель!

Берс опасно покосился на каменные желваки, заглявшие по худым щекам Чаплицкого, и соизволил обратиться к прапорщику Севрюкову:

— Вы бы помолчали немного, любезный!

— А чего? Высокие чувства? — Севрюков снова захо-

хотал. — Так вы о них забудьте! Мы уже почти померли, перед смертью надо говорить только правду. А самая важнейшая правда, какая только есть в этой паскудной жизни, — это что все бабы делятся на мурмулеточек и срамотушечек. Вот эта, на столе, — мурмулеточка...

Чаплицкий неуловимым мгновенным движением вскинул «лефоше», раздался еле слышный выстрел — и с головы Севрюкова слетела сбитая пулей папаха.

Даже не посмотрев на побледневшего прапорщика, Чаплицкий сказал доброжелательно:

— Видите, Севрюков, я мог вас покарать. А потом взял и помиловал...

Опомнившийся Севрюков начал лихорадочно шарить трясущейся рукой по кобуре, но Чаплицкий уже положил свой револьвер на ящик перед собой и спокойно продолжил:

— Не делайте глупостей, не ерзайте, иначе я вас действительно застрелю. Вас, конечно, и надо бы застрелить, на Страшном суде мне бы скинули кое-что за такой благодетельный поступок... Тем не менее я дарю вам жизнь. Больше того, я дам вам свободу...

Севрюков криво ухмыльнулся:

— Это чего же ради?

Он с ненавистью уставился на Чаплицкого, который совершенно невозмутимо сложил документы, потом убрал их во внутренний карман своей солдатской шинели и туда же ссыпал ордена. Спрятал револьвер. И наконец, объяснил:

— Мне запало в душу, Севрюков, что вы можете есть человеческое мясо. Вот я и хочу помочь вам — благодаря этому умению — перейти финскую границу.

— Плевать мне на ваши благодеяния, — зло зашипел прапорщик. — Я и сам...

— Нет, — покачал головой Чаплицкий. — Без меня вы не перейдете границу. Пятсот километров зимней тундры пешком? Без продовольствия? Через красные кордоны?

— Ну и что вы хотите?

— Я вам подскажу, как добраться до Финляндии. Туда ушла дивизия генерала Марушевского, начальника штаба армии Миллера. Вы передадите ему письмо от меня, а он за это переправит вас в Англию. И для вас война закончена, раз и навсегда. Вас это устраивает?

Севрюков кивнул:

— Ну, допустим...

— Сегодня около полуночи из Архангельска пойдет почтовая упряжка в Иоканьгу. Почту повезет матрос Якимов с немцем-каюром...

— А откуда вы это знаете? — хитро прищурился Севрюков.

— Вот это не ваше дело, уважаемый прапорщик. — Чаплицкий поднялся, сказал поучительно: — И вообще: не проверяйте меня, не соревнуйтесь со мной, не спорьте — вы всегда будете в проигрыше.

Севрюков спросил, набычившись:

— Интересно знать, почему бы?..

Чаплицкий деловито продул пустой мундштук и ответил ровным голосом:

— Потому что ваш ангел там... — он показал рукой вверх, — отдан в услужение моему. Мне думается, там тоже классовое неравенство и вскоре ангелы-социалисты затеют классовую борьбу...

Ротмистр Берс захохотал:

— Не пыжьтесь, Севрюков, — такова ваша карма, записанная в священной книге судеб Бханата-Рутия...

Севрюков переводил взгляд с одного на другого, и ненавистническая скрипучая слеза повисла у него на редких белесых ресницах:

— Шутите? Шутнички-и! Раздери вас в корень! Дошутились! Расею-матушку на ногте унести можно. — Он протянул к ним свой мосластый грязный кукиш: — Нигде нам не будет пристанища... Такую землю потеряли-и...

Берс глупо пошутил:

— Приличный кусок своей земли вы унесете в эмиграцию под ногтями! Ха-ха!

Севрюков повернулся к нему всем корпусом:

— А ты, немец, молчи! — С досады он даже плюнул: — Тыфу! Двести лет вы тут пили-ели, пановали — и все, как в корчме. Одно слово — наемники...

— Хватит, господа! — нетерпеливо стукнул ладонью по ящику Чаплицкий. — Вы согласны, Севрюков?..

Военмор Иван Соколов держал в руках верхнюю деку концертного рояля. Запотевшая с холода черная лаковость ее завораживала Ивана, он протирал ладонью окошко в серой мокрой испарине и смотрелся в темное зеркальное

отражение. Гордо вздымал бровь, шевелил слабыми усишками, грозно морщил свою курносую бульбочку. Потом улыбнулся: наружностью своею остался доволен. И декой рояльной — тоже.

— Хорошая вещь, однако, — сказал он удовлетворенно, взял из угла топорик и ловко стал распускать деку на щепки, узкие досочки, стружки. — На вечер хватит...

Иван Соколов был человек неспешный, степенный, сильно ценивший покой.

Дорога на военную службу, в Петроград, ему понравилась; много дней стучали по железке колеса телячьего вагона — от его родной деревни Гущи в бескрайних барабинских степях до сумеречной, подернутой дымчатым дождливым туманом столицы, и все это время можно было спокойно спать на свежеструганных, ладных, пронзительно пахнувших сосной нарах.

Просыпался, когда котловые разносили по вагонам тяжелые обеденные бачки, с удовольствием завтракал, обедал, ужинал и снова безмятежно засыпал.

Соколов уважал плотную еду, потому что весил девять пудов, и эти огромные комья мышц, могучий рослый костяк и неслучайные метры крепких, как парусная нить, нервов требовали всегда еды, когда Иван не спал.

Но Петрограда он тогда не увидел, потому что всех их, новобранцев, прямо с вокзала отвезли в военный порт, погрузили в толстобокый плашкоут, и старенький пузатенький буксир с надсадным сиплым сопением потащил их в Кронштадт.

Несколько часов, которые провел Иван на плашкоуте, немилосердно подбрасываемом короткой хлесткой волной Финского залива, внушили ему стойкое отвращение к морю.

Здесь, пожалуй, не разоспишься. И пузо тешить было бессмысленно: душа никакой жратвы не принимала, до зеленой желчи выворачивало Ивана наружу.

А кроме всего, сильно пугала такая жуткая пропасть воды вокруг. В тех местах, где родился и вырос Соколов, всей воды в самой дальней округе была речушка Ныря, пересыхавшая к концу июля до гладких белых камешков на песчаном дне.

Здесь — во все стороны, куда ни глянь, — была серозная, со смутной прозеленью вода.

Потому Ивана, как человека осмотрительного, нето-

ропкого, очень беспокоил вопрос: а как же вон там, за краем водяного окоема, корабли находят дорогу домой или в те места, куда они собрались плыть? Ведь одна вода кругом, в какую сторону ни обернись?

Да и как тут воевать, на этих зыбких хлябях, прицеливаться, стрелять из пушек или из пулеметов, когда и мирно на этих пароходах не поплаваешь — так с души мутит и блюешь без конца, точно на третий день богатой свадьбы?

В общем, вся надежда оставалась на то, что государю-императору нужны небось не только матросы, но и на берегу солдаты. Может, оставят в крепости? Или по какой другой вспомогательной береговой надобности.

Но с самого начала службы в полуэкипаже стало ясно, что шансов остаться на берегу маловато. К этому времени Иван уже стал помаленьку разбираться в типах кораблей и страстно мечтал, чтобы послали его служить на базовую брандвахту — она на мертвом якоре, от берега совсем близко.

Конечно, похуже, но неплохо все ж таки было бы попасть и на линкор. Дредноуты... они ведь здоровенные, каждый больше его деревни Гуши. В линкор и торпеда попадет — он не потопнет, а на снаряды ему просто чихать!.. И как ни крути, на волне его качает много меньше.

Но, будучи человеком рассудительным, Иван понимал, что надеяться на такую редкую удачу довольно глупо. Надо рассчитывать, что, скорее всего, попрут его трубить на крейсерскую бригаду.

Это, конечно, не ахти какая важная служба. Хотя и в ней имеются кое-какие резоны: такой крейсер, как «Рюрик», к примеру, он размером чуть поменьше дредноута, а ход у него гораздо шибче, так что ежели германских кораблей окажется вперевес, то почти завсегда можно будет от них удрать! И пушек у него будь-будь! На отходе из одних кормовых пушек можно отстреляться.

Цена покой, Иван был горячим противником атакующей тактики в морской войне.

О службе на миноносной дивизии Иван и думать не хотел, поскольку это уже выходило за рамки его представлений о нормальной жизни, а мстилось адской карой за совершенные ранее грехи.

Если же говорить всерьез, то со всем этим трижды про-

клятушим флотом Ивана примиряла одна мысль, единственное утешение: из-за роста и девяти пудов здоровенного крестьянского веса его уж во всяком случае не могли взять на подводные лодки.

Подводные лодочки были ма-а-аленькие, а он — большой. Да!

Хоть в этом господь уберег — от мерзкой участи законпачиваться в железный ящик, наподобие солонины в жестянках, что раздавали в обед, и ползать в таком непотребном виде по дну морскому, а сверху на тебя еще мины кидают...

Тьфу, прости господи! И подумать противно!

А в день присвоения Ивану звания матроса второй статьи их всех построили на плацу полуэкипажа, и с начальником канцелярии пришел красивый мичман с веселым загорелым лицом.

Иван стоял на правом фланге. Мичман хлопнул его по плечу, со смешком, не приказом, спросил:

— Что, мóлодец, пойдешь ко мне служить?

— Так точно, ваше благородие! — браво отрепетовал Соколов, успевший за недолгий срок службы в полуэкипаже скумекать, что такие весельчаки и красавцы-офицеры всегда поближе к начальству, а начальство — поближе к теплу, а тепло — на берегу.

— Ну и прекрасно, — засмеялся мичман, отобрал еще двенадцать матросов и сказал речь: — Поздравляю вас, братцы! Вы теперь матросы Шестой минной дивизии, члены экипажа эскадренного миноносца «Гневный», которым я имею честь и удовольствие командовать. Меня зовут Николай Павлович Шестаков...

Так и случилось ему, Ивану, самому себе выбрать судьбу, о которой он и думать-то никогда не хотел. Потому что балтийская служба на эсминцах — вообще дело беспокойное, а Шестаков к тому же оказался таким лихим, везучим и расчетливым командиром, что его корабль бросали, как правило, в самые трудные, опасные, порою просто безнадёжные дела.

И под его командой Иван дозорил в штормовые безвидные ночи, уходил на минные постановки к скандинавским проливам, атаковал Данциг, напоролся в тумане на броненосный крейсер «Роон» и принял с ним бой, сражался против огромной германской эскадры под Моонзундским архипелагом, снимал с тонущего геройского линкора «Сла-

ва» остатки экипажа и добирался до Риги на полузатопленном изрешеченном, избитом эсминце.

А потом был неслыханный ледовый переход из Гельсингфорса в Кронштадт, когда нечеловеческим усилием, в последний момент, удалось спасти революционный Балтфлот.

И потом — глушил бомбами глубинными английские подлодки в Финском заливе.

И погибал на взорванном «Азарде».

И штурмовал Красную Горку.

Привык. Привык к морю, к войне. И очень привык к Шестакову.

И сейчас, помешивая в котелке на «буржуйке» булькающую кашу, Иван думал о том, что, конечно, глупо спорить: все, что он знает о мире, о людях, об устройстве человеческих отношений, — все это он узнал от Шестакова.

Хотя, по правде сказать, как раз из-за этой привязанности к Шестакову он и сидит сейчас здесь, мерзнет и голодует, а не списался с флота в декабре семнадцатого и не уехал в свою далекую, сытую Барабу.

Конечно, и там, нет сомнения, на текущий момент война происходит и борьба с эксплуататорами. Но там все-таки дома, там все свое, знакомое, все понятное. Там бы он и без Шестакова теперь разобрался.

Да и жизнь эта, бродячая, цыганская, надоела.

Вот дали им сейчас с Шестаковым эту комнату — дак разве это комната для нормальных людей? Будто для великанов делали: потолки метров под шесть, от дверей к окнам ходить — запыхаешься, холодрыга — люстры от мороза хрусталем бренькают!

Дворник, который и раньше служил в этом доме, пока еще не был дом сдан под общежитие для командировочных и бездомных работников Наркомпрода, рассказывал давеча Ивану о бывшем своем хозяине, дурном барине Гусанове.

Гусанов этот получил по наследству от какой-то тетки прямо перед войной домище — в каком вы и располагаетесь. И так, значит, развеселился Гусанов от наследства, а еще оттого, что войну воевал в Петрограде, что за два года профуфырил дом на скачках, бабах-вертихвостках и заграничной выпивке; продали дом кому-то с торгов.

И все сказали: дурак Гусанов, миллион прогулял!

А через год после революции дом в казну забрали —

национализировали — и сделали общежитием. И все сказали — вот умница Гусанов, вот шикарно пожил!

Соколкин вспомнил эту нелепую историю, достал из тряпицы кусок старого зажелтого сала, одну толстую дольку чеснока, растер его рукояткой ножа, тоненько порезал сало и заправил жидкую пшеничную кашу.

И задал себе вопрос: так что же этот Гусанов — дурак он или умный?

Облизнул с ложки обжигающую кашу, покатал на языке, послушал ее вкус в себе, потом решительно потрянул головой — каша получилась хорошая.

А Гусанов был дурак.

За этими размышлениями и застал его вернувшийся вскоре от Неустроевых Шестаков.

Ужин был готов, и они с аппетитом поедали его прямо из котелка, сидя в шинелях на кроватях, придвинутых вплотную к печке.

Шестаков о чем-то сосредоточенно размышлял, и затянувшееся молчание было невольноту словоохотливому Соколкину.

— Николай Палыч!.. — завел он.

— Угу...

— Я вот подумал...

Шестаков бормотнул механически:

— Прекрасно...

— Вы ведь человек-то большой, однако... — гнул какую-то свою, ему одному ведомую, линию Иван.

— Спрашиваешь... — так же механически подтвердил Шестаков.

— По нынешним временам особенно...

Шестаков возвратился с небес на землю:

— Вань, кашки не осталось там?..

— Не осталось, Николай Палыч.

— Ну и слава богу! Ничего нет вреднее сна на полный желудок. Так ты о чем?

— Вот говорю, что вы сейчас, коли по старым меркам наметать, никак не меньше чем на адмирала тянете. Ай нет, Николай Палыч?

Шестаков тщательно облизал ложку, кивнул серьезно:

— На бригадира...

— Это чтой-то?

— Был такой чин, друг милый Ваня, в российском флоте.

— Важный?

— Приличный. Поменьше контр-адмирала, побольше каперанга. Соответствовал званию командора во флоте его величества короля английского.

— Вот я о том и веду речь, — оживился Соколов.

— Чего это тебя вдруг разобрало? — засмеялся Шестаков. — Звания все эти у нас в республике давно отменены.

— А пост остался? А должность имеется? Ответственность в наличии? Вот мне и невдомек...

— Что тебе невдомек? — Шестаков точными быстрыми щелчками сбросил в кружку с морковным чаем порошок сахарина. — Ты к чему подъезжаешь, не соображу я что-то?

— А невдомек мне разрыв между нашей жизнедеятельностью и моими революционными планами об ней!

— Ого! Очень красиво излагаешь! — удивился Шестаков. — Прямо как молодой эсер смазливой горничной. Ну-ка, ну-ка, какие такие революционные планы поломала наша с тобой жизнь?

Соколов, наморщив лоб, вдумчиво сообщил:

— Я так полагаю, Николай Палыч, революция была придумана товарищем Лениным, чтобы всякий матрос начал жить как адмирал. А покамест вы, можно сказать, настоящий адмирал, ну, пусть и красный, живете хуже всякого матроса. Неувязочка выходит.

Шестаков сделал вид, что глубоко задумался, скрутил толстую махорочную самокрутку, прикурил от уголька:

— Понимаешь, мил друг Ваня, революция — штука долгая. И окончательно побеждает она не во дворцах, а в умах...

Иван закивал — понятно, мол. А Шестаков продолжал:

— Когда большинство людей начнет понимать мир правильно, тогда и победит революция во всем мире...

Соколов взъерошился:

— Ну, а я чего понимаю неправильно?

— А неправильно понимаешь ты — пока что — содержание революции. — Шестаков легко забросил на койку согревшиеся ноги и сунул их под тюфяк.

— В каких же это смыслах? — обиженно переспросил Иван.

— В самых прямых, Ваня. Революция — это работа!

Чтобы каждый матрос зажил как адмирал, надо всем очень много работать. Ты сам-то когда последний раз работал?

— О-ох, давно! — пригорюнился Соколов. — Только когда же мне работать-то было? Я под ружьем, считайте, шестой год без отпуска!

— Вот то-то и оно. А хлебушек-то все шесть годов мы с тобой кушаем? Миллионы людей под ружьем, а кто под налыгачом? А у станка? А в шахте? Слышал, докладывали: в нынешнем году Россия выплавит стали, как при Петре Первом. Ничего? На двести лет назад отлетели. А ты адмиральской жизни желаешь! Ну и гусь!..

Иван подбросил несколько щепок в печку, раздумчиво спросил:

— А что же будет-то?

— Все в порядке будет, Иван. Беда наша, что мы пахоту ведем не плугом, а штыком. Плугом это делать сподручнее, и хлеб из-под него богаче, да только от бандитов и грабителей, что на меже стоят, плугом не отмахнешься. Тут штык нужен. Погоди немного, отгоним паразитов за оком — вот тогда мы с тобой заживем по-другому...

— Эт-то верно. Да хлебушек-то людям сейчас нужен! Ждать многие притомились...

— Вот мы с тобой и отправляемся на днях за хлебом, — сказал Шестаков примирительно.

— Далеко? — оживился Соколов.

— Не близко. — Шестаков натянул повыше байковое одеяло, нахлобучил поглубже шапку, удобнее устроился на койке. — На Студеный океан, в Карское море.

Не вдумываясь, откуда в океане возьмется хлеб, Соколов лишь спросил деловито:

— Много хлеба-то?

— Миллион пудов с гаком.

— Ско-о-лько? — обалдело переспросил Иван.

— Мил-ли-он, — сонно пробормотал Шестаков, его уже кружила теплая дремота. И вдруг, приподнявшись, сказал ясным голосом: — Иван, ты соображаешь, сколько это — миллион пудов? Да еще с гаком? Всей России каравай поднесем!

Уронил голову в подушку и заснул уже накрепко, без снов, до утра.

А Иван Соколов еще долго лежал в темноте, шевелил губами, морщил лоб — подсчитывал.

К полуночи вызвездило — крохотные колючие светлячки усыпали черное одеяло небосвода, и от этого стало еще холоднее. Мороз словно застудил, намертво сковал все звуки окрест, и от этой могильной тишины хотелось ругаться и плакать.

Но прапорщик Севрюков и подпрапорщик Енгальчев, казак из старослужащих, сидевшие засадой в еловом ветхом балаганчике, брошенном кем-то из охотников-ненцев, плакать не умели, а ругаться нельзя было.

Шепотом — что за ругань?

А громко — нельзя.

И костра развести нельзя.

Прикрываясь за сугробом от острого, будто иглами пронизывающего ветра, Енгальчев зашептал:

— Слышь, Севрюков! Пропадем ведь без огня-то!

Севрюков покосился на него:

— За ночь не пропадем...— А у самого от стужи губы еле шевелятся.

Енгальчев зло сплюнул, и они услышали легкий металлический звон — будто гривенник упал на замерзший наст.

Плевков на лету застыл.

— Ночь ночи рознь,— сказал Енгальчев угрюмо.— Здесь ночь — полгода.

— Не скули. Нынче вытерпим ежели мы с тобой — всю жизнь в тепле будем.

— Жи-изнь! — протянул Енгальчев.— Ох, и жизнь наша собачья. Озверели вовсе — на людей засидку делаем!

Севрюков растер рукавицами немеющие щеки, с коротким смешком бросил:

— Комиссары не люди. Учти, матроса убить — не грех, а добродейство...

— Ладно, посмотрим,— вяло сказал Енгальчев и тоже принялся растирать щеки.— Я так думаю, мы с комиссарами на одной сковородке у чертей жариться будем...

Прошел еще час.

Севрюков приподнял голову, насторожился:

— Тихо! Слушай!..

Из ночной мглы доносился пока еле слышный, но с каждой минутой все более отчетливый собачий лай, тяжелое сопенье. На мили вокруг разносился пронзительный визг полозьев по сухому снегу, гортанные выкрики каюра — шум груженной упряжки на санном тракте.

Енгальчев посмотрел на Севрюкова:

— Что?..

— Давай!

Севрюков подтолкнул Енгальчева в спину.

— Беги, падай на лыжню,— свистящим шепотом скомандовал он.— И лежи как покойник, а то нынче же будешь на сковородке у комиссаров...

Енгальчев выбежал на тракт, упал посреди лыжни, раскинув в стороны руки.

Севрюков снял рукавицы и быстро-быстро принялся растирать замерзшие ладони, согревать их дыханием.

Вот и упряжка показалась. Семь огромных пушистых лаек-маламутов. На нартах — двое укутанных в меховые толстые шубы людей.

Увидав распростертое тело Енгальчева, каюр скомандовал собакам «по-оть!» и с размаху воткнул в твердый снежный наст остол.

Упряжка остановилась. Собаки начали обычную грызню между собой, а матрос Якимов, закутанный башлыком, в перекрестье пулеметных лент, соскочил с нарт и закричал:

— Стоп машина, Кононка! Малый назад, трави пар! Человек за бортом! Жив?

Каюр Кононка подбежал к Енгальчеву, наклонился над ним, приподнял голову.

— Дышит, однако! — крикнул Якимову.

— Тогда доставай спирт, готовь костер, выручать братишку будем! — скомандовал матрос.

Он тоже подошел к Енгальчеву.

Севрюков расстегнул пуговицы шинели, засунул ладони под мышки — руки надо отогреть, иначе вся затея полетит к чертовой матери. И внимательно следил за дорогой. Пошевелил пальцами — двигаются.

Матрос склонился над Енгальчевым. Вот теперь время.

Севрюков выпростал руки, немного высунулся из-за сугроба, достал из-за пазухи тяжелый маузер, покачал его в руке. И тщательно прицелился.

Сначала в каюра, но не выстрелил, а плавно перевел длинный ствол на Якимова, в створ его широкой спины. А тот хлопал по щекам Енгальчева, тормозил его — чнишь, браток!

Стократ усиленный безмолвием, треснул выстрел.

Матрос резко посунулся вперед, упал на колени, в муче поднял искривленное лицо, закричал-зашептал помертвевшему каюру:

— Беги, Кононка, беги!.. Это... засада... Беги... Почту... Я.. умер .

И упал набок, закаменел.

В следующий миг ненец сорвался с места, длинным стремительным прыжком перескочил через обочину тракта, бросился бежать плотной снежной целиной. Заячьими петлями, рывками, падая и поднимаясь, помчался назад, в сторону Архангельска, туда — к людям!

Севрюков, прикусив губу, медленно вел за ним мушку, потом выстрелил.

Выстрел! Выстрел!

Подкинуло в воздух Кононку, будто ударили по ногам доской, упал на снег.

Севрюков засмеялся:

— Эть, сучонок! Не нравится! Врешь, не уйдешь, вошь раскосая! Гнида.

Кононка перевернулся на снегу, сразу зачерневшем от толстой струи дымной крови, дернулся несколько раз, застонал и затих.

Енгальчев вскочил и побежал к нартам.

Севрюков закричал ему:

— Стой! Ты куда? Прежде этих присыпать надо!

Капитан первого ранга Чаплицкий, его высокоблагородие, опять, выходит, прав оказался. Теперь, с упряжкой-то, и до самого генерала Марушевского добежим.

Но сначала — развести костер, отогреться...

Часть II ПОХОД

Через замерзшие вологодские болота, заснеженные пещерские леса, пустынную кемскую тундру шел к Архангельску поезд

Необычный эшелон. Впереди — платформа со шпалами, рельсами, потом бронеплощадка с морской трехдюймовкой «Канэ». Два астматически дышащих паровоза на дровяном топливе, три классных вагона, несколько теплу-

шек, еще одна бронеплощадка и снова грузовая платформа.

Поезд полз сквозь ночь, визг ветра, плотную поземку. Лихорадочно дрожали разбитые, расшатанные во всех узлах своих старые вагоны.

Неожиданно поезд останавливался посреди поля или леса, и люди выходили, чтобы не рисковать при переезде через взорванный и кое-как, на скорую руку, восстановленный мост.

Или дождаться ремонта пути.

Или нарубить дров для топки.

Или разобрать завал на путях.

Но железнодорожное бытие ничем не унять. В купе, скупо освещенном свечой, ехали Неустроев, Лена, Шестаков, Иван Соколов. Было холодно, и они пили чай.

Шестаков угрелся, на лбу даже выступили бисеринки пота.

Он подлил из жестяного чайника буряково-красную жидкость в кружку Неустроева, спросил:

— Константин Петрович, я в прошлый раз спорить не стал, но, сколько потом ни старался, так и не вспомнил, в какой из своих работ Литке выказал такое пренебрежение к нашим возможностям? Что, мол, для нас устье Енисея недостижимо? Ведь сам Литке был мореход отчаянный!

Неустроев засмеялся:

— В трудах отчаянного морехода и выдающегося открывателя Литке вы ничего подобного и не найдете. То, о чем я говорил, увы, лишь резолюция Литке, уже генерал-адъютанта и вице-президента Географического общества. Резолюция на официальном документе!

— По какому поводу?

Неустроев грустно покачал головой:

— История эта длинная, печальная и по-своему возвышенная. Это история борьбы горячего российского духа открывательства и познания против холодной природы Севера и прямо-таки ледяной сущности имперской бюрократии...

— Известное дело — царской империи Север ни к чему, — заметил степенно Соколов.

Неустроев удивленно посмотрел на него. И продолжил:

— Идею предстоящей нам экспедиции впервые попытался осуществить шестьдесят лет назад замечательный человек — Михаил Константинович Сидоров, купец и про-

мышленник по положению, исследователь и ученый по своему неукротимому духу.

— Среди богатых тоже умные люди бывали, — вновь согласился Иван, которому Неустроев явно нравился своей ученостью.

Неустроев добродушно улыбнулся, кивнул.

— Сидоров снарядил под командой внука великого Крузенштерна — лейтенанта Павла Крузенштерна — парусную шхуну «Ермак», — сказал он. — Шхуна должна была через Карское море прорваться в устье Енисея.

— А что его привлекло именно к этому маршруту? — спросила Лена.

— Дешевый морской путь. Если бы Сидорову удалось проложить его, то из Сибири в Европу можно было бы выбросить огромное количество леса, избыточного хлеба, смолы, мехов, орехов...

— Я слышал, что шхуну затерло льдами где-то в районе Югорского Шара и отнесло к побережью Ямала, — сказал Шестаков. — Так, кажется, Константин Петрович?

— Да, так. Команде пришлось покинуть судно и возвратиться через Обдорскую тундру.

— И что, Сидоров смирился с неудачей?

— Ни в коей мере! Он отправился в Петербург, чтобы лично доказать возможность научного и коммерческого мореплавания из Европы в Сибирь и обратно. Он заявил, что готов послать судно на свои средства в устье Енисея и предложил премию в двадцать тысяч золотых рублей первому судну, которое пройдет по этому маршруту...

— Неужто двадцать тыщ не взяли?! — ахнул Иван.

— Не взяли, — сокрушенно покачал головой Неустроев. — Вот как раз тогда Литке и заявил, что у нас нет подходящих моряков. Даже Вольное экономическое общество отказалось от этой идеи. Они считали, будто только в Британии есть навигаторы и моряки для плавания в ледовых условиях...

— А коммерсанты почему отказались? — спросил Шестаков. — Они ведь не бюрократы, они ведь проворный народ?

— Отказались именно потому, что — коммерсанты. В своем проворстве они сразу сообразили, что открытие Северного прохода даст выход на мировой рынок дешевому сибирскому хлебу и лесу. Прибыли упадут! В те времена,

между прочим, на весь хлеб, ввозимый из-за Урала, налагалась специальная пошлина!

— И что же Сидоров?..

— Ничего! Он не успокоился и нашел способ подать цесаревичу Александру — «покровителю флота» — докладную записку.

— Отказали небось? — уловивший настроение Соколов махнул рукой.

— Дело не только в том, что отказали. Я запомнил наизусть резолюцию, которую наложил воспитатель наследника престола генерал Зиновьев на докладную записку Сидорова...

Неустроев прикрыл глаза и четким голосом фельдфебельской команды на плацу, взмахивая по-унтерски в такт правой рукой, будто отрубая конец предыдущего предложения, прочитал по памяти:

— Так как на Севере постоянные льды и хлебопашество невозможно!.. И никакие другие промыслы немислимы!.. То, по моему мнению и мнению моих приятелей!.. Необходимо народ удалить с Севера во внутренние страны государства!.. А вы хлопчете н а о б о р о т и объясняете о каком-то Гольфштроте!.. Которого на Севере быть не может!.. Такие идеи могут проводить только помешанные!..

— М-да-аа... — только и выдавил из себя Шестаков, а Неустроев закончил удрученно:

— Вот вам окончательное заключение государственного мужа! «Моему мнению и мнению моих приятелей»! Кто эти приятели? Ведь не Литке же, хотя он с резолюцией и согласился! Уму непостижимо!..

— И Сидоров оставил свои усилия? — ужаснулась Лена.

— Нет. Он лишь оставил усилия решить проблему с помощью царского правительства. Михаил Константинович поехал в Англию и там опубликовал свой проект в газетах, обещая все ту же огромную премию. Потом перебрался в Норвегию и увлек своим планом Норденшельда...

За окном глухо треснул ружейный выстрел, потом еще раз, гулко хлопнула пуля по стене вагона. Шестаков быстро поднялся, задул свечу, прижался лицом к непроглядно-черному стеклу. С бронеплощадки раскатисто затарахтел пулемет, рывкнуло орудие — больше, видимо, для остраст-

ки. Ходу поезд не сбавлял, и ружейные выстрелы вскоре затихли.

Шестаков уселся на место, твердыми пальцами не спеша затеплил свечу в фонаре.

— Ничего, если никаких новых чудес не случится, завтра будем в Архангельске, — пообещал он уверенно.

— Нам сразу же понадобится очень много людей, — думая о своем, отозвался Неустроев.

— Не беспокойтесь, Константин Петрович, я говорил по прямому проводу с командармом-шесть товарищем Самойло.

— Самойло будет обеспечивать военную подготовку нашей экспедиции?

— И не только военную. Он меня заверил, что у них все уже идет полным ходом.

Лена отложила книгу, которую с трудом читала при тусклом свете свечи.

— А правда, что Самойло — этаким красным Мюрат? — спросила она.

— В каком смысле?

— Я слышала, будто он до войны был безграмотным батраком и выдвинулся только в годы революции.

Шестаков расхохотался:

— История романтическая, но недостоверная. Основательно выдвинулся по службе еще предок его, Самойло Кошка, — он был гетманом запорожским и известен, помимо прочего, тем, что провел у турок в плену двадцать шесть лет, потом бежал и прославился воинскими подвигами.

— Значит, с родословной у него все в порядке, — улыбнулась Лена.

— Да, безусловно, — с полной серьезностью подтвердил Шестаков. — Что касается самого Александра Александровича, то я его очень хорошо знаю — мы воевали в этих местах почти два года.

— Так он профессиональный военный?

— И не просто профессиональный военный. Александр Александрович один из образованнейших и умнейших русских военных. Был генералом, помощником начальника разведотдела генерального штаба...

Шестаков протер платком запотевшее окно, всмотрелся в ночную темень, повернулся к Лене:

— Забавно, что его непосредственным начальником

был генерал-лейтенант Миллер, главнокомандующий войсками Севера...

— А что?

— А то, что теперь именно Самойло выпер Миллера из пределов Республики. С треском...

— Действительно, смешно,— сказала Лена. Помолчав, задумчиво добавила: — Как революция все на нашей земле изменила, все смешала...

— Да-а, перемешалось здесь все крепко,— кивнул Шестаков.— Помню, в прошлом году белое командование сообщило, что хотят встретиться с нами для передачи официального документа командарму Самойло. От наших пошли комиссар Чубаров, я и Иван Соколов...

— Так точно, я лично присутствовал,— авторитетно подтвердил Соколов.

Шестаков покосился на него, усмехнулся и продолжил:

— Да-а, так вот, встречаемся мы, значит, на нейтральной полосе, глядь — знакомые все лица! От миллеровцев — каперанг Чаплицкий, начальник их контрразведки, и лейтенант Веслаго — мы с ними служили в минной дивизии в Або-Асландских шхерах...

Лена вздрогнула, быстро взглянула на отца, но Шестаков, не обратив на это внимания, продолжал неторопливо рассказывать:

— Мы все от неожиданности растерялись. Потом Чаплицкий мне говорит: «Гражданин комиссар, или как вы там нынче называетесь, мне поручено передать вашему командующему, обер-предателю русского народа, смертный приговор Высшего Военного трибунала Северного правительства. Приговор вынесен заочно и будет приведен в исполнение незамедлительно после ареста Самойло...»

Снова вмешался Иван Соколов:

— Я тогда сразу сказал Николаю Палычу: раз мы эти... как его... парамен...

— Парламентеры,— подсказал Шестаков.

— Ага, парламентеры. Дык вот, раз, говорю, мы парламентеры, то давайте сразу и пристрелим их, шкур недобитых, белогвардейских!

Лена испуганно посмотрела на него, но Иван сокрушенно развел руками:

— Николай Палыч, конечно, против: нельзя, говорит, врагов, говорит, честные люди убивают в бою. У нас с тобой — дипло-ма-ти-чес-кая миссия. Мис-си-я!

— Ну, и как же вы поступили? — сухо, с неожиданным ожесточением спросила Лена.

Шестаков пожал плечами:

— Я сказал Чаплицкому, что его смелость превосходит здравомыслие: максимум через полгода все вы будете пленными командарма Самойло.

Лена как бы из вежливости, без любопытства, сказала:

— А что он?..

— А он за это пообещал меня повесить на одном фонаре с командармом. Я, разумеется, душевно поблагодарил за честь, и мы расстались.

— И что же с ними стало? — так же вежливо и спокойно спросила Лена. Безразлично, как о чем-то малозначительном, совсем неинтересном.

Шестаков удивился:

— С этими, Чаплицким и Веслаго? Понятия не имею. Скорее всего, бежали вместе с Миллером. Чаплицкий, насколько мне известно, заправлял у Миллера всеми делами в последнее время. А почему вы об этом спрашиваете, Елена Константиновна?

— Да так, просто показалось любопытным... Чаплицкого я знала когда-то, во времена незапамятные...

Лена плотнее запахнула шубку и раскрыла книгу, подвинув ее поближе к свече...

Скрипя сапогами по плотно слежавшемуся снегу, Чаплицкий и ротмистр Берс направились из старого архангельского порта через задворки Саломбалы в город. Берс натужно кашлял, на ходу задышался.

— Я, кажется, совсем разболелся,— пожаловался он Чаплицкому.

Думая о чем-то своем, Чаплицкий пробормотал:

— Терпите, Берс, терпите. Скоро мы будем в тепле. Там я вас вылечу...

Берс, покосившись на Чаплицкого, сказал с неуверенным смешком:

— Когда вы так говорите, дорогой друг, я начинаю думать, что вы пропишете мне порошок Бертоле.

Чаплицкий удивился:

— Порошок Бертоле?

— Ну да! Лучшее успокаивающее средство — это сухой черный порошок.

Чаплицкий засмеялся:

— У вас действительно не в порядке нервы. Я собираюсь лечить вас проверенными народными средствами.

— Прекрасно! В учении Заратустры соискатель на лекарское звание должен был в начале вылечить трех пациентов из низшей касты — врагов Агура-Мазды...

— Эту ступень я одолел давным-давно, — скромно сказал Чаплицкий. — А дальше что?

— Только после этого лекарь мог практиковать и в высшей касте — среди друзей Агура-Мазды...

Чаплицкий молча слушал. Остановившись, чтобы прокашляться, Берс воздел палец:

— Не забывайте, что по своему положению и происхождению я друг Агура-Мазды!

Чаплицкий ухмыльнулся:

— По своему положению вы беглый белогвардеец и враг революции. Ясно? Пошли!

Они двинулись дальше, и Чаплицкий продолжил:

— Поэтому...

— Стой! Кто идет? — И вместе с криком прямо перед ними из темноты вырос патруль: солдат с винтовкой наперевес и мужик в сером драном азяме.

У мужика в руках было старое охотничье ружье. Он взгляделся в путников и требовательно спросил:

— Пароль?

Чаплицкий, отодвигая назад Берса, выступил вперед:

— Знамя! Свои, товарищи!

Солдат кивнул, и Чаплицкий быстро сказал:

— Мы из ЧК. Здесь несколько минут назад мужчина с женщиной в белом платке не проходили?

Солдат задумался:

— В белом платке? Баба?... Чегой-то не видали. А вы пропуск свой мне все-таки покажите. Не обижайтесь, граждане чекисты, время как-никак военное...

Чаплицкий протестки засмеялся:

— А чего ж обижаться? Наоборот, хвалю за революционную бдительность. Вот мой мандат...

Он протянул солдату бумажку, тот взял ее в руки, приблизил к глазам, чтобы получше рассмотреть в темноте.

В тот же миг Чаплицкий выхватил из кармана кастет-револьвер и со страшной силой ударил патрульного в переносицу. Быстро переступил через осевшее тело и в длинном

беззвучном прыжке достал выскочившим из рукоятки «ле-фоше» лезвием мужика в драном азяме. В горло.

Захлебнулся мужик кровавым бульканьем и, заваливаясь круто на спину, сипло выдохнув, успел напоследок выстрелить из старой кремневки вверх, в зябко дрожащие, неуверенные звезды...

Чаплицкий тихо командовал:

— За мной, быстро!

Они побежали по темному проулку, хрипло, загнанно продыхиваясь. Визжал под ногами плотный снег.

И в молчаливой устремленности затравленных хищников ощущалась смертельная угроза.

Бежали долго, и, когда Берс остановился, поняв, что в следующую секунду он умрет, Чаплицкий шепнул:

— Здесь! Сможете перелезть через забор?

Берс молча покачал головой.

— Влезайте мне на спину!

Чаплицкий подсадил, поднял, резко подтолкнул ротмистра, потом подпрыгнул сам.

Подтянулся на руках, рывком перемахнул через саженный заплот.

Упал в сугроб, вскочил, несильно пнул ногой Берса:

— Не сидите на снегу! Застудитесь. Вставайте! Ну, вставайте — мы пришли...

Зала — главная горница крепкого дома бывшего купца Солоницына Никодима Парменыча — была непроходимо заставлена разностильной мебелью, забита до отказа дорогой утварью и украшениями.

Павловский буфет, а в нем корниловский и кузнецовский фарфор, чиппендейл с тарелками из орденских сервизов, гамбсовские пуфы, шереметевские резные буфеты с яйцами фаберже. На стенах — ростовская монастырская финифть вперемешку с лубочными олеографиями.

Чаплицкий и Берс сидели за богато накрытым столом и смотрели на все это с изумлением, как рассматривают геологи откос рухнувшего берега с обнажившимися слоями наносного грунта — здесь так же отчетливо были видны пласты добра, собранного после схлынувших волн белого-гвардейского бегства через Архангельск.

Чаплицкий поднял рюмку:

— Ваше здоровье, Никодим Парменыч!

— Заимно! — Солоницын солидно прикоснулся бокалом к офицерским рюмкам, проглотил коньяк, густо крякнул, вытер усы. Закусил маринованным груздем.

Офицеры ели жадно, торопливо, давясь непрожеванными кусками.

Солоницын внимательно смотрел на них, еле заметно, в бороду усмехался. Подкладывал, дождавшись перекура, спросил Чаплицкого:

— Ну-с, Петр Сигизмундович, теперя, можно сказать, закончились ваши дела здесь?

Чаплицкий прожевал кусок копченого угря, по-простому вытер губы куском хлеба, проглотил его, затянулся табачным дымом, неторопливо ответил:

— Нам с вами, Никодим Парменыч, как людям глубоко религиозным, отныне и присно надлежит смиренно внимать божественным откровениям отцов церкви...

Солоницын степенно склонил голову.

Чаплицкий продолжал:

— Святитель казанский Гурий указывает нам: «Подвизаться должно, несмотря ни на какие трудности и неудобства, чинимые сатаной...»

Солоницын засмеялся, погладил себя по вислomu, гусиным яйцом, животу, сказал дорогому гостю добро, предостерегающе, отечески:

— Эх, Петр Сигизмундович, ваше благородие! Шибко пряткий ты господинчик. Все тебе укороту нет! А ведь комиссары-то, пропади они пропадом, чай, тоже не дремлют?

— Думаешь? — вскинул брови Чаплицкий.

— А как же? Они шастают и рыщут, как псы исковые! Гляди, отловят тебя — панькаться не станут. Сразу на шибеннице ножками задрыгаешь...

— А сам-то, Никодим Парменыч, комиссаров нешто не боишься?

— Бояться-то боюсь, конечно. Но все ж таки я не охфицер, как-никак, не контра. Я человек тихий, торговый. А без торговли при всех властях жисти промеж людей быть не может. Устаканится все помаленьку, глядишь, снова можно будет покумекать — што да как...

Чаплицкий посмотрел на Берса, которого развезло в тепле, и спросил купца:

— А мне чего посоветуешь? Как жить подскажешь?

Солоницын сказал веско:

— У тебя, ваше высокоблагородие, один путь: через Чухонскую границу на Запад драпать.

— А чего так? — лениво поинтересовался Чаплицкий, с удовольствием раскуривая вторую толстую сигарету с золотым обрезом, английского происхождения. — Может быть, и мне подождать, пока все устанутся?

Солоницын даже со стула поднялся:

— Петр Сигизмундович, голубь ты мой, упрямое тебя прошу, послушай старика. Обогрелся — поспите чуток, харчишки я вам в дорогу соберу, и берите ноги в руки!

Для убедительности он прижал короткие толстые ручки к сердцу:

— Петр Сигизмундович, дружка твоего — ладно, не знаю я, а ты, хотя и молодые годы твои, кровушки людской рекой пустил! Не дай бог большевикам в руки попасть. Они тебе вспомнят...

— Вот так, значит? — серьезно, задумчиво переспросил Чаплицкий. — Ай-яй-яй... Вы слышали, геноссе Берс? Оказывается, наше дело — табак. У вас есть какие-нибудь соображения по этому поводу?

Берс приоткрыл осоловевшие глаза:

— Я согрелся, сыт, слегка пьян и потому спокоен. Ибо сутры Прагна Парамита утверждают, будто вся наша жизнь есть очень, очень долгий сон с повторяющимися сновидениями, прекрасными и кошмарными.

— Замечательно! — Чаплицкий гибко поднялся из глубокого кресла и показал рукой на Солоницына: — В таком случае внимательно взгляните на этого постного старичка, похожего на туза треф...

Солоницын обиженно зажевал губами, а Чаплицкий, прогуливаясь по горнице, спокойно продолжал:

— Я знаю Никодим Парменыча много лет. Был он маленький лавочник, пустяковый человек, просто паршивенький дедушка. Так бы и сгнил со временем, если бы не я — настоящий, вдумчивый искатель в сердцах людских. Я открыл на пользу всему человечеству его дарование...

Берс заинтересовался:

— Дарование? Какое же?

— Никодим Парменыч — гениальный шпик и талантливейший провокатор!

Солоницын вздрогнул, быстро перекрестился. Его ноздреватое, желтое, как подсохший лимон, лицо начало медленно сереть. Снова перекрестился.

Чаплицкий театральным жестом указал на него:

— Во-во-во! Смотрите, Берс, сейчас будет приступ благочестия. Вот так же он обмахивался, когда я приказал расстрелять политически неблагонадежных рабочих на его лесопильном заводе. Конечно, по его просьбе: не надо платить жалованье за полгода, а остальным можно снизить ставки...

Берс укоризненно покачал головой:

— Ай-яй-яй! Кто бы мог подумать!..

А Чаплицкий заверил:

— Вы не можете себе представить, Берс, что в этом богобоязненном старце клокочет гордыня Рябушинского и тщеславие Форда. При моем содействии за три года он купил... — Чаплицкий принялся неторопливо загибать пальцы: — лесозавод, причал, свечную фабрику, буксир, четыре лихтера и трактор в порту...

Чаплицкий остановился рядом с Солоницыным:

— И все на чужие имена. Правильно я говорю, Никодим Парменыч, ничего не забыл?

Солоницын прикрыл глазки, пожал плечами: говори, мол, говори.

Не обращая на это внимания, Чаплицкий сказал не без гордости:

— Должен вам заметить, герр Берс, что этот лапоть, этот серый валенок подготовил мне лучших доносчиков и соглядатаев... — И снова обратился к купцу: — Все их рапорты вместе с вашими, Никодим Парменыч, записочками пока припрятаны.

— Это вы к чему, ваше высокоблагородие? — ершисто спросил Солоницын.

— Это я к тому, многоуважаемый господин Солоницын, что вы напрасно собрались дожидаться мира и благодати при большевиках. Вы солдат армии, из которой можно демобилизоваться, только померев. Уйдя в мир иной. Преставившись, так сказать. Все поняли?

Солоницын покорно склонил голову:

— Должен был понять. Што тут не понять. Значится, теперя прикажешь мне по ночам на улицах бегать да комиссаров стрелять? Али штаб ихний поджечь?

— Вот это я без вас управлюсь, — засмеялся Чаплицкий. — Ваша другая задача. Мы теперь будем жить у вас, пока вы нам другое жилье, поспокойней, не подыщете. Это

раз. Во-вторых, срочно приготовьте мне — к завтраму — четыре тысячи рублей...

— В «моржовках» али в нынешних? — деловито спросил Солоницын.

— «Моржовками» и нынешними можете оклеить вот эту свою уютную гостиную. Я человек крепких взглядов — нужны золотые николаевские червонцы.

Солоницын покачал мясистым клювом:

— Стоко не соберу.

— Соберете, соберете, — успокоил его Чаплицкий. — И хочу вам напомнить в последний раз: вы мне ма-ахонький подчиненный и впредь никогда не смейте вступать со мной в пререкания. Иначе я вас застрелю — прямо вот здесь... под святыми образами.

Солоницын тяжело вздохнул:

— Господи, круты же вы, господин Чаплицкий! Сколько людей поубивали, а все вам неймется.

Чаплицкий похлопал его по плечу:

— Вы, Никодим Парменыч, убитых не жалеете, бабы новых нарожают... Бы-ыстро...

В помещении штаба Шестой армии было тепло, накурено, душно — шло совещание, которое проводил командарм Самойло.

С докладом выступал председатель Губчека Болдырев — худой высокий человек с неровным чахоточным румянцем.

Он говорил взволнованно:

— Белогвардейские недобитки стали реальной угрозой общественному спокойствию и правопорядку. Они грабят и мордуют мирное население, нападают на заставы и патрули. Вчера ночью снова было зарезано двое патрульных. Никаких следов не обнаружено. Особенно настораживает, что бандиты, по всей вероятности, знали вчерашний ночной пароль, иначе патруль не допустил бы их к себе вплотную... Это очень тревожный факт. Есть, значит, утечка секретных сведений.

Командарм Самойло оторвался от бумаг:

— Что вы предлагаете?

Болдырев решительно рубанул рукой:

— Мы просим выделить для разовых операций ЧК регулярный полк!

— Что это даст?

— С такими силами мы сможем провести массовые облавы в трущобных районах порта и в Саломбале.

Самойло задумался — выделить целый полк было не легко. Он еще не принял решения, когда открылась дверь и в штаб вошли Шестаков и Неустроев.

Самойло секунду смотрел на них с удивлением, потом вскинул им навстречу:

— Николай Павлович, дорогой!

Шестаков вытянулся по стойке «смирно» и четко доложил, держа руку под козырек:

— Товарищ командарм! Особоуполномоченный Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета для проведения Сибирской хлебной экспедиции военмор Шестаков прибыл в ваше оперативное подчинение!

И бросился в объятия Самойло.

Они долго радостно тискали друг друга, потом Шестаков представил своего спутника, который с улыбкой наблюдал встречу друзей:

— Познакомьтесь, Александр Александрович, начальник Сибирской экспедиции, замечательный мореплаватель, капитан дальнего плавания Неустроев Константин Петрович...

Пока они знакомились, Шестаков осмотрелся. И увидел сидевшего за столом начальника связи Щекутьева. Тот улыбался ему со своего места весело и приветливо.

С радостным удивлением Шестаков пожал ему руку, подмигнул — мол, потом поговорим.

Расстегнул объемистый портфель и достал из него большую плотную папку и красную коленкоровую коробочку с изображением ордена Красного Знамени.

Снова вытянулся по стойке «смирно»:

— Товарищ командарм! Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет поручил мне огласить приказ Реввоенсовета Республики и вручить вам орден Красного Знамени, которым вы награждены за разгром армии генерала Миллера и ликвидацию Северного фронта...

Самойло тоже встал смирно и внимательно выслушал приказ Реввоенсовета.

Шестаков торжественно вручил командарму грамоту ВЦИК и орден.

Самойло пожал ему руку, смущенно примерил орден.

— Этот орден для меня и честь, и радость. И утешение,— добавил он, улыбаясь.

— Утешение? — переспросил Шестаков.

— Да, утешение. Прошлой зимой во время голода жена обменяла все мои старые ордена на пуд ржаной муки и два пуда картошки...

Болдырев сказал проникновенно:

— Рабоче-крестьянская Россия наградит вас, Александр Александрович, благодарностью миллионов людей, чью свободу вы отстаивали...

Самойло махнул рукой:

— Ну... зачем же так возвышенно... Давайте лучше за дело, товарищи! Прошу высказываться...

Пока выступал заместитель начальника штаба, прибывшие устраивались за столом. Шестаков уселся рядом с Самойло, Неустроев оказался на стуле около Болдырева.

Шестаков деловито спросил:

— В первую голову — как с углем?

— На складах Архангельского порта имеется около тысячи тонн,— отозвался Самойло.

Шестаков дождался, пока закончит заместитель начальника штаба, встал.

— Товарищи! — начал он.— Сегодня же должен быть издан приказ о переводе электростанции, всех городских кочегарок на дрова. Уголь — это вопрос всех вопросов на сегодняшний день. Необходимо реквизировать его у всех торговцев. Прошу подумать, какие имеются резервы для экономии и сбора угля?

Болдырев с места сказал:

— Незамедлительно объявить трудовую мобилизацию среди буржуазии, купцов и всех нетрудовых элементов. Всех бросить на заготовку топлива...

— Дельно,— одобрил Шестаков.— Надо продумать и другие меры...

Неустроев наклонился к Болдыреву и тихо спрашивал его о чем-то...

А Шестаков напористо излагал программу необходимых для обеспечения похода действий:

— В ближайшие дни надо провести партийную конференцию на судоремзаводе и механическом заводе Лида! Нужно обратиться с воззванием к трудовому населению Архангельска — разъяснить громадность стоящей перед нами задачи...

Щекутьев, внимательно слушая Шестакова, что-то торопливо помечал в своем блокноте.

— Центральный Комитет партии, ВЦИК и Реввоенсовет Республики призывают губернскую партийную организацию,— звучал над ними голос Шестакова,— бросить на самые трудные участки экспедиции коммунистов, сознательных пролетариев, лучшую часть старого офицерства...

Вскоре совещание окончилось. В коридоре Шестаков и Щекутьев долго обнимались, радостно восклицали что-то, хлопали друг друга по плечам.

— Привел все-таки бог свидеться,— довольно говорил Шестаков.— Ведь с шестнадцатого года нас с тобой где только не мотало...

— Меня-то не очень,— смеялся Щекутьев.— Как в январе семнадцатого перевели на Север, так и трубку в Архангельске бессменно.

— Ты и тут по части радио командуешь?

— Начальник службы связи! — гордо сообщил Щекутьев.

К ним подошел Неустроев, и Шестаков представил ему Щекутьева:

— Знакомьтесь, Константин Петрович,— военмор Щекутьев Сергей Сергеевич, мой соратник по минной дивизии, а ныне главный архангельский Маркони...

Неустроев приветливо поклонился:

— Весьма рад...

— И мне очень приятно, Константин Петрович,— искренне сказал Щекутьев.— Я еще в Морском корпусе, в гардемарирах был про вас слышан.

— Ну уж, ну уж...— смущенно улыбаясь, Неустроев отошел.

— А я частенько вспоминал, как мы с тобой в Данциге повоевали,— мечтательно прищурился Щекутьев.— Ох, и операция была лихая!

— Лихая, ничего не скажешь,— согласился Шестаков и, немного помолчав, добавил душевно: — Я очень рад, Сережа, что ты с нами.

— Ну, еще бы! — охотно поддержал его Щекутьев.— Мне тут довелось с Шуриком Новосельским столкнуться, когда белые отступали..

Щекутьев задумался, и Шестаков поторопил его:

— Ну-ну, так что Шурик?

Щекутев посуровел, сказал неприязненно:

— Враг. Да еще какой! Злобы сколько... А ведь койки в кубрике рядом висели... Хлебом делились...

— Диалектика революции,— развел руками Шестаков.— Я потому и радуюсь тебе... Ну, дружок, я помчался — дел невпроворот. Как устроюсь — дам знать. Пока...

— Оревуар!.. — улыбнулся Щекутев.

Четыре тысячи Солоницын достал.

И теперь в горнице Чаплицкий и Берс вместе с хозяином пили чай. В комнате было почти темно — лишь вялый огонек лампы под образами еле колебал сумрак.

На столе перед Чаплицким лежали ровные столбики золотых монет.

— Ну, вот видите, господин Солоницын, нашлись денежки, так? А вы опасались не собрать,— не то улыбался, не то по-волчьи скалился Чаплицкий.

— Соберешь, пожалуй,— тяжело вздохнул Солоницын.— Пока рубашку с меня последнюю не сымете, не успокоитесь ведь...

— Не агравлируйте, господин купец. Сиречь — не преувеличивайте,— лениво заметил Берс.— Под вашим последним бельем еще толстый слой золотого жирка...

Он допил чай, расслабленным шагом прошелся по зале, сказал поучительно:

— Царь Кудгадан, отец великого Будды, заповедывал нам думать не о золоте, а о жизни вечной...

Солоницын неприязненно покосился на него.

Чаплицкий прямо в сапогах улегся на диван, неторопливо закурил и сказал Солоницыну:

— Не тужите, Никодим Парменыч! Вам надо только дожидаться победы нашего дела...

— И что тогда?

— А тогда я дам вам на откуп все рыбные промыслы! На девяносто девять лет!

— Ага! Буду дожидаться. Коли тебя, ваше высокоблагородие, завтра Чека где-нибудь не подшибет. И будут мне тогда промыслы!

— Все мы в руке божьей,— сладко потянулся Чаплицкий.— В Евангелии от Иоанна сказано: «Да не смущается сердце ваше и да не устраситесь!»

— А-а! — небрежно махнул рукой Солоницын.

— Вот-вот, господин меняла, все беды от неверия нашего!

Солоницын встал, бормотнул угрюмо:

— Пойду скажу, чтобы свет запалили.

— Не надо! — неожиданно резко бросил Чаплицкий.— Не надо! Сейчас ко мне придет гость, нам лишний свет не нужен. Не нужны лишние глаза, уши и языки. Вы, Никодим Парменыч, не маячьте здесь. Идите к себе наверх, отдохните после чая, помолитесь...— Подумал и добавил: — Вас ротмистр проводит... Чтобы соблазна не было уху сюда свесить.

И едва он произнес эти слова, раздался короткий двойной стук в дверь.

Чаплицкий поднялся и скомандовал Берсу:

— Ну-ка, ротмистр, воздымите его степенство! Быстренько!

Солоницын, недовольно бормоча себе под нос что-то невразумительное, отправился вместе с Берсом в мезонин.

А Чаплицкий подошел к двери, прислушался, потом отодвинул засов. В горницу вошел человек, закутанный в башлык поверх тулупа. Лица его в сумраке не было видно.

Чаплицкий дождался, пока он разделся, проводил в горницу, предложил:

— Обогреетесь? Есть чай, можно водочки...

— Сейчас, к сожалению, не могу, Петр Сигизмундович,— отказался гость.— Я должен вскорости вернуться на место.

— Понял. Какие новости?

— Неважные. Сегодня из Москвы прибыл особоуполномоченный комиссар Шестаков...

— Николай Шестаков? — живо переспросил Чаплицкий.

— Он самый, Николай Павлович. Ему поручено организовать морскую экспедицию, чтобы перебросить сюда и в Мурманск сибирский хлеб. На Оби и Енисее скопилось свыше миллиона пудов...

Чаплицкий присвистнул:

— Ничего себе! Но ведь это невозможно!

— Почему?

— Миллер в прошлом году пытался это сделать с помощью английских ледокольных пароходов.

— А чем кончилось?

— Полным фиаско: прорвалось только одно судно, да и то вмерзло в материковые льды. Все коммерсанты, вложившие в это предприятие деньги, понесли большие убытки. Гость хрипло засмеялся:

— Это действительно неосуществимо. Для английских торгашей и наших спекулянтов. Но где Миллер, и где мы сейчас? Я согласен, до сих пор такая экспедиция никому еще не представлялась возможной. Но большевикам, к сожалению, удалось многое, что до них не удавалось никому.

Вернулся Берс. Чаплицкий, не знакомя его с посетителем, уселся верхом на стул, упер лицо в ладони, задумчиво сказал:

— Мы не можем этого допустить! Если они доставят сюда хлеб — нам конец...

Гость закурил, неспешно заметил:

— Я еще не все сказал. Они планируют часть хлеба, масла, сала, пушнины выбросить на европейский рынок... Это конец всему белому движению.

— Да. И еще — это начало конца Запада, — мрачно сказал Чаплицкий. — Но на Западе это пока не очень ясно понимают. Чувства курицы, которая уже находится в кипящей кастрюле, они представляют себе чисто умозрительно...

Гость вскочил, вскинул кулаки:

— Как же они могут не понимать, что у нас творится?

— Буржуазия по природе своей безыдейна. А потому безнравственна, — зло уронил Чаплицкий. — Она жаждет только сиюминутных барышей. И в конце концов, в результате — она слепа, поскольку, давая передышку большевикам, готовит себе погибель!

Повисла тяжелая пауза. А в коридоре плотно прильнув глазом к замочной скважине Солоницын.

Гость тихо засмеялся:

— Безыдейна, говорите, буржуазия-то? А вы, Петр Сигизмундович, не записались, часом, в РКП(б)?

— Пока нет, — серьезно сказал Чаплицкий. — Я просто трезво смотрю на вещи. Краснопузые предложили черни такую стройную и привлекательную программу, которую наш мир никогда не сможет им пообещать. Мы им приказывали умирать за нас, а большевики предложили им жить для себя.

— Надеюсь, вас еще не увлекла идея строительства новой прекрасной жизни для черни?

— Перестаньте фиглярствовать. Сейчас меня занимает вопрос, как не дать им привезти хлеб. — Чаплицкий расхаживал по горнице, задумчиво потирая лоб. — Нет, хлеба я им не дам, пусть вымрут, гниды, все до единого!

— У вас есть для этого реальные средства, господин каперанг?

Чаплицкий стукнул кулаком по столу.

— Они существуют объективно: неведомая ледовая трасса, бескормица, нет топлива, исправных судов... — Закурил и добавил уже более спокойно: — А мы должны все эти сложности сделать непреодолимыми. Чтобы караван вообще не смог выйти.

Пришедший долго молчал, потом медленно сказал:

— А если они все-таки преодолеют эти непреодолимые препятствия? Они ведь нам уже не раз показывали, как надо преодолевать непреодолимое.

Чаплицкий засмеялся:

— Похоже, что это вы записались в РКП(б), милый мой!

— Нет, серьезно?

— А если серьезно, то существует английский флот, наконец! — Он раздраженно фыркнул: — В конце концов, их это, черт побери, тоже касается!

Гость покачал головой:

— Англия сейчас на открытую войну не пойдет. А нападение на мирный караван — это война. Их так называемый пролетариат будет возражать...

— Ерунда! — Чаплицкий решительным жестом отменил это предположение. — Английский флот — хранитель самых старых традиций государственного пиратства.

— Не понял?..

— Для того чтобы за полчаса уничтожить караван, крейсеру «Корнуэлл» вовсе не нужен «Веселый Джек» на гафеле. И британский лев тоже. Просто неизвестное военное судно неуставленной государственной принадлежности

— Вы думаете, они на это пойдут?

— Еще как! Не забывайте: в России пропадают миллионы их фунтов стерлингов.

— Ну что ж. Может быть. Посмотрим. Да, позвольте полюбопытствовать: вырезанный патруль — ваша работа?

Чаплицкий криво ухмыльнулся:

— Был грех.

Гость восхищенно покачал головой:

— Чисто сделано. Но в порт не показывайтесь, Петр Сигизмундович. Там предстоят крупные облавы.

— Хорошо. Теперь следующее: от человека, которого я послал за кордон, нет вестей?

— Неужели я молчал бы об этом, Петр Сигизмундович! — с упреком воскликнул гость. — Правда, еще рано. У нас в запасе имеется по крайней мере неделя.

— Имеется, — согласился Чаплицкий. — Но если не будет сведений, через неделю придется посылать нового...

А Леонид Борисович Красин в это самое время принимал в Стокгольме группу шведских рабочих.

Резиденция советской делегации находилась в небольшом, скромно обставленном помещении с высокими светлыми окнами.

Пожилой швед с вислыми седыми усами обратился через переводчика к Красину с короткой речью, которую закончил словами:

— Мы поздравляем вас, товарищ посол, с подписанием контракта. Мы, рабочие фирмы «Нюквист и Холм», с большим волнением переживали все этапы переговоров...

В разговор включился его товарищ — коренастый, спортивного вида рабочий:

— Мы, товарищ посол, оказали на владельцев фирмы все свое влияние — политическое и экономическое, — чтобы добиться успеха в прорыве экономической блокады Советской Республики...

Красин пригласил гостей к столу:

— Друзья, я не могу угостить вас шампанским — хотя наш успех того стоит, но все деньги ушли на покупку паровозов. А вот русского крепкого чая с клюквенным вареньем напьемся вдоволь!

Швед торжествующе выбросил вперед руку:

— Тысяча паровозов для революционной России! Ваш чай покажется нам вкуснее шампанского! Дин скооль! Мин скооль! Ваше здоровье!

— За нас всех, товарищи! — провозгласил Красин. — Вы себе и не представляете, какую оказали нам помощь своей поддержкой, как мы ее ощущали все время, как нам было это необходимо, дорого и важно!

— Мы делали общее пролетарское дело, — сказал ко-

ренастый швед и прихлебнул горячего чая из чашки. Обжегся, замотал головой: — Крепко! Крепко! — И по-русски: — Го-ря-шо!

— У нас нет шампанского, — смеялся Красин, — но с сегодняшнего дня мы, советские купцы, имеем кредит на сто миллионов крон.

— Мы слышали, — подтвердил пожилой. — Шведский банк принял ваш залог на двадцать пять миллионов.

Отворилась дверь, и вошел Виктор Павлович Ногин. В руках он держал телеграфный бланк.

— Леонид Борисович! — сказал он радостно. — Ильич поздравляет нас с первыми торговыми соглашениями...

Красин представил Ногина шведским рабочим, взял у него из рук депешу, просмотрел ее. С улыбкой объяснил гостям:

— Ильич просит нас не забывать за крупными делами о закупках пил, топоров и кос.

Шведы переспросили переводчика о чем-то. Он ответил им и пояснил Ногину и Красину:

— Шведские товарищи поражены тем, что премьер-министр громадной страны помнит о таких мелочах.

— Ах, дорогие друзья! Это для нас сейчас совсем не мелочи, — покачал головой Ногин. — Наша промышленность разрушена войной и интервенцией. В одном только Петрограде закрыты и бездействуют шестьдесят четыре крупных предприятия, даже такие, как Путиловский и Сестрорецкий заводы, фабрика «Красный треугольник» и другие. Чтобы восстановить промышленность, надо накормить народ. А чтобы накормить народ, требуется обеспечить самым необходимым деревню. Поэтому Владимир Ильич Ленин сам помнит и нам постоянно напоминает о топорах и косах...

Красин снова разлил по чашкам чай, добавил в розетки варенья и сказал гостям:

— Вот, дорогие товарищи, вы свидетели тому, как мы сегодня с огромным трудом покупаем пилы, гвозди, косы, стекло. Запомните и другим расскажите, и взрослым, и детям: мы еще продемонстрируем всему миру невиданные, неслыханные чудеса технического прогресса! — Он повернулся к Ногину: — Виктор Павлович, подготовьте, пожалуйста, товарищу Ленину сообщение, что уже закуплено и будет доставлено в Ревель достаточное количество пил и топоров...

— А кос? — спросил Ногин с подковыркой.
И Красин ответил грустно:
— Кос пока что больше полумиллиона достать не удалось. Но мы будем стараться...

Аппартаменты генерала Миллера в лондонской гостинице «Виктория» были приспособлены под его штаб.

Торопились куда-то затянутые в ремни офицеры, шелкающие каблуками служащие, адъютанты с осиными талиями, праздно суесящиеся среди шикарной гостиничной обстановки, — все они были похожи на статистов какой-то нелепой оперетты. Во всем чувствовался налет придуманности, ненужности, игры прогоревшего театра при пустом зале.

Прапорщик Севрюков смотрел с интересом и недоумением на ложенного Миллера, протиравшего белоснежным платком стеклашки пенсне.

Закончив эту процедуру, бывший главнокомандующий спросил покровительственно:

— И что, прапорщик, вы так и пересекли границу с собаками на нарах?

— С вашего позволения, на нартах, господин генерал-лейтенант!

— А ваш спутник?

— Подпрапорщик Енгальчев скончался по дороге, — криво оскалился Севрюков. — Двоим, господин генерал-лейтенант, такой путь не пройти...

Миллер испуганно оглянулся на сидевшего обочь генерала Марушевского. Тот понимающе кивнул, встал из глубокого кресла, перекрестился:

— Царствие небесное ему! Важно, что Севрюков дошел и у нас теперь существует канал связи с Архангельском. Поздравляю вас капитаном, голубчик! Знайте, что Родина вас не забудет!

Потирая обмороженные черные щеки, Севрюков сказал:

— Это уж точно! Мы там все такого наворотили, что она нас долго не забудет.

Миллер важно кивнул:

— И прекрасно! Шагреневую кожу России сжирает заживо зараза большевизма. И только огнем и железом можно остановить эту заразу. — Миллер резко повернулся

к Севрюкову: — Капитан Севрюков, я намерен вас использовать при штабе для о с о б ы х поручений. Надеюсь, вы все понимаете и вас не испугают никакие испытания?

— Мне пугаться поздно, господин генерал-лейтенант, — равнодушно сказал Севрюков. — Только пускай поручения здесь будут. Назад больше не пойду.

Генерал Марушевский произнес с глубоким вздохом:

— Мне кажется, вы, Севрюков, недооцениваете здешних сложностей. Вы еще не огляделись, не знаете, что все есть — и риск, и опасность...

— Ерунда! — отмахнулся Севрюков. — Здесь людишки на овсяной протирке да на жидком чае выросли. А там — тайга, человека даже лютый зверь опасается. Мне тут любой как комнатный кобелек мартовскому волку. На один щелк...

В огромном заледенелом цехе судоремонтного завода шло собрание рабочих, матросов и красноармейцев архангельского гарнизона. В цеху было неуютно — на всем виднелись следы разрухи и запустения.

От застоявшегося нестерпимого холода все беспрерывно притопывали сапогами, валенками, хлопали рукавицами, терли щеки.

На сбитой из досок трибуне шеренгой стояли Шестаков, Самойло, Болдырев, губернские начальники и армейские командиры.

— Товарищи! Друзья! — обратился Шестаков к собравшимся. Был он, несмотря на унылую стылость цеха, румян, весел, энергичен, а шапку меховую держал в руке. — Владимир Ильич Ленин, выступая несколько дней назад на IX съезде Российской Коммунистической партии большевиков, сказал: «Мы не обещаем сразу избавить страну от голода. Мы говорим, что борьба будет более трудной, чем на боевом фронте. Но она нас более интересует, она составляет более близкий подход к нашим настоящим основным задачам. Она требует максимального напряжения сил, того единства воли, которое мы проявляли раньше и которое мы должны проявить теперь». Вот что сказал, товарищи, Ильич всей революционной России...

В зале дружно зааплодировали.

Шестаков помахал рукой, призывая к тишине.

— Нас, друзья, эти слова вождя касаются в первую

очередь, — продолжил он. — Ведь именно от нас зависит — избавим ли мы сотни тысяч людей от мук голода. Мы здесь должны с тем же мужеством, с которым сражались с бело-гвардейцами и наемниками международного капитализма, сделать все, от нас зависящее, чтобы хлеб был доставлен из Сибири. Никто не скрывает трудностей этого дела. Но мы преодолевали и большие трудности...

Снова раздалась аплодисменты. Шестаков улыбнулся:

— Поэтому в экспедицию набираются только добровольцы. И я не сомневаюсь, что мы победим так же, как побеждали на боевых фронтах! Ура-а, товарищи!

Матросы, солдаты, заводские рабочие дружно подхватили: «Ура-а!», «Даешь сибирский хлеб!», «Записывай-ай!»...

Шестаков, несмотря на мороз, был возбужден, от головы его валил пар, он легко двигался по помосту, энергично махал шапкой:

— Товарищи! Чтобы доставить хлеб, нужны суда. Судам нужен уголь. Вместо судов мы имеем только брошенные белогвардейцами дырявые, переломанные, ржавые самотопы. Но наши враги зря посчитали, что восстановить их нельзя. Поэтому первая наша задача — вопреки представлениям мировой белогвардейщины — восстановить эти суда, классно отремонтировать их. Второе — добыть любой ценой уголь... Имеется его пока что на складах всего около тысячи тонн.

Из толпы раздалась крики:

— Как же ты их восстановишь? Завод-от стоит...

— Запчастей нет, однако...

— Уголь откуда-то возьмешь? Из-под ногтей нешто?

— Ти-иха! Дайте говорить человеку!..

Шестаков сделал стремительный шаг к самому краю дощатой трибуны:

— Мы! Мы сами пустим завод! Надо, чтобы завтра сюда пришли все моряки и солдаты, у кого есть хоть какие-нибудь технические специальности, — слесаря, электрики, кузнецы, плотники, котельщики, токаря, клепальщики. У кого нет в руках ремесла, пусть тоже приходит, подучим на скорый лад. Я уверен: вместе с рабочими завода мы за неделю пустим все цехи и начнем ремонт судов...

— А уголь?

Шестаков рубанул рукой перед собою:

— Объясняю, внимание! Час назад я получил из Лон-

дона телеграмму от народного комиссара Красина. Он сообщает, что советская торговая делегация ведет там переговоры о закупке парохода с углем. Да и мы тут вместе поскребем по сусекам. Ведь каждая горсть угля — это кусок хлеба, каждое ведро угля — спасенный от голодной смерти человек!..

По узким почерневшим доскам тротуара Чаплицкий и Берс, кутаясь в башлыки, прошли в столовую № 3 — бывшее процветающее питейное заведение братьев Муратовых.

Здесь и сейчас было полно людей, по виду — типичных обитателей портовых трущоб.

Толкотня, гам, теплая вонь.

Посетителей лениво обслуживал Федор Муратов, а старший брат Тихон царил за буфетной стойкой, разглядывая людей с безразличным отвлечением.

Чаплицкий и Берс устроились в углу за свободным столиком, осмотрелись по сторонам.

Берс сказал с ухмылкой:

— Все, как в трактире Тестова.

— Или наоборот — как в ресторане «Стрельна», — поморщился Чаплицкий.

— Спросите у них, Петр Сигизмундович, пашотт с трюфелями, землянику, черный кофе. И сигару, — паясничал Берс. — Рюмку арманьяка, бокал шампанского, бенедиктин... Сил нет, как жрать жочется!

— Спрошу, — неожиданно покорно согласился Чаплицкий.

К столу подошел Федор Муратов, равнодушно глядя поверх их голов, сообщил:

— Гуляш из тюленя, вареная треска, капустная солянка, щи. Все.

Чаплицкий сбросил башлык, негромко проворчал:

— Не больно ты меня балуешь, брат Федор! Вижу, что не загуляешь у тебя...

Федор всмотрелся в лицо Чаплицкого, узнал, тихо ахнул:

— Господи, никак Петр Сигизмундович? Вы же... вас же... Господи, радость-то какая!..

Чаплицкий открыто, сердечно улыбнулся:

— И у меня сегодня радость, Феденька. Иди скажи

Тишке — пусть накроет нам в задней комнате чего бог послал.

Федор опрометью бросился к старшему брату. Берс воскликнул с нескрываемым восторгом:

— Чаплицкий, вы гений! Не знаю, как насчет трюфелей, но человеческой едой, похоже, нас накормят.

Чаплицкий похлопал его по плечу:

— Были здесь и трюфели когда-то... А что касается человеческой еды, то мы ее заслужили, геноссе Берс. Сегодня у нас праздник. Вы себе даже не представляете, до какой степени я гений...— Чаплицкий сделал самодовольную паузу и закончил: — Севрюков добрался до места, он уже в Лондоне!

— Что вы говорите, Чаплицкий!

— Да, да! Связь установлена. Вчера поздно вечером пришел сообщение от Миллера...

Берс подозрительно посмотрел на него:

— Интересно, но недостоверно. Вы — здесь, Севрюков — в Лондоне, а вчера у вас — сообщение?

— Ну и что?

— Это похоже на сочинения господина Жюль Верна.

Чаплицкий засмеялся:

— Вы мне не верите?

— Я-то вам верю,— пожал плечами Берс.— Но вы, судя по вашему рассказу, совсем не доверяете мне!

Чаплицкий закурил, выпустил в потолок клуб дыма:

— Берс, не говорите красиво. Вы мне верите, и я вам доверяю. Но не хочу обременять вашу память лишними сведениями. Если вам случится попасть в подвалы Чека, сами же будете меня благодарить.

— За что? — удивился Берс.

— За то, что вам вспомнить нечего...

К их столу подошел оборванный опухший человек в драных офицерских сапогах, долго недоверчиво всматривался в Чаплицкого и, наконец, бросился к нему:

— Петр Сигизмундович, голубчик! Дайте обнять вас, господин каперанг!

— Тсс-ть! — оборвал его Чаплицкий, резко толкнул его в живот, и тот плавно плюхнулся на стул.

Чаплицкий наклонился к нему и сказал сквозь зубы:

— Еще раз на людях обнимешь — застрелю! Дурак! Твое счастье, что я тебя уже давно высмотрел, Колыванов.

— Слушаюсь! — подавленно прошептал Колыванов. А Чаплицкий кивнул на него ротмистру:

— Полюбуйтесь, Берс, на нашу гвардию: поручик Семеновского полка Алексей Дмитриевич Колыванов.— И, повернувшись к офицеру, гневно бросил: — В каком вы виде?!

— А что делать? Как жить? — Из глаз Колыванова по опухшему лицу потекли пьяные бессильные слезы.— Документов нет, денег нет, в комендатуру идти боюсь — в расход могут пустить. От голода памороки случаются...

Он высморкался в грязную серую тряпицу, стыдливо упрятал ее в карман, сказал обреченно:

— Каждый день в облаву попасть рискуешь... Разве что самогоночки стакан засосешь — на душе отпускает...

Чаплицкий сказал строго:

— Стыдитесь, Колыванов, вы же офицер! Разве можно так опускаться?

Колыванов резко отшатнулся от него. Потом снова наклонился к Чаплицкому и сиплым шепотом проговорил:

— Да вы зря, Петр Сигизмундович, голубчик... Зря срамите вы меня... у вас ведь одно передо мною преимущество — совесть у вас молчит...

Зло прищурился Чаплицкий:

— А ваша совесть бьет в набат... пустых бутылок?

Колыванов медленно покачал головой:

— Моя совесть, как крыса, в груди ворошится... Все сердце выела. Только она... да страх остались, да срам горький за все, что мы тут наворотили...

— Что ж мы такого наворотили? — неприязненно пробормотал Чаплицкий.

А Колыванов вдруг пьяно выкрикнул:

— Родину-мамку мы снасильничали, вот что...

— Прекратите истерику, ну! — прошипел Чаплицкий.— Баба несчастная.

Колыванов замолчал, опустил голову.

К столу подошел Федор Муратов, наклонился к Чаплицкому:

— Петр Сигизмундович, извольте пожаловать в кабинет, ждет вас брат Тиша.

Чаплицкий добро засмеялся, хлопнул по плечу Колыванова:

— Не тужите, поручик, все еще будет в порядке. Сейчас вас накормят, дадут выпить, отогрейтесь, а потом вме-

сте пойдем отсюда...— Он встал, велел Муратову: — Федечка, приласкай моего друга...

Когда отошли на несколько шагов, Чаплицкий быстро шепнул трактирщику:

— Какой-нибудь варнак у вас найдется?

Муратов склонил голову:

— Всегда под рукой, Петр Сигизмундович.

— Тогда, Федя, с этим... «другом» моим... Закончи. Совсем... Понял?

— Понял!

Они вошли в заднюю комнату трактира — «кабинет», — где их встретил с распростертыми объятиями Тихон Муратов.

— Дорогим гостям честь и место!

Чаплицкий, обнимая хозяина, сказал Берсу:

— Знакомьтесь, ротмистр. Это мой друг, советник и верный помощник Тихон Савельевич Муратов. — И обернулся к Тихону: — Что, Тиша, плохо живем?

— Хуже некуда, Петр Сигизмундович. Голодуют людишки шибко, до края дошли.

Чаплицкий бросил насмешливо:

— А тебе их, Тиша, жалко?

Муратов с жаром возразил:

— Не-е! Чего их жалеть! Это им только поместилось, будто все — всем стадом, значит, — могут сладко есть да пить. Не было так никогда и не будет. Звереют они, однако. Боюсь, конец нам всем, ежели избавление не придет.

— Вот я и пришел, чтобы мы вместе приблизили час избавления, — серьезно сказал Чаплицкий.

— Мы с братом всегда готовые, — твердо заверил Тихон.

Чаплицкий остро сощурился:

— И в случае беды Чека не испугаешься?

Тихон махнул рукой:

— Э, пустое... в писании сказано: «Не по своей воле ты создан, не по своей воле ты родился, не по своей воле ты живешь, не по своей воле и помрешь...»

Тихон истово, торжественно перекрестился, глядя на угол, где раньше висели образа.

Чаплицкий встал, обнял его, троекратно расцеловал. Подумал, сказал:

— Большевички, Тихон, хотят, как говорили древние люди, — «Агнаэ эт игнис интердикцио, хок эст эксилиум» — запретить нам пользоваться огнем и водой...

— Это как? — не понял Тихон.

— Ну, изгнать нас. А еще лучше — совсем изничтожить. Только хрен у них это получится. Так что, давай к делу, Тиша.

— Слушаю, Петр Сигизмундович!

— У тебя здесь место людное, на юру, много людей шастает. Место — лучше не надо! Здесь у нас будет и штаб, и арсенал, и сборный пункт верным людям.

— А что мыслишь себе, Петр Сигизмундович?

— А мыслю я вот что. Среди людишек — голод, тоска, брожение. За весну-лето дождут остатки продовольствия, уже и гуляша из тюленины не получишь — ни за какие деньги. Так, нет?

— Так точно.

— Ну, вот большевики и хотят морским проходом пригнать сюда сибирский хлебушко. Если мы им это поломаем, к осени начнут жрать друг друга — им из Центра везти не на чем... Да и нечего... Тогда и крикнем восстание по всему Северу. Все на него поднимутся!

Тихон раздумчиво кивнул:

— Дай-то, господи! А Англия как?

— Поможет.

— Ну, с богом! С богом! Прошу вас к столу...

Стол, будто скатерть-самобранка, был уже уставлен дорогими яствами, совсем, кажется, позабытыми напитками. Тихон откупорил бутылку нежинской рябины на коньяке, принялся разливать по рюмкам.

Чаплицкий, обняв его за плечи, спросил со смехом:

— Тиша, помнишь, как мы с тобой по документам серба Ясковича отправляли за границу Александра Федоровича Керенского? Дурня этого?..

— Как не помнить! А что?

— Глупость сделали, надо было его повесить.

— А что — мешает, нешто?

— Да нет, просто было бы приятно вспомнить!

Тихон захохотал:

— Это уж да! Это уж точно!

Чаплицкий согнал с лица улыбку.

— Ну, а теперь за работу, Тихон. Мне срочно нужны верные люди...

— Много?

Чаплицкий посмотрел ему в глаза, прищурился, доверительно сказал:

— Ох, много, Тиша. Сколько можно — всем дело найдется. Я думаю, у вас с Феденькой есть на примете...

— Есть, — твердо ответил Тихон. — Хорошие люди. И не только на примете.

— Это как? — недопонял Чаплицкий.

— Несколько господ офицеров от корпуса отстали... У нас столуются... а кой-кто и кров над головой имеет... Есть и другая публика — штатские, но боевые...

— Во-он как! — Чаплицкий был очень доволен.

Тихон преисполнился гордостью:

— А как же! Небось народ мы крепкой закваски! Если позволите — представлю.

— Очень хорошо, Тиша. Только не всех сразу. И насчет меня покороче: начальственный, мол, господин, необходимыми полномочиями облечен, и... хватит с них.

Тихон развел руками, показывая, что уж ему-то подобная азбука ни к чему.

Он усадил за стол дорогих гостей, убедился в том, что у них прекрасный аппетит, выпил с ними рюмку рябиновой настойки и умчался.

Не прошло и десяти минут, как он вернулся с двумя людьми: высоким, подтянутым, опрятно одетым блондином и полным, в крестьянском армяке, с большой лысиной и мешками под глазами.

Оба отличались заметной военной выправкой, знакомаясь, разом щелкнули каблуками:

— Поручик Литовцев Всеволод Николаевич...

— Капитан Сударев Иван Андреевич...

Чаплицкий поднялся, гостеприимно пригласил их к столу:

— Прошу, господа... Приятно познакомиться...

Трапеза еще не вошла в силу, когда двери общего зала столовой № 3 распахнулись, пропуская чекистов и наряд красноармейцев.

Чекист в желтой кожаной тужурке громко объявил:

— Спокойно, граждане! Оставаться на местах: проверка документов...

Несмотря на этот призыв, в зале сразу же возник шум,

гам, поднялась суматоха: многим из столующихся проверка документов была ни к чему.

Воспользовавшись суетой, Федор Муратов проскользнул в «кабинет», крикнул:

— Облава! Проверка документов!

Неторопливо поднялся Тихон:

— Ш-шш, Федя, не шуми. Не извольте беспокоиться, господа. Щас я всех отсюда выведу. Есть ход...

Берс, надевая пальто, ругался:

— Такой ужин пропал!..

— Не пропал,— торопливо возразил Чаплицкий, распахивая по карманам яства.

Уже на выходе остановился, напомнил младшему Муратову:

— Федя, не забудь про человечка, что я тебе показал...

В одной руке у него была курица, в другой — револьвер.

Все последующие дни Чаплицкого можно было видеть не только в столовой № 3 — он появлялся и в порту, и в цехах судоремзавода, и около радиостанции.

Энергичный, озабоченный и в то же время всегда веселый, он деловито разговаривал с самыми разными людьми. С некоторыми он приходил в заднюю комнату заведения братьев Муратовых, закрепляя бокалом вина только что возникшую связь...

Никому и в голову бы не пришло, что эта активная деятельность имеет какое бы то ни было отношение к убийству неизвестного офицера — впрочем, позднее он был опознан как штабс-капитан 186-го пехотного полка Владимир Афанасьевич Суров; чекисты, обнаружившие тело Сурова, решили, что он был ограблен и убит бандитами, которых в то смутное время было более чем достаточно...

В действительности все обстояло еще проще: штабс-капитан наотрез отказался сотрудничать с Чаплицким и, на свою беду, не смог скрыть симпатии к революции. Это стоило ему жизни.

И уж совсем никого не удивила гибель окончательно опустившегося, спившегося поручика гвардейского Семеновского полка Алексея Дмитриевича Колыванова.

Патруль нашел его в овраге с перерезанной глоткой, и рыжий худой красноармеец, равнодушно цыкнув щерба-

тым зубом, бросил: «Офицерье проклятое... Черт с ним: собаке — собачья смерть...»

Чаплицкий действовал.

В нетопленной комнате бывшего коммерческого архангельского училища сидели на лавках, на столах, просто на полу человек тридцать матросов, солдат, рабочих.

За первым столом, на котором чадила масляная плешка, закутавшись в теплый платок, сидела Лена Неустроева.

Она проводила культчас: с выражением читала книгу вслух.

Шестаков тихо приоткрыл дверь и присел сзади на освобожденный белокрысым молодым матросиком табурет. Оглядевшись по сторонам, с удовольствием заметил, с каким интересом слушают Лену бойцы.

А она, отложив книгу,— не то по памяти, не то своими словами — взволнованно рассказывала, вглядываясь в мерцание людских глаз, полускрытых от нее потемками:

— Поклонился тогда Емельян Пугачев на все четыре стороны и сказал голосом, чуть дрогнувшим: «Прости меня, народ русский, если согрешил в чем перед тобою!..» Сорвали палачи с него рубаху, повалили на деревянный настил, молнией блеснул над притихшей Болотной площадью топор, глухо стукнул...

Закончился рассказ, повскакали бойцы, обступили Лену.

— Эх, Елена Константиновна, говорил же я — не надо ему было под Оренбургом топтаться! — крикнул белокрысый паренек, уступивший Шестакову табуретку.

Пожилой бородатый солдат возразил:

— Тоже мне, Суворов нашелся! Мудер больно!

— А что? Если бы он от Казани сделал марш-бросок навстречу корпусу Михельсона? А-а? — поддержал белокрысого широкоплечий рябоватый матрос.

— На-а! А Чернышевскую армию на фланге куда дел? Ему надо было сразу на Урал прорываться. Там и места побогаче, и сразу всем крестьянам — вольную, горнорабочим — свободу! — не сдавался бородатый.

Раздалось сразу несколько голосов:

— Дык Хлопушу в тех местах уже прижали? Куды ему было деваться?

— Раньше надо было! И объявлять союз пролетариев и крестьян.

— Инородцев ширше звать нужно было: и башкирцы, и калмыки, и мордва — все помогнули б. Я их знаю!

— Я в тех местах Колчака да белочехов колошматил. В Орские заводы Пугачу бы идтить.

Лена и Шестаков возвращались по тихой заснеженной улице. Погода стояла хорошая, ясная, и они шли не спеша — гуляя. Изредка, порывами налетал ветер и трепал на высокой круглой тумбе обрывок давнишней афиши.

Лена мельком взглянула на нее и остановилась:

— О, господи!.. Вы прочтите только, Николай Павлович!

На остатке афиши можно было прочесть объявление, напечатанное замысловатыми готическими буквами:

«...ОГРАММА ВЫСТУПЛЕНИЯ:
ОБРЕЗ РУКИ ИЛИ ОТРЕЗ ГОЛОВЫ,
С КРОВОТЕЧЕНИЕМ, НО НЕ НАСМЕРТЬ!»

Шестаков расхохотался:

— Вот бы вашим слушателям, Леночка, предложить такую программу!

Лена с улыбкой сказала:

— Как раз этим их не удивишь. Но во многих вещах они как дети...

— Да,— согласился Шестаков.— Однако заметьте, что они все-таки сделали то, что не удалось Пугачеву. В их соображениях по тактике войны с царизмом — огромный собственный опыт. И поражений, и побед.

— А у меня нет никакого опыта,— грустно отозвалась Лена.— Вернее, мой опыт никому — да и мне самой — не нужен. И научить ничему не может.

— У вас зато есть замечательной силы характер,— снова засмеялся Шестаков.

Лена замахала на него руками:

— Какой там характер! Я держусь, как могу, чтобы не видно было моего страха. Я так вам завидую...

— Мне? — удивился Шестаков.

— Вы такой молодой...

— Леночка, какой же я молодой?! Александру Невскому на Чудском озере было двадцать три года! А я в эти годы еле в штурмана на эсминце попал.

Лена взяла его под руку, посмотрела в глаза.

— Я очень люблю, когда вы смеетесь. Вы такой сильный, уверенный в себе, все знающий... А когда смеетесь, глаза у вас детские!

Шестаков попытался отшутиться:

— Мудрости в них маловато... Житейской!

Лена покачала головой:

— Ее не бывает, житейской или абстрактной. Мудрость — это познание добра и зла. На наш век столько зла пришлось! Где добра собрать столько же?

— Леночка, хороших людей в мире больше, и они заслуживают счастья,— ласково сказал Шестаков.— Надо им только помочь — а вы им уже помогаете...

Лена долго шла молча, потом повернулась к Шестакову:

— Мне самой помогать надо, Николай Павлович. Не знаю, может быть, это глупо, что я говорю вам...

Она смущенно замолчала.

— Так что именно вы мне говорите? — попытался поддержать ее Шестаков.

— Ну, в общем... Только с вами я в последнее время чувствую себя уверенно,— решила Лена.

Шестаков остановился, долго смотрел на нее, потом обнял и крепко прижал к себе.

— Ну, что же вы молчите? Скажите хоть что-нибудь! — попросила Лена.

Шестаков горячо воскликнул:

— Лена! Мы первые люди только что родившегося мира! Мы его сами творим для себя! И знаешь... мне с тобой прекрасно, как никогда не было в жизни!..

Лена поцеловала его в обветренные губы и сказала с улыбкой:

— Только очень холодно и голодно...

Шестаков подхватил ее на руки и помчался по дощатому тротуару. Ему было легко. И он закричал на всю улицу:

— Лена, любовь моя! Мне хорошо, хорошо, хорошо!

...Вдоль Темзы по темному гладкому асфальту неспешно катил автомобиль — черный лимузин «даймлер», длинный и солидный. В закрытой задней кабине его, отделенной зеркальным стеклом от шофера, сидели Красин и Ногин.

Ногин говорил с горечью:

— Они хотят взять нас измором: нам — вежливые поклоны, любезные уверения в желании торговать и мирно соседствовать...

Красин кивнул:

— А Врангелю — пароходы с пулеметами, танками, продовольствием и обмундированием!

— И не только Врангелю — всем белогвардейцам! По указанию правительства Америки президент зерновой палаты отпустил представителю белогвардейцев в Вашингтоне для отправки на Север девять тысяч тонн пшеницы! С угольных складов — десять тысяч тонн угля! Обмундирование! Снаряды, самолеты, средства связи!

Красин, элегантный, в светлой тройке, с резной тростью, закурил сигарету, задумчиво посмотрел в окно:

— И все-таки, я думаю, мы их обыграем. Как говорят борцы — дождем в партере...

— Да-а? Вы так полагаете, Леонид Борисович? — не очень уверенно переспросил Ногин.

— Один очень умный человек сказал как-то, что у Англии нет постоянных друзей, нет постоянных врагов, а есть лишь постоянные корыстные интересы...

Он осторожно постучал ногтем по сигарете, стряхивая в пепельницу столбик пепла.

— Правнуки праотцев капитализма на всем хотят урвать свой клочок. На всем абсолютно, без исключения, что-то выхитрить и выжугить...

— Но нас они хотят обжуливать, вообще ничего не давая взамен! — с возмущением воскликнул Ногин.

— А мы здесь зачем? На то и шука, как говорится, в море, чтобы карась не дремал. По поводу моего отчета о встречах с представителями британского правительства Владимир Ильич через Чичерина прислал шифрограмму: «Мерзавец Ллойд-Джордж надувает вас безбожно и бесстыдно, не верьте ни одному его слову и надувайте его втрое».

Ногин расхохотался:

— Ай да Ильич! Он будто вместе с нами за столом переговоров в Уайт-холле сидел!

Красин приоткрыл окно и выпустил в него струю голубого дыма, сказал деловито:

— Надо создать у англичан ощущение, что инициатива уходит от них. Тогда поторопятся.

— А как вы это делаете?

— Очень просто. Тут я нечаянно «обмолвился» об успехе торговых переговоров с Италией; там «ненароком» в газеты попала информация о деловых предложениях американских нефтяных тузов из Техаса; вчера шведский коммерческий пул «неожиданно» получает концессию, а сегодня мы встречаемся с главой «Закупсбыт Лимитед» господином Востротинным. И факт этот тоже не пройдет мимо внимания англичан...

Ногин посмотрел на Красина с восхищением:

— Ну, это уж мы постарались! Леонид Борисович, а что за человек этот Востротин?

— О-о! Это гусь — будь здоров! — засмеялся Красин. — Бывший городской голова Енисейска — торгаш, ловкач, маленький, но очень ловкий политикан.

— Леонид Борисович, вы считаете, он и подобные ему что-то значат, могут нам помешать, имеют здесь какую-то силу?

— Имеют, и притом — немалую! Это люди особой закваски — сибирские кулаки. Они появились на Западе двадцать лет назад и завалили европейский рынок дешевыми и очень вкусными продуктами: маслом, сыром, прекрасной солониной. Я рассчитываю на их коммерческое воображение и природную хватку — всех этих торговцев из «Закупсбыта», «Союза маслоделательных артелей» и других кооперативов. После революции они перебиваются случайными сделками, и, если мы снабдим их традиционными российскими товарами, они себя покажут!..

Наконец, и в Архангельск добралась скромная северная весна. Ослепительно яркое солнце подсинивало оседающие сугробы, теплый ветер сушил тротуары.

Первого мая весь город был в кумаче, весь город собрался на воскресник и устремился в порт, к судоремонтному заводу. На причальной стенке собрались сотни, тысячи празднично одетых людей.

И вот из затона судоремонтного завода плавно вышел первый отремонтированный за зиму ледокол — «Русанов».

На борту его — штаб воскресника. Идут последние приготовления.

Шестаков распорядился:

— На «Мальгине» работами руководит Болдырев. На пароходе «Кереть» — военмор Шекутьев. На «Маймаксе» — военмор Оленин, на «Сибирякове» — военмор Захарченко. Здесь, на «Русанове», командовать будет капитан дальнего плавания Неустроев...

— А вы сами-то где будете? — совсем по-домашнему спросил Неустроев.

— Я буду на ледоколе «Седов», — ответил Шестаков, — а вас, Константин Петрович, очень прошу — скажите людям несколько слов.

Неустроев подошел к борту, помахал рукой. Внизу, на стенке, гомон потихоньку начал успокаиваться, люди с интересом смотрели на старого капитана.

А он долго молчал, внимательно глядя на этих исхудалых, черных от копоти и недосыпания, но полных энтузиазма людей.

Снял шапку, и ветер сразу же растрепал его длинные седые волосы.

— Товарищи! Спасибо вам за все, что вы смогли... — сказал он в мегафон, вроде бы негромко, но слышали его все, и на стенке воцарилась тишина. А Неустроев сказал горячо и сердечно:

— Дорогие друзья, спасибо вам за то, что вы пережили эту зиму... Спасибо вам за то, что, голодные, неодетые, усталые, больные и раненые, вы пришли в разгар зимы в мертвые цеха, затоны, доки и своим душевным жаром дали им жизнь... Спасибо вам, русские умельцы и мастера, что вы поделились своими знаниями, мудростью и опытом со всеми молодыми товарищами...

— Ура-а-а! — прокатилось по пристани.

Неустроев горячо продолжал:

— Спасибо вам, солдаты и крестьяне, впервые взявшие здесь в руки инструмент, за то, что вы научились делу... Спасибо вам за то, что забыли о времени: за те двенадцать, а то и четырнадцать часов, которые вы здесь каждый день проводили, не зная отдыха, перекура и усталости...

Он посмотрел на Шестакова, и тот незаметно, но крепко, признательно пожал ему руку.

— Спасибо вам за то, что вы пришли сюда сегодня, в

праздничный день, работать ради возрождения из пепла и руин русского революционного флота! — воскликнул он от всего сердца.

— Ура-а! Ура-а-а!! — раскатисто гремело на пристани. Неустроев поднял руку.

— Пройдут годы, — с волнением крикнул он в толпу, — и могучий российский флот будет плавать не только вдоль побережья Ледовитого океана, от одного речного устья до другого, а пойдет напролом через матерые океанские льды до самого полюса! И тогда в день мирового триумфа и уважения благодарное человечество склонит голову перед славной памятью вашего неслыханного подвига!..

— Ура-а! Ура-а-а! Ура-а-а-а!..

Лена с искренней гордостью смотрела на отца. Шестаков подошел к ней, взял за руку, прошептал:

— Леночка, мы еще вместе двинем к полюсу. А?..

Длинный черный «даймлер» круто свернул с набережной Темзы, попетлял немного по узким улочкам делового Центра и притормозил у подъезда небольшого красно-кирпичного особняка, в одном из помещений которого размещалась торгово-посредническая фирма «Закупсбыт».

Переговоры начались.

За длинным полированным столом собрались Степан Андреевич Востротин, Павел Никонович Кушаков, Константин Иванович Морозов и другие члены правления «Закупсбыта».

Леонид Борисович Красин и Виктор Павлович Ногин сели напротив.

Востротин сразу же взял быка за рога.

— Господин Красин, мы, коммерсанты, стоим на каменистой почве реальности, — сказал он. — Иногда это жестковато и, конечно, неудобно, но гораздо надежнее, чем витание в воздушных замках политических эфемер... — Делец любил говорить «красно» — высоким, так сказать, слогом.

Красин усмехнулся:

— Ну, вот видите, как прекрасно! Большевики тоже предпочитают смотреть фактам в лицо.

Востротин наклонил голову, сказал душевно:

— Мы все — русские люди и в конечном счете заинтере-

ресованы только в благоденствии своего народа, какая бы форма правления ни сложилась в России...

Красин покивал ему в тон:

— Тем более, что мы все реалисты и отчетливо видим выбор, сделанный народами России.

На миг Востротин замялся и снова продолжил.

— Однако высоко гуманные интересы, которые мы все разделяем, не должны подрывать коммерческие задачи нашего общества, а наоборот — должны всемерно их стимулировать, — формулировал он с гладкостью присяжного поверенного в имущественном процессе.

Ногин перебил его:

— Точнее говоря, «Закупсбыт Лимитед» должен получить свой нормальный капиталистический бонус? Правильно мы вас понимаем?

Востротин яростно воскликнул:

— Безусловно! Реквизиция наших активов в России нанесла нам громадный удар. Мы потеряли почти все и теперь хотим получить компенсацию в ходе наших торгово-комиссионных сделок!

Красин встал.

— Господа! Я буду с вами откровенен. Мне хочется верить в ваши гуманистические побуждения, однако сейчас мы все коммерсанты и реалисты. Ваше желание сотрудничать с нами вызвано тягостным финансовым положением «Закупсбыта». Как говорят у нас в Сибири:

«Солонинка — солонá, а свининка — дорогá.

Ты же, редечка-душа, хоть горька, да дешева...» Нам сейчас тоже трудно и больно, но это трудности и болезни рождения и роста. От вашего благоразумия зависит не превратить собственный социальный склероз в агонию всего вашего предприятия!

Раздались возмущенные протесты коммерсантов, некоторые повскакали с мест.

Красин воскликнул властно:

— Я прошу меня не перебивать и дослушать до конца в обмен на мою откровенность. Итак, мы по горло сыты бесконечными дипломатическими играми в Форейн-оффисе и Уайт-холле. И предела этой говорильне не видно. Но к вам приехали сегодня с четкой целью: мы выйдем отсюда либо с окончательной договоренностью, либо с окончательным разрывом...

Морозов сказал невозмутимо:

— Не пугайте нас, господин Красин...

Красин широко улыбнулся:

— Да что вы! Просто у нас остается надежда удовлетворить наши интересы в какой-то другой фирме, вы же никогда не получите контрагента, равного Советской Республике. Никогда, до скончания дней! Надеюсь, господа, что я обрисовал коммерческую ситуацию с исчерпывающей ясностью... Какие будут суждения?

После тяжелой паузы Востротин сказал:

— Соизвольте уточнить ваши конкретные деловые предложения, господин Красин...

Красин опустил на место.

— С удовольствием. Я уполномочен Советским правительством выдать «Закупсбыту» сертификат на ведение всех коммерческих операций для Сибирской хлебной экспедиции в устья Оби и Енисея.

Кушаков поинтересовался:

— Леонид Борисович, а какие принимаем на себя обязательства мы?

Красин быстро повернулся к нему:

— Вы закупаете у английских фирм — поскольку нам они не продают — сельскохозяйственные машины, инструменты, типографское и маслоделательное оборудование, химикалии, мануфактуру, галантерею и целый ряд других необходимых нам товаров. Вот их список...

Востротин взял список, мельком просмотрел его, отчеркивая отдельные позиции ногтем. Спросил:

— С этим ясно. А далее?

Красин пожал плечами:

— Далее? Срочно фрахтуете английские и норвежские суда и перебрасываете эти товары в Мурманск и Архангельск.

Востротин прищурился:

— Фрахт в одну сторону?

Красин удивился:

— Зачем же? В Архангельске на эти суда будут перегружены хлеб, меха, волос, кожа, смола и другой экспорт, который доставит из Сибири наша экспедиция. Торговать так торговать!

Кушаков сказал задумчиво:

— Леонид Борисович, мы весьма наслышаны о вашем проекте доставить сибирский хлеб Северным морским путем. Хочу заметить, что я опытный коммерсант, старый

судоводитель и полярник: участвовал в экспедиции Георгия Седова, снаряжал экспедиции Русанова и Брусилова. И потому с полной ответственностью заявляю: мне это представляется утопией. Подобный переход, я думаю, невозможен.

Красин покачал головой:

— Ах, господа, господа! Когда же вы отучитесь «с полной ответственностью» заявлять о том, что возможно и что невозможно для нашего народа! Сколько об этом говорено... Ничему вас жизнь не учит!

Константин Иванович Морозов взволновался:

— Но мы многим рискуем! Если у вас не получится, мы можем вовсе вылететь в трубу!

Красин решительно опровергнул:

— Вы ничем не рискуете! Ваши кредиты будет гарантировать Шведский банк. Это я вам заявляю уже не как коммерсант...

— А как?.. — поднял бровь Востротин.

— А как народный комиссар и член Советского правительства, — твердо сказал Красин. — Первого октября текущего года сибирский хлеб будет доставлен в Архангельск и перегружен на ваши суда. И так?..

Купцы переглянулись. По-видимому, их сломил деловой напор Красина.

Востротин встал и с улыбкой воскликнул:

— А-а! Была не была! По рукам, многоуважаемый господин народный комиссар!

Ногин засмеялся:

— Вот так бы давно!

Кушаков, наморщив лоб, сказал деловито:

— Остается только уточнить бонус — процент отчислений в нашу пользу.

— Чтобы не обмануть ваши гуманистические побуждения, — уточнил Красин со смешком...

Почти в тот же час всего за несколько кварталов от «Закупсбыта» крупнейший лондонский финансист Иоаннес Лид принимал в роскошном кабинете своего офиса генералов Миллера и Марушевского.

На столе — кофе, коньяк, сигары.

Лид говорил по-русски:

— Я готов вас выслушать самым внимательным обра-

зом, господа.— Слова он произносил с еле заметным акцентом.

Покашливая от волнения, Миллер начал:

— Господин Лид, вы являетесь одним из тех западных финансистов, чьи интересы в огромной мере связаны с Россией...

Иоаннес Лид наклонил голову в знак согласия.

— Если я не ошибаюсь, господин Лид, стоимость вашего имущества в России превышает девять миллионов золотых рублей,— продолжал Миллер.

Пуская ровные кольца сигарного дыма, Лид слабо усмехнулся:

— Буржуа — люди подозрительные и суеверные. Они не любят, когда кто-нибудь считает их деньги...

Марушевский по-солдатски прямо сострил:

— Поэтому большевики, не считая, забрали все ваши заводы, фабрики и пароходства?

Лид продолжал усмехаться.

— Да, этим господам не откажешь в решительности,— спокойно сказал он.— А вы, как я понимаю, по-видимому, хотите предложить мне мое имущество обратно?

Миллер патетически воскликнул:

— Безусловно, господин Лид! Вы все сможете вернуть. Но сейчас нам нужна и ваша помощь...

— В чем она должна выразиться? — осторожно осведомился финансист.

— Нашему движению нужны средства,— сказал Миллер.

Марушевский перебил его:

— Но еще больше нам необходимо ваше влияние в правительственных кругах Великобритании,— решительно сказал он и взял со стола сигару.

Лид протянул ему сигарный нож.

— В каком направлении должно быть использовано мое влияние?

Миллер выпалил:

— Нужно подготовить новую совместную русско-английскую экспедицию на Север России!

Лид выпустил три плотных колечка дыма, проследил за ними, последнее рассеял кончиком сигары. Сказал:

— Понятно...— Встал, неспешно прошелся по пушистому ковру, остановился напротив Миллера: — Как вы представляете это конкретно?

— Мы располагаем сильным, хорошо законспирированным подпольем в Архангельске,— сказал Миллер.— Оно сообщает, что большевики намерены в конце лета перебросить из Сибири миллион с лишним пудов продовольствия, накормить Север, а остальное распродать в Лондоне...

Лид присел на подлокотник кресла, спросил коротко:

— Что вы предлагаете?

Снова выскочил вперед Марушевский:

— Чтобы английский флот разгромил караван с хлебом и прочими товарами!

Сглаживая бестактность коллеги, Миллер сказал с пафосом:

— Чудовищный голод и болезни парализуют способность большевиков к сопротивлению, и англо-русский десант захватит Север России без всяких потерь!

— Но, помнится, подобные попытки уже предпринимались,— не без сарказма сказал Лид.— В конце прошлого года ваша армия насчитывала двадцать пять тысяч солдат и офицеров, если не ошибаюсь...

— Так ведь Англия...— гневно начал Миллер, однако Лид предостерегающе поднял палец, и генерал умолк.

Лид продолжал:

— Двадцать пять тысяч, если не ошибаюсь. Плюс офицеры-инструкторы войск стран Антанты. Плюс отряд датских ландскнехтов — свыше ста человек...

— Но ведь датчане ни в одном бою не участвовали! — жалобно воскликнул Миллер.

— Неважно,— сказал Лид.

— Как это — неважно? — возмутился Марушевский.— Если бы Антанта не эвакуировала регулярные войска...

Лид перебил его:

— Вместо них правительства Великобритании, Соединенных Штатов и Франции набрали достаточно много добровольцев. Мало того: были мобилизованы все русские за границей, даже бывшие военнопленные в Германии — около десяти тысяч воинов. Не так ли, господа?

— Но в Россию-то они так и не прибыли?! — с недоумением сказал Миллер. Разговор получался сумбурный, путаный, без ясных позиций.

— Могут прибыть! — заверил Лид.— И не только они: бригаду финских добровольцев обещал сформиро-

вать Маннергейм, в Бельгии готовится отряд авиаторов...

Марушевский вскочил со стула.

— Так о чем же мы спорим? — закричал он. — Польская армия Пилсудского не сегодня завтра войдет в Киев. Над всем Югом России нависает армия генерала Врангеля! Поймите — скоординированный с трех сторон удар свалит большевистскую Россию окончательно! О чем мы спорим?

Лид отпил глоток коньяка, посмотрел бокал на свет, осторожно поставил его на стол, сказал задумчиво:

— Практически ни о чем. Поскольку план у вас, по-видимому, прекрасный. И по-моему, выполнимый. Но — без меня.

— Почему? — в один голос воскликнули Миллер и Марушевский.

— В ноябре 1917 года я встретился с Лениным...

— Вы — с Лениным? — удивился Миллер.

— Да. Я — с Лениным. Могу утверждать, что я был первым империалистом, которому дал аудиенцию большевистский премьер... — Лид засмеялся: — Он произвел на меня большое впечатление.

— В каком смысле? — спросил Марушевский.

— В том смысле, что Ленин — выдающаяся личность. Настолько огромная, что я тогда сделал ошибку.

— Какую?

— Недооценив его. Я подумал тогда, что это он ошибается в своем представлении о мире и о времени, как всякая историческая фигура, опередившая свою эпоху. И потому обреченная на гибель. Чуть позднее выяснилось, что ошибся я, а вовсе не он.

— История России далеко еще не окончена! — с гневом произнес Марушевский.

— Вот именно! — живо подхватил Лид. — Она только начинается. Но, к сожалению, с нового листа.

Миллер спросил со сдерживаемой злостью:

— Отчего же вы так пессимистически оцениваете белое движение?

Лид развел руками:

— Потому что у вас нет людей. У вас полно исполнителей, статистов, пешек. А людей нет.

— Вы клеветаете на подвиг сыновей великой России, отдавших жизнь в борьбе с заразой большевизма! — с привычным пафосом провозгласил Миллер.

Лид покачал головой:

— Нет, я говорю только правду. Я сам ошибся, недооценив Ленина. Поэтому и решил сделать ставку на реставрацию монархии в России. Попытался организовать побег царской семьи на ледоколе из Тобольска — не смогли найти толковых людей. Я проехал всю Россию и встретился с адмиралом Колчаком. Я предложил адмиралу Колчаку организовать рейд через Ледовитый океан военных транспортов и торговых судов. И снова не нашли людей..

Лид шелкнул золотой зажигалкой, раскуривая погасшую сигару. Некурящий Миллер неприязненно покосился на него.

— Наконец, я поддержал Северное правительство Чайковского, — закончил Лид. — Этот оказался просто глупым и праздным болтуном...

Миллер спросил с вызовом:

— По-вашему выходит — вовсе обезлюдела Россия?

— Нет. — Лид снова взял в руки бокал, пригубил. — Россия не обезлюдела. Я внимательно слежу за всем, происходящим там. Имеется совсем другой вывод: Россия просто больше не хочет в а с!

— Конечно! — Миллер обиженно поджал губы. — Можно подумать, Россия мечтает о большевиках...

— Этого я утверждать не стану. Но в а с Россия исторгла. Вы все — белые вожди России — как тени египетских фараонов: повелители всего, чего нет. Это факт!

Апоплексически-красный Марушевский сказал дрожащим от злости голосом:

— Мне представляется, господин Лид, вы тешите свое самолюбие, пытаетесь унизить двух заслуженных русских военных, столь претерпевших...

Лид вскочил на ноги:

— Упаси бог! Но вы пришли ко мне, чтобы я помог вам вернуться вождями нации. А я уверен, что вождей нации не привозят в обозах оккупационных войск.

Миллер и Марушевский тоже встали, и, уже направляясь к дверям, Миллер заявил:

— Запомните, господин Лид, мы еще будем в России! И тогда вы пожалеете о своем безверии. Тогда вам захочется вернуться в нашем обозе к своим фабрикам, складам, пароходам и факториям!

Лид громко засмеялся:

— Господа генералы, в этом ваша главная беда —

вы строите большую политику не на идеях, а на личных отношениях! А я — политик и делец. И, несмотря на вашу угрозу, все-таки — как это ни удивительно — постараюсь вам всемерно помочь...

Генералы замерли в дверях.

Лид спокойно закончил:

— Держите меня в курсе всех дел. Англия не может сейчас участвовать ни в каких открытых операциях против Красной России — у нас есть свои рабочие...

— Но как же тогда. — с недоумением начал Миллер.

Лид, прищурив светлые глаза, пояснил:

— Очень просто... Если крейсер ее величества случайно натолкнется в Ледовитом океане на караван большевистских кораблей... Знаете, в море ведь всякое может случиться...

Белая ночь плыла над городом, над морем. Было тепло, тихо. Лена и Шестаков медленно, устало шли по пристани.

Вдоль пирса и на рейде мирно спали ремонтируемые суда, чуть покачиваясь на пологой волне.

Шестаков, лицо — в машинном масле, окинул корабли взглядом и сказал Лене:

— Я так долго не мог привыкнуть к их силуэтам.

— Почему?

— Я ведь всегда плавал на боевых судах — у них приземистые, злые контуры хищников.

Лена заметила:

— А эти — добродушные, пузатые работяги. Посмотри, они даже горбятся от усталости... Знаешь, Коля, мне эти как-то больше по сердцу!

Шестаков засмеялся:

— Если по-честному говорить, Леночка, то мне — в последнее время — тоже!

Лена вздохнула:

— Папа в эти дни совсем домой не приходит. Как у него сил хватает!

Шестаков кивнул:

— Мы с ним сегодня на «Седове» проворачивали главную машину. Он еще на судне остался...

— Папа говорит, что с Англией какие-то новые осложнения?

— У нас с ней все время какие-нибудь осложнения, — усмехнулся Шестаков.

А война не может снова начаться?

Шестаков развел руками:

— Кто его знает! Рассказывают, жил на свете один добрый стекольник. Он сам мастерил замечательные рогатки и раздаривал их окрестным мальчишкам...

— Хитрый!

— Да. Вот мне политика Англии напоминает того стекольщика... Но думаю, что в открытую они сейчас не сунутся — побоятся...

Лена обогнала Шестакова, заглянула ему в глаза:

— Мы с тобой совсем сумасшедшие. Такая ночь, а мы говорим о политике!..

Шестаков смущенно улыбнулся:

— Ты первая начала... А потом, ничего не попишешь, Леночка: для кого-то это политика, а для нас с тобой — вся наша будущая жизнь. Да и сегодняшняя, собственно. Давай-ка подсластим ее!

Лена удивилась:

— А как?

— Залезь, пожалуйста, ко мне в верхний карман — у меня руки грязные...

Лена достала из кармана Шестакова аккуратный бумажный пакетик.

Развернула — а там пять кусков сахара!

— Ой, Коленька, сахар! Где же ты его достал?

Шестаков сказал торжественно:

— Мадемуазель Элен, это вам вместо цветов!

Лена сказала грустно:

— Они здесь, к сожалению, в это время не растут...

Шестаков покачал головой:

— К сожалению. А что касается сахара, то я его у Сергея Щекутьева выменял на банку гуталина. Он ведь неслыханный франт, а мои сапоги Иван Соколов — он их звал «кобеднишними» — давно загнал.

Лена с удовольствием разгрызла кусок сахара, со смехом сказала:

— Ой, как вкусно! Я, когда была маленькой, очень сласти любила...

— Я тоже!

— Стяну чего-нибудь на кухне, залезу в угол дивана в отцовском кабинете и требую от него сказку!

— А он тебе рассказывал сказки?

— Папа рассказывал мне одну сказку, бесконечно

длинную, он ее сам для меня придумывал...— В голосе Лены слышалась любовь к отцу.— Про витязя Циклона, который полюбил сказочную фею Цикломену и все время воевал из-за нее со злым принцем Антициклоном. Я уж не помню, чем там у них закончилось соперничество...

Шестаков долго смотрел ей в глаза... Так долго, что она покраснела. И спросила:

— Ну что ты так на меня смотришь?..

— Я помню, чем закончилось,— весело сказал Шестаков.— Циклон подстерег на архангельском пирсе Цикломену и, не снимая рабочей робы витязя, признался ей в любви. А потом поцеловал в сахарные уста...

Берс тщательно прицелился из револьвера, подняв его на уровень лица.

Плавню нажал спусковой крючок.

Раздался выстрел, и вбежавшему в комнату Чаплицкому представилось невероятное зрелище: голова Берса со странным стеклянным звоном разлетелась фонтаном сверкающих колючих осколков.

Чаплицкий застыл на месте.

Придя в себя, медленно спросил:

— В чем дело? Вы с ума сошли, Берс?

Берс задумчиво рассматривал револьвер, стоя перед разбитым зеркалом.

Потом так же медленно ответил:

— Насколько я могу судить, нет... Пока...

— Тогда зачем?..

— Мне пришло в голову, что никому не удастся увидеть собственную смерть... как бы со стороны.

Чаплицкий прищурился:

— И вы решили порепетировать перед зеркалом?

Берс с отвращением бросил револьвер на диван.

— Да. Человек должен знать, как он выглядит, отправляясь ад патрэс...

— Возрадовались бы ваши праотцы, ничего не скажешь,— насмешливо протянул Чаплицкий.

Берс нехотя покосился на него:

— У вас есть ко мне претензии?

— Ну что вы, сэр... Не то слово... Н-но...— Он пожевал губами, будто подбирая слова.

— Да?

— Выражаясь поэтически, в прелестном бутоне вашего цветочка сидит здоров-у-ущий червяк. Вы клонитесь долу, как Пизанская башня...

Берс безразлично возразил:

— Ну, допустим. Я — как Пизанская башня. Клонюсь. А вы несокрушимы, как Гибралтарская скала. Допустим... Но если не так... аллегорически?

— Пожалуйста. Наша бедная родина истекает кровью, а ее защитник репетирует собственную кончину перед зеркалом, как... простите меня... как провинциальный актер!

— У вас есть для меня более интересное занятие? — задиристо спросил Берс

Чаплицкий спокойно ответил:

— Есть. Сегодня на рассвете в Архангельский порт прибыл транспорт «Руссель». Он доставил из-за границы котельный уголь, на котором большевистский караван пойдет за сибирским хлебушком.

— И что?..

Чаплицкий присел к столу.

— Если вознести транспорт к небесам... а говоря точнее, опустить его на дно морское... Вопрос о хлебном походе просто закончится.

— Вы хотите поручить это мне? — спросил Берс вяло

Чаплицкий испытующе посмотрел на него:

— Видите ли, в этом деле есть опасность, конечно...

Берс выставил вперед ладони:

— Не надо! Я не гимназистка, господин каперанг. И вообще, мне сильно надоела вся эта оперетта... так что я давно готов... возвестись.

Чаплицкий продекламировал:

— «Вот агнец божий...— отворил шкаф и вынул из него округлый плоский сверток,— ...который берет на себя... грехи мира...»

Развернул сверток — это была самодельная магнитная бомба.

Чаплицкий объяснил Берсу принцип ее действия.

— Если вот этот стерженек вы отведете до упора,— показал он на рукоятку часового механизма,— то вознесение состоится через пятнадцать минут. Времени вполне достаточно, чтобы удалиться с места событий.

Берс рассеянно кивнул.

Чаплицкий поставил на стол флягу в замшевом фут-

ляре, свинтил с нее металлическую крышку-стаканчик, налил до края и с видимым удовольствием выпил. Снова наполнил стаканчик густой желтоватой влагой, протянул ротмистру:

— А теперь, геноссе Берс, хлебните вот этого зелья — оно прошло огонь, воду и латунные трубы...

Дышать на топливном причале морского порта было трудно — в воздухе плотной стеной стояла едкая всепро- никающая угольная пыль.

К стенке прижался пароход «Руссель». С палуб его по наклонным сходням непрерывной вереницей шли люди. Они были тяжело нагружены кулями с корабельным углем.

Разгрузка началась недавно, но на площадке пирса уже высилась основательная гора угля и росла она прямо на глазах — люди старались.

К пассажирскому трапу подошел человек в длинно- пом штатском пальто, на голове у него была низко нахло- бученная кепка с большим козырьком.

Вооруженному матросу, стоявшему на вахте, он негромко сообщил пароль:

— «Красный Север»...

— «Карский рейд»... — так же негромко отозвался вах- тенный.

Осмотрел человека с головы до ног и спросил требова- тельно:

— Пропуск?

Человек протянул ему бумажку.

Матрос по слогам прочитал ее вслух:

— «Ку-ты-рин Се-мен Ива-но-вич... Ре-ви-зор...»

Спрятал пропуск за отворот бушлата:

— Проходите...

Это был Берс.

Лавируя между грузчиками, ротмистр направился на корму. Вахтенный провожал его взглядом, пока он не исчез за палубными надстройками...

Берс спустился на нижнюю палубу. Сверился с пла- ном судна, полученным от Чаплицкого, ощупал бомбу, им же ловко подвешенную на ременной петле под пальто.

Глубоко вздохнул и направился к машинному отде- лению.

...Разгрузка угля продолжалась, когда Берс вновь появился на палубе. Он неторопливо шагал к пассажирскому трапу и уже взялся за поручень, когда на пути его появился широкоплечий парень в кожанке.

Он подозрительно всмотрелся в Берса:

— Постойте-ка, гражданин...

Берс остановился.

— Вы откуда, гражданин? — спросил парень.

Берс ответил вполне спокойно:

— Из финансовой комиссии городского совета...

— Кто будете?

— Я ревизор...

Парень в кожанке — чекист, как сообразил Берс, — никак не отставал:

— Документик ваш позвольте...

— Я часовому отдал, — уже начиная волноваться, раздраженно сказал Берс.

— То пропуск. А ваш личный... мандат? Фамилия как? — Вопросы посыпались градом.

Берс открыл уже рот, чтобы назвать фамилию, и вдруг понял, что... забыл ее! Забыл «собственную» фамилию! Какая-то простая, плебейская кликуха... Ах, черт побери, глупость какая!..

Ротмистр достал бумажник, сделал вид, что ищет в нем документ.

Чекист терпеливо ждал.

— Вы знаете... глупость какая... — Берс растерянно шарил по всем карманам. — Я, похоже, забыл его дома...

Чекист сказал укоризненно:

— Да-а? Нехорошо. Документы надо с собой носить, гражданин. Время, сами знаете, какое... Придется пройти со мной разобраться.

Берс посмотрел на часы: оставалась одна минута, может быть, полторы.

И он впервые за весь день ощутил страх.

Страх нарастал, как лавина, панический ужас охватил все его существо. Берс почувствовал, как в одно мгновение взмокла спина, в груди заколотилась мелкая, противная, опустошающая дрожь.

— Я на заседание опаздываю... Может, вот часовой... Он подтвердит... — бормотал Берс, неотрывно глядя на часы.

— Да вы не волнуйтесь, гражданин ревизор, — сказал чекист.

Он внимательно посмотрел на Берса. Подозрения его усилились, и он положил руку на плечо ротмистра.

Тот в ужасе отшатнулся.

Затравленно посмотрел вокруг.

И вдруг, оттолкнув чекиста, бросился к противоположному борту. Чекист побежал за ним.

Берс пересек палубу, и тогда часовой, уже давно с интересом наблюдавший всю сцену, вскинул винтовку.

Неторопливо прицелился беглецу в ноги.

И когда до борта ему оставалось несколько шагов пробежать — выстрелил.

Берс упал, но в животном страхе продолжал ползти к борту, волоча за собой простреленную ногу. В мозгу его мелькали расплывчатые, бессвязные, торопливые, как мыши, мысли, потом, разом исчезнув, они уступили место одной, самой важной, сразу ставшей четкой, очевидной, но уже безвозвратно запоздалой...

«Что сделал бы на моем месте Чаплицкий? Он сказал бы чекисту: документ, мой мандат, на берегу... у кого-то... кто ждет на пирсе... с портфелем... Ах, какой же я нелепый... Ведь главное — сойти с корабля... Поздно. Поздно!»

Чекист уже настиг его, схватил поперек корпуса, и в это мгновение мощный взрыв смел все окрест...

Шестаков и Болдырев стояли на причале морского порта, у стенки, где был взорван «Руссель».

В воде еще полно было всякого мусора, обломков, нефтяных пятен, оставшихся после взрыва. Чуть в стороне, вдоль причала, лежали тела погибших во время взрыва.

Болдырев подвел к ним Шестакова, указал на Берса:

— Вот он... Вахтенного, к счастью, только оглушило... Он этого липового ревизора сразу же опознал.

Шестаков спросил:

— А пропуск сохранился?

— Ну как же! Правда, он подмок маленько, но я его высушил... — Болдырев достал из кармана гимнастерки и аккуратно разгладил листок. — Вот, видите: Кутырин,

Семен Иванович, ревизор финотдела. Подпись заместителя начальника штаба, печать. Все чин чином...

— И что, этот Кутырин рискнул...

Болдырев досадливо перебил:

— Да нет, настоящий Кутырин в командировке. Просто фамилию его использовали для блезиру.

Шестаков в задумчивости прошелся по причалу.

— А подпись замначштаба?

— С Алексеем Алексеевичем Шаговым я уже разговаривал. И пропуск ему показывал. Моя, говорит, подпись — похожая. Я, говорит, наверное, и от своей настоящей не смогу ее отличить.

Шестаков нахмурился:

— Ну, подпись, положим, могли срисовать. Есть способы. А печать?..

— Настоящая, по всему судя. Мы тут всем отделом ее разглядывали, даже в лупу смотрели.

— И что же, таким образом, выходит? — Шестаков, прищурясь, смотрел на Болдырева. — Подпись — похожая, фамилия — подлинная, печать настоящая. Да, он ведь и пароль вахтенному правильно сказал?

Болдырев побагровел.

— Выходит, таким образом, — невольно повторил он за Шестаковым и развел руками, — выходит, что пропуск выдали в нашем штабе. И пароль тоже.

— Значит, предатель?..

Болдырев поджал губы и не ответил.

Шестаков продолжал мерить большими шагами бережную:

— Красиво, красиво, ничего не скажешь, — бормотал он. — Какие-нибудь соображения имеются?

Болдырев поморщился:

— Да нет пока... Люди в штабе все известные, все проверенные... Подозревать, знаете, только начини, потом уже не остановишься...

— Проверенные, говоришь? — усмехнулся Шестаков. — Оно видать... А кто ж он сам, взрывник-то этот? — Шестаков показал на тело Берса.

Болдырев пожал плечами.

— Пока не знаю, пытаемся установить. Кабы жив был, а то ни документов, ни примет особых...

— А что приметы? Что бы вы с ними делали?

Болдырев сказал неуверенно:

— Ну-у, разослали бы по местам, в центр — авось кто-либо опознал бы.

Шестаков иронически улыбнулся:

— По вашим «приметам» опознают, как же! Читал я тут розыск одного: «Ищем бежавшего из-под стражи белогвардейского офицера. Волосы кудрявые, черные. Высокий, худой. Особая примета — лысый».

— Ошибок у кого не бывает, — обиженно отозвался Болдырев. — Мы ведь, как-никак, учимся только, опыта мало.

Шестаков жестко бросил:

— Быстрее учиться надо! А то публика эта, — он снова кивнул на тело Берса, — запустит нас всех рыб кормить, пока научимся!

Как бы оправдываясь за свою неумелость, Болдырев сказал:

— Само собой, в этом вопросе расхождений быть не может. Что касается террориста, то, по крайней мере, ясно, что он барского сословия.

— Из чего сие следует? — удивился Шестаков.

— Очень просто: тело холеное, нежное и белое тонкое...

— Да-а, это примета, ничего не скажешь! — насмешливо протянул Шестаков.

Болдырев в ответ только развел руками.

И тогда Шестаков решительно предложил:

— Давай-ка подумаем, как нам в собственном штабе разобраться. Есть у меня одна мыслишка...

И он принялся излагать свой план.

Спустя полчаса на пирс пришли Неустроев, Шекутьев и несколько других работников штаба.

Шестаков сказал им:

— Я вот все прикидываю — нельзя ли попытаться достать уголь со дна морского? Хоть часть его спасти?

Неустроев задумчиво потер лоб.

— Я тоже над этим размышлял... Полагаю, что мало-перспективное это занятие. Взрыв был слишком сильный — уголь раскидало далеко, надо полагать. А характер приливно-отливных течений в этом месте таков, что большую часть угля, скорее всего, уже оттащило в сторону рейда.

Шестакову не хотелось отказываться от надежды.

— Но ведь не весь же? — упрямо сказал он.

— Конечно, — согласился Неустроев. — Да что толку — его здесь так должно было перемешать с грунтом, что проще новый уголек нарубить, в шахте. Боюсь, вам придется телеграфировать в Лондон, чтобы все начинали сначала... Хочется нам этого или нет — необходимо законтрактовать еще один пароход с котельным кардиффом.

Шестаков грустно покачал головой:

— Не получится.

— Почему, Николай Павлович?

— По ряду причин, Константин Иванович. Во-первых, неизвестно, удастся ли заключить новый контракт. Во-вторых, если даже нам продадут груз угля, будет трудно зафрахтовать в это время транспорт... В-третьих, пока снарядят пароход, пока он дойдет сюда, пока мы его на караван перелопатим...

Шестаков подсчитал в уме время и, махнув рукой, безнадежно закончил:

— Будет середина августа, караван неизбежно окажется в пике ледовой обстановки и...

— ...вмерзнет во льды на полпути, — закончил за него Неустроев.

Повисла тягостная пауза — случившееся было катастрофой, последствия которой разрушали все планы Сибирской экспедиции. И собравшиеся напряженно размышляли, пытаясь найти выход из почти безвыходного положения.

— У меня есть одно предложение! — неожиданно подал голос Сергей Щекутьев. — Разрешите, Николай Павлович?

Шестаков кивнул.

— Оно может показаться авантюрой, — нерешительно сказал Щекутьев, — но-о...

— Говори, не тяни! — подбодрил его Шестаков.

Щекутьев вынул записную книжку.

— Я все рассчитал как будто, — сказал он. — Белые, уходя из Архангельска, затопили на рейде двенадцать судов.

— Так...

— Я знаю точно, что в кочегарках этих посудин находится полтора-два — сто шестьдесят тысяч пудов угля и тысяч сто пудов мазута — как минимум...

— И что нам толку? — спросил Болдырев.

Щекутьев обернулся к нему:

— Толк может быть, и немалый. Мы можем попытаться достать это топливо.

Шестаков спросил:

— А каким образом?

— Очень просто. У нас здесь имеется три больших водолазных бота и несколько маленьких. Почти все они на плаву. Если снарядить добрую команду, можно попытаться достать уголь коробами и в мешках...

— Подожди, я не понял, — перебил Шестаков. — Какой смысл доставать уголь на рейде, если даже здесь, у стенки, можно сказать на берегу, мы его с «Русселя» взять не можем?.. Не вижу разницы!

Щекутьев терпеливо разъяснил:

— Разница такая, что «Руссель» взорван, а большинство тех посудин — цело.

— То есть как?

— Очень просто: на них открыли кингстоны, суда и затонули... Не стали на них взрывчатку тратить — они того не стоили. Да и не предвидели беляки, что мы их поднимать надумаем. Взорвали только крейсера «Лейтенант Овцын» и «Орлик».

Шестаков переглянулся с Неустроевым, и на лице начальника экспедиции появилась тень надежды.

— А что... можно было бы попробовать... — задорно сказал Неустроев. — Только неясно — для начала, — как мы этих утопленников разыщем?

— Это я предусмотрел! — объявил с горделивой улыбкой Щекутьев. — У меня все на карте отмечено.

— Ну-у, молодец! — Шестаков радостно хлопнул Щекутьева по плечу. — Хвалю за службу!

Щекутьев весело отозвался:

— Служу революции!

— Значит, так... Сегодня же приступаем к расстановке буйев на местах затопления кораблей — согласно отметкам на карте товарища Щекутьева, — деловито резюмировал Шестаков. — Завтра в составе всего штаба и приданных специалистов выйдем в море, посмотрим на месте...

...На заседании штаба каравана присутствовали штабисты — все двенадцать — и начальник отдела Чека Болдырев.

Шестаков излагал обстановку:

— Действуем медлительно. До сих пор болтается на причале это дырявое корыто — «Пронзительный». Того и гляди, оно само по себе ко дну пойдет. А там, между прочим, все навигационное оборудование для нашего каравана, все карты и уточненный маршрут...

Шестаков повернулся к одному из штабистов:

— Уже недели две прошло, товарищ Кленов, как я распорядился перевести все это на берег. Так или нет?

— Так точно!

— Почему не выполнено?

Кленов вытянулся по стойке «смирно», сказал виновато:

— Я ведь докладывал, товарищ начальник экспедиции... Перегружать некуда... Вы же знаете, как у нас с помещениями! Вчера в девятом пакгаузе нам выделили три каморки, сейчас их приспособливаем...

— И долго вы намерены их приспособливать?

— Послезавтра с утра можно занимать, Николай Павлович.

— Лично проследите! — распорядился Шестаков. — Если что с «Пронзительным» случится, мы все без головы останемся... А вы, товарищ Кленов, — в первую очередь. Так что учтите: под вашу ответственность...

— Есть! — вытянулся Кленов.

— Пока что усильте охрану...

— Есть!..

— Все свободны! — объявил Шестаков и пригласил Болдырева: — Задержитесь, пожалуйста, Андрей Васильевич, ненадолго — дело есть...

— Это если они клонут, — сказал Болдырев, — тогда все ясно: предатель — один из состава штаба. А если нет?..

— Если нет — еще лучше, — засмеялся Шестаков. — Они наверняка не захотят пренебречь такой возможностью — оставить нас без карт и приборов, а заодно узнать наш точный маршрут. Поэтому должны напасть на «Пронзительный» обязательно. А мы их там встретим достойно.

— А все-таки — если не клонут?

— Тогда значит, что предатель находится в числе тех пяти человек, которые з н а ю т, что операция с «Пронзительным» — ловушка.

— М-да-а... Бес их ведает... — Болдырев с сомнением потер потылицу. — Ведь эти сведения могут до них просто не дойти, а?

Шестаков отверг такое предположение.

— Исключаю! — сказал он решительно. — Человек, который имеет доступ к царюлю, к печати штаба и прочее — наверняка был среди нас...

И он кивнул на кабинет, в котором происходило заседание.

— Ну что ж, попробуем, — усмехнулся Болдырев. — Значит, вечером я обеспечиваю засаду.

— Только очень скрытно.

— Ну, Николай Павлович!..

Море было серо и неприветливо, хотя почти спокойно. Оставляя за собой белоснежные пенные усы, вдоль берега двигался небольшой паровой катер.

На борту его находились Шестаков, Неустроев, Болдырев, Щекутьев, еще несколько специалистов.

Завидев красные буи, расположившиеся на поверхности воды вытянутым равнобедренным треугольником, капитан катера скомандовал:

— Стоп, машина!

Суденышко медленно останавливалось, описывая плавную дугу вдоль буев.

— Вот здесь затонула «Печенга», — негромко пояснил Щекутьев. Он раскрыл планшет и показал собравшимся карту. — Дальше, по продолжению большей стороны треугольника через вершину, были затоплены «Лада» и «Восход»...

— А «Эклипс», «Альбатрос»?.. — спросил Неустроев.

— «Эклипс», «Альбатрос» и другие затоплены вдоль основания равнобедренного треугольника... Вот здесь отмечено на карте...

— А глубина тут большая? — Шестаков с трудом закурил на ветру папиросу.

— Вот промеры... — Щекутьев, придерживая рвущуюся из рук карту, показал отметки: — Восемь с полови-

ной саженой, ...восемь саженой... восемь с половиной... девять... девять с половиной... семь с половиной... девять... десять... В общем — от семи с половиной саженой до десяти, не больше.

— Значит, в пределах двадцати метров,— пояснил Шестаков Болдыреву.— Само по себе терпимо...

Болдырев поморщился от сильного порыва ветра, принесшего мелкие соленые брызги, тыльной стороной ладони он утер лицо:

— Холодна водичка, однако...

— Ничего, попробуем,— бодро сказал Шекутьев.— Ну как, Николай Павлович, решено?

— Решено-то решено... да неясно — сколько же водолазов потребуется, чтобы все это имело смысл...

— Водолазов, конечно, маловато,— согласился Шекутьев.— Но раз такое дело, подучим быстренько, добровольцы всегда найдутся.

— Условия уж больно тяжелые,— усомнился Шестаков.— Спускаться в легком водолажном костюме придется, а вода — ледяная. У ребят ни опыта, ни привычки...

— Да неужели ради похода не потерпят ребят? — с энтузиазмом возразил Шекутьев.— И не такое совершали, когда надо было. Ну, и... есть у меня еще предложение...

— Да?

— Не зря же мы с вами, Николай Павлович, курс наук морских превзошли! Помните уроки Савельича?.. Я лично собираюсь с новичками в паре спускаться.

— Это мысль! — подхватил Шестаков.— И я тоже. Да и другие командиры не откажутся.

Неустроев решительно вступил в разговор:

— Тряхну стариной, как говорится. Я ведь когда-то этим делом занимался всерьез!

— Ну-ну, Константин Петрович, не увлекайтесь, пожалуйста,— охладил его пыл Шестаков.— У вас свои, слишком сложные и ответственные задачи.

Неустроев спросил иронически:

— Боятесь, утону?

— Достаточно, если простудитесь,— улыбнулся Шестаков.

Буксир «Пронзительный» стоял у стенки дальнего заброшенного причала.

На причале было темно, пустынно. По палубе судна

медленно прохаживался часовой, покуривал самокрутку. Изредка он подходил к доскам, которые служили буксирному трапу, и задумчиво смотрел на берег.

Где-то вдали виднелись редкие слабые фонари плохо освещенного города.

Моря почти не было видно — тусклая белесая тьма скрывала его, и темно-серые волны угадывались лишь в легком равномерном плеске.

По воде бесшумно скользил большой баркас. Шестеро гребцов тихо и размеренно загребали длинными веслами воду. Еще несколько человек разместились на корме баркаса, среди них был и Чаплицкий.

Неясные силуэты палубных надстроек «Пронзительного»... За каждой из них стоят вооруженные люди. Напряженные, сосредоточенные лица... На баке, в тени рубки, укрылся Болдырев. Он внимательно, до боли в глазах, вглядывается в белесую дымку, растворившую морскую даль.

Вот показался нос баркаса, вот он Болдыреву уже виден весь — плавно перекачивается на длинной волне. Чекист, остро сощурившись, рассматривает причал — там по-прежнему никого нет.

Болдырев тихо крутанул деревянную трещотку. Раздался характерный скрип: раз, два, три — заранее оговоренный условный знак.

Часовой услышал сигнал и неторопливо побрел по палубе к сходням.

Баркас подошел к буксиру вплотную. Чаплицкий, стоя на корме, примерился и ловко забросил на судно веревочную петлю. Петля точно попала на кнехт, обвинила его.

Чаплицкий натянул канат. Один из сидевших в баркасе поднялся, ухватился левой рукой за канат. В правой руке его тускло поблескивал нож. Человек спрятал нож за пазуху, рывком подтянулся на канате.

Чаплицкий посадил его, и вот диверсант уже на палубе.

Точно так же на буксир забрался еще один человек, а за ним и Чаплицкий.

Все они поползли по-пластунски к той части палубы, где только что расхаживал часовой...

Не обнаружив его на месте, Чаплицкий удивился — интересно, почему часовой, вместо того чтобы оставаться на палубе, спустился по сходням на причал?..

Ему, конечно, было невдомек, что Болдырев, организуя засаду, предвидел: диверсанты в первую очередь постараются бесшумно «снять» часового.

И естественно, жертвовать человеком не хотел.

Но надо было знать и Чаплицкого: он подполз к самому ограждению палубы, достал из-за пазухи длинный десантный нож и, тщательно, хладнокровно прицелившись, метнул его в часового...

...И в то же мгновение раздалась заливиная трель боцманской дудки.

Два мощных прожектора с мачт «Пронзительного» осветили всю палубу, несколько прожекторов скрестили свои лучи на поверхности воды за бортом буксира со стороны моря.

Ослепленные гребцы судорожными неистовыми гребками принялись отгонять баркас от судна, но — тщетно: от соседней стенки отделились три шлюпки с военморами, за короткие секунды окружившими баркас.

Хлесткая пулеметная очередь, другая, винтовочные и револьверные выстрелы, на палубе — мгновенная рукопашная схватка.

И вот один из диверсантов убит на месте, другого скрутили матросы.

И лишь Чаплицкий, упруго бросив через борт свое сухое жилистое тело, каким-то непостижимым сальто-мортале преодолел пространство между судном и причалом, оказался на ногах и тут же нырнул в тень.

Болдырев, жмурясь от слепивших его прожекторов, выстрелил в направлении Чаплицкого раз, другой — напрасно: Чаплицкий, словно чувствуя направление выстрела, бежал неровными, неожиданными зигзагами.

Еще мгновение — и он скрылся между приземистыми пакгаузами... вот он уже приблизился к ограждению военно-морского порта... и увидел, что за сетчатой оградой патрулируют военморы.

Злобно оскалившись, Чаплицкий отступил в тень от бревчатого пакгауза.

Выждав немного, он ловко подтянулся на стрехе, быстро взобрался на крышу. Тесно прижавшись к печной трубе, терпеливо ждал...

Прошла группа патрульных, вдали показались еще несколько военморов... Вот идут навстречу двое вооруженных дружинников...

Чаплицкий терпеливо ждал.

Он дождался момента, когда патрульные встретились, перебросились несколькими словами, один дал другому закурить, и они снова разошлись, следуя своим направлением...

Через несколько мгновений Чаплицкий выпрямился: патрульные, охватившие, казалось, все ограждение порта, оставили на несколько секунд «мертвую зону»: и тем, и другим сейчас не виден был проход, так необходимый Чаплицкому.

Спружинив ноги, изогнувшись, словно кошка, Чаплицкий прыгнул с пакгауза через сетку, легко преодолев двухметровое пространство. Почти беззвучно приземлился «на четыре точки», и снова гигантский прыжок, на сей раз через дорогу, в начинавшуюся здесь узкую череду одноэтажных кирпичных домишек, во тьму.

Однако на беду Чаплицкого, расчет его не совсем оправдался: один из патрульных углядел-таки прыжок через дорогу, и на выходе из переулочка Чаплицкий услышал мерный топот бегущих матросов.

...Безумный бег по пустому городу, бесчисленные проулки, тупики и заборы, дворы, рвущееся на части сердце...

Но Чаплицкий не зря изучил топографию города, не зря знал его, как свои ладони, — он оторвался на минуту от преследования, и это помогло ему выбежать к знакомому дому, на котором еле виднелась табличка с названием улицы — «Шёлогінская»...

Дом, где жила Лена Неустроева.

Оглядевшись, Чаплицкий нырнул в подворотню напротив...

Плавное качалась белая ночь — долгий, светлый, серый сумрак...

Чаплицкий осторожно вышел из подворотни. Несколько раз оглянулся.

Убедившись, что никого нет, подбежал к окну, несколько раз постучал.

Тихо, шепотом, окликнул:

— Елена!..

В окне показался силуэт девушки. Она испуганно вглядывалась в сумерки белой ночи, в неясную стройную фигуру за окном.

Наконец узнала!..

— Здравствуйте, Лена!

— Петр?! Неужели это вы, Петр?

— Я. Что, не пожалело меня времечко? — с усмешкой спросил Чаплицкий.

Лена ответила грустно:

— Не в этом, наверное, дело. Просто я привыкла к тому, что вы всегда такой блестящий!..

Чаплицкий поцеловал ей руку:

— Леночка, я — как драгоценный камень. Подышите на меня, чуть согрейте — и я снова заблещу. Хотя мы все, вместе с Россией, и постарели на тысячу лет!

— Ну уж — на тысячу! — засмеялась наконец Лена. — Я только на пять. Хотя для женщины и это немало!

— Вы стали еще красивее, — искренне сказал Чаплицкий. — И одухотворенней...

— Это оттого, что я в основном питаюсь пищей духовной, — нервно улыбнулась Лена. — Вы не хотели бы попробовать, Петр?

Чаплицкий шутиливо поднял обе руки:

— Ни за что! Пища духовная, Леночка, — это закуска не для меня!

Лена уже без улыбки всмотрелась в него.

— А знаете, Петр, вы действительно постарели. И от этого в вас появилось что-то человеческое. Раньше я вас очень боялась...

Чаплицкий искренне удивился:

— Боялись? Но почему?!

Лена сказала откровенно:

— Вы всегда выглядели ужасно высокомерным. И невероятно умным.

— Ну, это ерунда. У глупых людей очень часто бывают умные лица. Это оттого, что им думать легко, — пожал

плечами Чаплицкий. — Значит, вы считаете, что я выглядел раньше высокомерным и умным... А сейчас?

Лена долго смотрела на него — тепло и сочувственно. Потом медленно сказала:

— Сейчас?.. В вас есть что-то потерянное... несчастное... Вы... извините меня, Петр, выглядите неудачником.

— Так-с, — прищурился Чаплицкий. — Понятно. Ведь всякий неудачник кажется женщине кретином.

Лена нервно переплела пальцы:

— Ах, Петр, ну зачем вы так? За эти годы я тоже изменилась. Теперь меня не так легко поставить в тупик вашими софизмами, как когда-то... Незапамятно давно... Когда я считалась вашей невестой...

— Вы еще помните об этом? — с тоской спросил Чаплицкий. — Мне показалось, что вы решили забыть свое прошлое, свою среду, свою отчизну. — И добавил глухо: — Свою память...

— Вам показалось? — мягко переспросила Лена. — И все потому, что я не бегая по ночам окровавленная, в грязи, с пистолетом за пазухой?

Чаплицкий молча кивнул.

Лена настойчиво сказала:

— Но разве в этом память прошлому?

— И в этом тоже! — упрямо сказал Чаплицкий и неожиданно устало добавил: — Но я вас, Леночка, ни в чем не укоряю. Я бы сам охотно забыл свое прошлое...

Лена подошла ближе, положила руку ему на плечо:

— Петя, может быть, не надо забывать прошлое? Может быть, надо обо всем подумать по-новому?

Чаплицкий покачал головой:

— Не-ет... Я ничего передумать не могу. Мои воспоминания — как матрешки. Они вынимаются одно из другого. И уводят меня слишком далеко.

Лена бросила взгляд на измученное лицо Чаплицкого:

— Петя, вы чаю хотите?

— С удовольствием, Леночка.

Лена зажгла керосинку, поставила на конфорку старый железный чайник. И вернулась к разговору:

— Так что же вас не устраивает, Петр?

Чаплицкий пристукнул кулаком по столу:

— Решительно все. Бросать Россию я не хочу, а жить с большевиками — не могу.

— Почему? Разве честного человека не может волновать их идея свободы, равенства и братства?

— Да вздор это! — злобно бросил он. — Вздор! Я не хочу братства с чукчами! И там, где торжествует принудительное равенство, — нет свободы!

Чаплицкий зашагал по комнате, горячно блестя глазами, быстро выкрикивая:

— А свобода напроць исключает равенство, поймите это, Леночка! Пока я свободен, я всегда буду сильнее, умнее и богаче любого из них!..

Они долго молчали, пока Лена не произнесла печально:

— Тогда вы обречены. Они вас уничтожат... И будут по-своему правы...

— Мне это очень горько слышать от вас, Лена, — прошептал Чаплицкий.

Лена сняла с керосинки закипевший чайник, налила гостю чаю. Он сел к столу, сделал несколько жадных глотков. Лена тихо сказала:

— Но это правда, Петя. Вы ослеплены ненавистью. Неужели вы верите в победу своего дела?

— Верю, — упрямо сказал Чаплицкий. — Хотя наши вожди — те, которые идейны, — безумны! А те, что умны, — безыдейны.

— Чего же вы хотите, Петр?

Чаплицкий снова встал, взволнованно прошелся по комнате, остановился против Лены, блестя глазами, неожиданно предложил:

— Лена, Леночка! Давайте уедем... через границу... Вместе!.. Я ведь так сильно... и так нежно любил вас... Я и там найду себе место... Мне одному больше невыносимо... Я так устал.

Лена покачала головой.

— Не хотите?.. А что же делать мне?.. Зря я к вам пришел, зря на вас обернулся...

Лена не поняла его:

— Почему, Петр?..

Чаплицкий тоскливо объяснил:

— Я как жена праведного Лота: обернулся на Содом, и вот — обращен в соляной столп...

Лена промолчала.

— Я видел вас несколько раз с этим комиссаром... Шестаковым, — резко сказал Чаплицкий. — Скажите мне прямо — это из-за него?

Лена неопределенно пожала плечами и снова ничего не ответила.

— Та-ак, та-ак... Понятно... понятно... — сбивчиво забормотал Чаплицкий. — Вот же у вас телефон, Елена... Позвоните, скажите ему... — Чаплицкий отошел к окну, сжатыми кулаками оперся на подоконник, разгоряченным лбом прижался к стеклу, шепча слова, как в бреду: — ...скажите ему, что у вас прячется враг Советской власти... белогвардеец Чаплицкий... ваш бывший жених...

Лена молчала.

— Ну, что же вы? — истерически выкрикнул Чаплицкий. — Они высоко оценят такую лояльность...

— Что вы несете, Чаплицкий? Слушать противно! — взорвалась Лена.

Чаплицкий круто повернулся к ней:

— Почему же? Новые времена, новая мораль — сын на отца, брат на брата. Идеи дороже живых людей! Невесты предают своих женихов!

Лена долго, неотрывно смотрела на него. Потом разлепила пересохшие губы:

— Мне сейчас очень больно, Петр... Я вас тоже любила когда-то... — И добавила с мучкой: — А вы... Вы горестный и кровавый шут...

Контрразведчик издевательски развел руками:

— Мы все шуты... на подмостках времен!

Лена взяла себя в руки. Показала Чаплицкому лесенку, ведущую на второй этаж:

— Приведите себя в порядок, умойтесь и ложитесь спать. Я постелю вам сейчас... — И так как Чаплицкий молчал, добавила непреклонно: — А утром уходите. Я больше не хочу вас видеть.

Чаплицкий поднял на нее потухшие глаза:

— Я не стану злоупотреблять вашим гостеприимством. Через полчаса смена патрулей, и я уйду...

Лена не ответила.

Чаплицкий сказал горько:

— Но если вы сообщите Шестакову, что я был здесь, они поймают меня и убьют.

Он подошел к ней вплотную и с гримасой боли и ненависти добавил:

— Прекрасный сюжет: советская Джульетта сдает Тибальду из Чека своего Ромео! Прощайте!..

Лена со слезами на глазах бросилась вон из комнаты. Чаплицкий крикнул ей вслед:

— И запомните: моя кровь падет на вас! Запомните это! Падет на вас!..

Шестаков и Болдырев направились в Чека.

По дороге Болдырев говорил недовольно:

— Ну, и чего мы достигли? Только парня хорошего в лазарет уложили. Да еще двое раненых... И пальбу на весь город подняли.

Шестаков с ним не согласился.

— Это ты не прав, дорогой мой,— говорил он снисходительно.— Конечно, ребят жалко, что тут говорить. Да ведь и сам знаешь, как народ говорит: «Пошел на войну по голову чужу и свою захвати!» Как-никак шестерых бандитов мы положили?

Болдырев угрюмо кивает.

— Да двоих взяли...— продолжает довольно Шестаков.— Это раз... Во-вторых, убедились категорически, что в штабе засел предатель.

— А то раньше не знали, что он засел, предатель-то,— пробурчал Болдырев.

— Раньше мы предполагали, а теперь точно знаем. И мы его обязательно найдем.

— Найдем,— спокойно согласился Болдырев.— Куда он от нас денется...

Шестаков размышлял дальше:

— Тут что еще важно: теперь, после засады на «Пронзительном», враг знает, что мы его игру разгадали.

Нахмуренное лицо Болдырева немного разгладилось.

— Это факт,— сказал он довольно.— Теперь небось поостерегутся хватать любые слухи — вдруг снова ловушка? И вообще, когда враг опаску имеет, у него возможности вредить меньше. А то обнаглели...

Они вошли в помещение городского Чека, расположившееся в небольшой каменной усадьбе за глухим забором, бывшем имении купца Малодворова.

В одной из комнат русский вихрастый чекист лет девятнадцати настырно допрашивал диверсанта, который первый влез на борт «Пронзительного».

Арестованный был спокоен, развалившись в очень свободной позе на стуле, он развязно отвечал на хитрые вопросы следователя.

Чекист, видимо не очень довольный результатами своего расследования, с обидой доложил Болдыреву:

— Вот, полюбуйте, Андрей Васильевич: клянется-божится, что ничего про организаторов злодейского покушения на буксир «Пронзительный» якобы не знает...

— Даже как главаря звать?...— сощурился на развязного диверсанта Болдырев.

Диверсант словоохотливо ответил:

— Звать-то знаю как, да что толку... Что мне с его званию — навар-то какой... Мне небось в зятя к нему не собираться...

— Так как его звать? — перебил Болдырев.

— Лександром звать его, головоря-то нашего, Лександром. И боле ничего про него не знаю. Да мне-то зачем? Лександр — и ладно. Лишь бы в дело взял, да опосля долей не обидел, да работой доволен был бы...

Болдырев спросил терпеливо:

— Одет-то он как, «головарь» ваш?

Арестованный ответил неожиданно:

— Я так мыслю, гражданин командир, соображаю, значит,— военный он.

— Ага, ясно. А ты кто — тоже военный? — заинтересовался Болдырев.— Офицер небось?

— Да что ты, командир! — заухмылялся арестованный.— Скажешь тоже! Мы люди вольные, веселым ремеслом промышляем. Из урока мы... из фартовых, значит.

Болдырев резко скомандовал:

— Ну-ка, лапы на стол!

Диверсант послушно выложил на стол руки — довольно грязные, с черной каймой под ногтями. Были, однако, эти верхние его конечности гладкие, узкие, не утомленные, не разбитые тяжелой работой.

Болдырев присвистнул:

— Барские ручки-то! Ишь, нежные, как у бабы...

— А то! — охотно подхватил арестованный.— В нашей фамилии даже дедушка, царствие ему, варнаку, небесное, тачкой рук не поганил. А батяня тем более — знатный майданщик был. Так что, гражданин командир, мне сам бог велел промышлять по фартовой линии...

В его болтовню вмешался Шестаков:

— Где и когда вы с ним договаривались?

— С кем? — искренне недопонял уголовник.— Это, значит, с батяней, что ль?

— Ты мне вола не крути! — сердито сказал Шестаков. — Ну, с этим вот... с «Лександром».

— А-а!.. Дык я уже начальнику... — арестованный повел светлым пустым взглядом в сторону следователя, — докладывал: сошлись мы в пивном заведении братцев Муратовых...

— Это еще что за заведение? — спросил Шестаков.

— Столовая номер три в городе, по-нынешнему, — пояснил Болдырев.

— Так точно, — подтвердил уголовник. — Было это под вечер в субботу, как сейчас помню, недели три тому... Федор Муратов говорит: иди, мол, вон к тому столику, тобою человек хороший интересуется...

Болдырев спросил:

— Как он вам объяснил цель нападения?

Арестованный ответил не задумываясь:

— Тогда он ничего не объяснял. Дам, говорит, дело доброе, и ладно...

— А когда же?..

— То позавчера. Встрелились мы, он говорит, что денежный ящик для хлебного похода привезли. Схоронили, говорит, его на «Пронзительном». Ежели, сказал, лапшу не провешаем, то по хорошему кушу возьмем, денег там много. Всем, мол, хватит. А галошу эту на дно пустим — и концы в воду. Это уж как есть, точно... — И уголовник радостно захохотал, весьма довольный своей шуткой.

Болдырев взял со стола папку с делом, незаметно подмигнул следователю и позвал Шестакова:

— Пошли ко мне...

В своем небольшом кабинете Болдырев перелистал папку, бегло просмотрел протоколы допросов арестованных.

Несколько листов, исписанных корявым почерком, вынул из папки, протянул Шестакову.

— Остальное все шваль, уголовная шушера... — пробормотал чекист. — И главное — никто про него ничего не знает.

— Муратова надо допросить, — сказал Шестаков. — Он, наверное, кое-что знает.

— Может, и знает, да не скажет, — зло сказал Бол-

дырев. — Мы к ним давно присматриваемся, к братьям этим, но и сажать смысла нет: их трактир для нас — как рыбный садок. Мы там уже немало всякой рыбки выловили...

— Понятно...

Болдырев снова раскрыл дело, лениво полистал его, перечитал какой-то протокол. Потом взял в руки женский фотоснимок, повертел его так и сяк, хотел положить обратно в папку. Но его заметил Шестаков. Он отложил протоколы допросов в сторону, заинтересовался:

— Ну-ка, ну-ка, покажи!

В руках Болдырева было фото Лены Неустроевой.

Скрывая волнение, Шестаков спросил:

— Это откуда здесь?

— Главарь их обронил... — как-то неохотно ответил Болдырев. — Когда через ограду порта прыгал... Патрули потом обнаружили...

— А кто такая? Ты ее не знаешь?

— Понятия не имею...

Шестаков долго, напряженно смотрел на фото. Наконец, будто через силу, спросил:

— А где его след потеряли, главаря?

Болдырев посмотрел на Шестакова с удивлением:

— На Шелогинской. А что?

— Да так, ничего... Так-так-так... — задумчиво бормотал Шестаков.

В конце концов он, по-видимому, пришел к какой-то догадке.

— Слушай, Андрей Васильевич, — сказал он вдруг. — Дай-ка мне эту карточку на денек...

Болдырев усмехнулся:

— Что, понравилась? Или знакомая?

Шестаков смотрел мимо него в окно:

— Понравилась... Очень понравилась... — и спрятал фотокарточку в карман.

Спустя несколько минут он был на Шелогинской. Вот и дом Неустроевых.

Лена открыла ему дверь, с радостной улыбкой потянулась навстречу — хотела обнять, но Шестаков мягко отстранил ее:

— Лена, я не люблю хитрить. И не умею... Я ведь всегда говорил тебе правду, так?

С удивлением взметнулись темные густые брови:

— Так. Но...

— И ты мне должна... просто ты обязана... обязана сказать мне...

— Но я никогда не давала тебе оснований подозревать меня во лжи... — сказала Лена обиженно, с достоинством.

— Поэтому я и спрашиваю тебя напрямик...

Шестаков полез во внутренний карман пиджака. Протянул ей фотографию:

— Кому ты дарила этот снимок?

Лицо ее разом побелело. Карточки не взяла, отвернулась, отошла к окну. Долго смотрела на улицу, потом очень медленно, глухо спросила:

— Николай, а ты вправе задавать мне такие вопросы?

Шестаков сказал с волнением:

— Да, вправе! Я никогда не задавал тебе ни одного вопроса, который касался бы твоей прежней жизни. Все, что ты хотела мне рассказать, было для меня достаточным...

Не оборачиваясь, так же глухо, надтреснутым голосом Лена спросила:

— Тогда почему же сейчас...

Мучительно запинаясь, Шестаков перебил:

— Потому что сейчас это касается не только меня... И дело не только в моих чувствах...

Лена резко повернулась к нему:

— Почему? Почему моя старая фотография касается кого-то, кроме меня?!

Шестаков мгновение молчал, потом тихо, с горечью произнес:

— Потому что я взял эту фотографию в Чека. А потерял ее наш враг. Бандит и убийца...

Лена в испуге зажала ладонью рот:

— Господи! Господи! Почему нет дня покоя и тишины? Господи, у меня нет сил для всего этого...

Шестаков спросил требовательно:

— Лена, я прошу тебя... скажи — кому ты дарила это фото?

Лена отрицательно покачала головой.

Шестаков подошел к ней вплотную, выдохнул:

— Чаплицкому?!

Лена смотрела прямо перед собой. На виске ее, под прядкой волос, выбившихся из-под пучка, пульсировала нежная голубая жилка.

Шестакова залила волна гнева и возмущения.

— Лена! Лена! Он здесь? — кричал он. — Чаплицкий в Архангельске?!

Лена молчала. Из глаз ее выкатились две слезинки, потом побежали другие, быстрее, все быстрее, заливая лицо. Тело ее сотрясилось от страшного внутреннего напряжения в молчаливой истерике.

Шестаков смотрел на нее в задумчивости и вдруг растерянно вымолвил:

— Значит, ты с самого начала знала, что он здесь?..

Он поразился собственной мысли. Кровь молотом застучала в висках, и он в отчаянии ударил себя кулаками по голове:

— Ах, я болван! Ведь он бывал здесь! Он ночевал у тебя, пока мы искали его по всему городу!.. Ты все время дурачила меня!..

— Неправда! — взорвалась Лена пронзительным криком. — Коля, это неправда! Он был здесь один-единственный раз! Полчаса!..

Шестаков сверлил ее гневным недоверчивым взглядом.

Лена говорила, и голос ее рвался от волнения и искренности:

— Коля, я ведь не умею врать... Но пойми — я и предавать не умею!.. Никого... Никогда... Я никого не дурачила!

Шестаков не отводил от нее тяжелого взгляда.

И Лена сказала тихо:

— Я никого не дурачила. Я одурачила себя... Я устала от вас... Белые! Красные!.. Все ненавидят друг друга... Как звери, охотятся друг на друга... Я не революционерка... И не белогвардейка!.. — и закончила почти шепотом: — Я хочу покоя...

— Ты хочешь покоя? — с яростью повторил Шестаков. — А я — не хочу покоя? А все эти истерзанные голодные люди — не хотят покоя?..

Лена не отвечала, и Шестаков продолжал беспощадно:

— Те, кого здесь твой Чаплицкий мучил, порол и вешал, они — не хотели покоя?! Ты спасла жизнь убийце... Душегубу...

Он встал и неуверенно, слепо, ударившись плечом о дверной косяк, вышел из комнаты.

Лена упала на кровать.

Плакала горько, обессиленно, как маленькая обиженная девочка.

На следующий день приступили к подъему угля с затопленных белогвардейцами кораблей.

С первого же спуска работа пошла полным ходом — все были расставлены по своим местам, заранее было подготовлено все снаряжение.

Матрос первой статьи Федор Гарковец, прошедший водолазную школу на Балтике еще в пятнадцатом году, спустился под воду первым. За ним последовали товарищи.

Они медленно прошли вдоль высокого борта морского судна, покоившегося на дне. Водоросли уже опутали его, к обшивке пристали ракушки. Над клюзом виднелись медные буквы: «АЛЬБАТРОСЪ»...

...А наверху, на легкой волне, покачивался водолазный бот. Невдалеке виднелся еще один, за ним — третий, рядом — застопоренные буксиры, баржи.

На палубах ботов царила рабочая водолазная обстановка: мерно пыхтели воздушные помпы, дежурные матросы под присмотром Шестакова потравливали шланги...

...Федор Гарковец, а за ним и остальные водолазы поднялись на палубу «Альбатроса», потом обследовали внутренние помещения, наконец спустились в кочегарку судна...

В кочегарке расположились цепью, пользуясь слабым освещением, проникавшим через воздушный люк. И принялись за работу.

Федор стал около бункера. По очереди со своим земляком Иваном Зирковенко он нагребал совковой лопатой уголь из бункера в корзину, плетенную из прутьев. Потом они плавно волокли ее, отмахиваясь от какой-то слишком любознательной рыбы, к металлическому сварному коробу, поставленному около загрузочной шахты.

Осторожно высыпали — а вернее сказать, выливали — черную густую массу в ящик, отчего вода вокруг на несколько секунд становилась непроглядно-черной, дергали сигнальный фал...

А на поверхности ошвартовались буксир и баржа.

К стреле грузового крана подтянулся, вынырнув из воды, короб с углем. Кран повернулся, навесил короб над баржей, дежурный такелажник опрокинул его над трюмом.

Сыплется уголь, льется черная вода...

Работает лебедка на водолазном боте, наматывает на вал бесконечный трос, и вот из воды показались один за другим матросы в легких водолазных костюмах — с фантастическими шлемами и толстенными свинцовыми подошвами.

На ботах, не дожидаясь, пока освободятся от шлемов поднятые водолазы, готовились к спуску следующие. А водолазы, отработавшие вахту, сняв с помощью товарищей шлемы и тяжелые ботинки, без сил валились на матрасы.

Иван Зирковенко, непривычный к тяжелой водолазной жизни, потерял сознание, и Федор Гарковец принялся изо всех сил растирать товарища шерстяной варежкой, чтобы восстановить кровообращение.

Да и другие водолазы почти без памяти. У них посиневшие, изнуренные лица...

А кран на буксире поднимал очередной короб с углем...

Новоиспеченный капитан белогвардейской армии Миллера, бывший прапорщик Севрюков, с трудом разыскав в деловой части Лондона контору «Закупсбыта», вошел в приемную.

Вошел скромно; увидев у стола Кушакова посетителей, тихо стал в сторонке.

Кушаков, заканчивая разговор, сказал двум пожилым коммерсантам:

— Мы благодарим вас за сотрудничество и просим незамедлительно сообщать нам о ходе переговоров по поводу сделок на контрактации, о фрахте... ну и обо всем остальном, что имеет для нас существенное значение...

Посетители поднялись, раскланялись с Кушаковым, направились к выходу.

Севрюков с предупредительным поклоном распахнул перед ними дверь, выпустил из конторы.

А потом вывесил на стеклянной двери табличку с лако-
ничной надписью «ЗАКРЫТО».

Кушаков посмотрел на него с огромным удивлением.

— В чем дело, милостивый государь?

Севрюков деловито задвинул щеколдочку замка и по-
вернулся к Кушакову:

— Ну-с, кто здесь будет за старшего?

Четыре клерка и две машинистки с недоумением и
тревогой смотрели на незваного гостя.

Кушаков сказал весьма сухо:

— Я уполномоченный распорядитель фирмы «Закуп-
сбыт Лимитед», милостивый государь. С кем, простите,
имею честь разговаривать?

У дверей стоял стул. Закинув ногу на ногу, Севрюков
уселся на него.

В галошах, тесной пиджачной паре, в мятом черном
котелке, со своим черно-красным шелушащимся обморо-
женным лицом он имел вид одновременно нелепый и
зловещий.

Полузакрыв глаза, бывший прапорщик сказал мед-
ленно:

— Ты имеешь честь разговаривать, свинская морда,
с офицером и патриотом Родины, которую ты, сукин сын,
продал...

У Кушакова на мгновение отнялась речь.

— Да... да... вы... пьяны! Вы... хулиган!.. Я... сейчас...
полицию!..— наконец прорвало его.— Я немедленно...
вызываю полицию... Да как вы посмели!..

Вскочили с мест, взволнованно загудели служащие.
Послышались возмущенные возгласы.

Севрюков встал, неторопливо подошел к Кушакову,
поставил ногу на стул, снял галошу и неуловимо-резким
движением хрястнул по лицу коммерсанта своим мокрым,
измызганным рубчатым резиновым ступарем.

И на красивом седоусом лице Кушакова сразу же при-
сохла громадная кроваво-грязная печать боли и унижения.

А Севрюков бросил галошу на пол, аккуратно, помогая
себе пальцем, обул ее.

Плюнул и сказал спокойно:

— Вот как я смею...

И контору залила тишина ужаса насилия, ощущение
нежданно пришедшей беды.

Севрюков скомандовал:

— Всем стать к стенке!..

И как только один из пожилых клерков замешкался, сильно пихнул его в спину стволом маузера, который мгновенно появился у него в руках.

Когда служащие выстроились в ряд вдоль стены, Севрюков сказал:

— Теперь слушайте и повторяйте за мной хором... И не приведи вас господь ослушаться меня...— Он прицелился в грудь Кушакова, по лицу которого все еще текла медленная густая кровь.— Повторяйте: «Мы, продажные твари, служим большевикам и изменникам...»

Вразброд, еле слышно, служащие начали повторять за Севрюковым:

— ...Мы думали, что спрячемся здесь от возмездия...»

Машинистка, тоненькая кудрявая брюнетка, поджав губы, молчала.

Севрюков подошел к ней, стволом маузера приподнял ей подбородок:

— А вы, мисс задрипанная, почему не каетесь? А-а?

Большие глаза девушки наполнились слезами, задрожали губы.

— Мы свободные люди...— сказала она срывающимся голосом.— Вы не заставите меня... Здесь — Англия...

Севрюков засмеялся:

— А вы, англичаночка, не из Бердичева, часом? У-ух, сколько я там вашего брата...

Слезы бежали двумя прозрачными дорожками по ее щекам, но она нашла в себе силы крикнуть:

— Вы бандит!.. И погромщик!..

Севрюков с искренним интересом посмотрел на нее, нехорошо ухмыльнулся и сказал остальным:

— Слушайте, вонючки! Если вам шкура дорога, забудьте дорогу к красным. Иначе всем вам — шанец!

Он прошелся вдоль ряда перепуганных служащих, выразительно покачивая маузером. Сказал издевательски:

— Вот девчущечка — она у вас принципиальная... А я принцип уважаю...

Севрюков резко повернулся к девушке-машинистке и выстрелил ей в живот. В упор.

Не вскрикнув, девушка сползла на пол. Холодная волна ужаса поглотила всех. А Севрюков хрипло крикнул:

— Все поняли?! До новых встреч!..

И вышел.

Кушаков бросился к девушке:

Врача!.. Полицию!..

Чаплицкий с одним из новоявленных своих помощников, поручиком Всеволодом Литовцевым, шел по Солодовнической улице в сторону порта.

Литовцев, незаметно и ловко осматриваясь, рассказывал:

Броненосец этот, «Чесму», решили разоружить. Ну и заодно, конечно, снять с него мазут...

— Еще бы! — кивнул Чаплицкий.— Миноносцы в Мурманске без топлива стоят.

Литовцев продолжал:

— За мазутом прислали наливной лихтер... Тьфу, черт, забыл, как называется...

Чаплицкий подсказал:

— «Енисей», что ли? Или, может быть, «Труд»?

— О, точно: «Труд»! Мазут, значит, перекачали к нему в баки. Завтра он должен отправиться в Мурманск, снабжать топливом миноносцы.

— А сколько мазута?

— Четыре, не то пять тысяч пудов.

Чаплицкий спросил весело:

— И что, хорошо горит?

— Еще как!

— А не взорвется, в случае чего?..

— Не-ет... Наш друг сказал: сунуть факел с керосином и все в порядке. Ну, а если, говорит, кто-нибудь из водолазов останется на дне, в суматохе-то... Что ж, другим туда лазить неповадно будет!

Разговор продолжали в трактире.

Прихлебывая жидкое пиво, Литовцев объяснял:

— В два часа ночи начнется подъем воды... От речного бара. И сильный ветер к морю. Если все это хозяйство пустить по ветру — моментально придет к ботам. Дальше все ясно, как по чертежу.

Чаплицкий недоверчиво наморщил лоб:

— А если ветра не будет?

Литовцев засмеялся:

— Он предупредил: ветер здесь не менялся с начала мироздания. Так, мол, и в лоции сказано...

— Ну, разве что с начала мироздания,— согласился Чаплицкий.— А карта?

Литовцев похлопал себя по нагрудному карману:

— У меня. Он там все разметил.

Чаплицкий аппетитно уписывал вареную картошку с конопляным маслом. Закончив есть, коротко сказал:

— Ясно. Возьмешь с собой «деда».

— Есть, Петр Сигизмундович.

— Установлено, что в городе безнаказанно действует исключительно хитрый и опасный белогвардейский волк — Петр Сигизмундович Чаплицкий,— докладывал на узком совещании Чека Болдырев.— Чаплицкий — бывший капитан первого ранга, контрразведчик, негодяй большого масштаба. Руки его обгарены кровью революционного народа. Достаточно привести некоторые факты: еще в марте двадцатого года он раскрыл в Архангельске военную подпольную организацию, которая действовала среди солдат местного гарнизона. Большая группа подпольщиков была арестована, судима и расстреляна...

— И группа Тесанова...— сказал помощник Болдырева.

— Да, это тоже по его прямой вине,— подтвердил Болдырев.— Они раскрыли подпольную городскую организацию коммунистов во главе с Тесановым при помощи провокатора. Руководители организации — большевики Тесанов, Закемовский, Близнина и другие — были казнены... Так что пора активизироваться, товарищи, кончать с ним надо.

Медленно покачивался на пологой волне лихтер «Труд». Была поздняя ночь, и вся команда спала.

Только на верхней палубе прохаживался вдоль борта молодой вахтенный. Прошел неторопливо на корму, закурил, и неяркий огонек зажигалки выхватил из непроглядной тьмы юное, безусое еще лицо...

Облокотившись о поручень около ящика с песком, вахтенный всматривался в море: водолазы неподалеку работали круглосуточно.

...А со стороны судоремонтного завода быстро шла к лихтеру небольшая лодка. В ней сидели двое — Всеволод Литовцев и пожилой широкоплечий мужчина в зюйд-вестке.

Шли они на веслах, лопасти которых были обмотаны мешковиной — чтобы не слышался плеск воды. Уключины были густо смазаны тавотом — чтобы не скрипели.

Лодка постепенно приближалась к лихтеру. Пожилой внимательно следил за растущим силуэтом судна.

Заметив вспышку зажигалки, прошептал:

— Закурил, служивый... Значит, на баке останется, пока не докурит...

— Это хорошо,— подмигнул Литовцев.

Они неслышно подошли вплотную к судну, и Литовцев с одного раза забросил веревочную лестницу на трубопровод, идущий вдоль борта.

Еще раз вслушавшись, он поднялся к несложному сливному устройству, врезанному в трубопровод.

Вот и запорный вентиль, напоминающий большое рулевое колесо.

Литовцев с силой раскрутил вентиль, и из широкого жерла трубы потекла густая черная жидкость. Сначала ручейком, но вскоре мазут уже хлестал вовсю, взбивая на поверхности воды черную пенную шапку.

Пожилой мужчина скомкал газету и бросил ее в воду. Сильный порыв ветра подхватил бумажный ком, быстро понес его в сторону водолазных ботов.

Пожилой удовлетворенно ухмыльнулся.

Крепко, в последний раз затянувшись, вахтенный прислушался: кроме привычного плеска волн и свиста ветра возник новый звук. Вахтенный еще не знал, что это шум мазутной струи, выпускаемой в море диверсантами. Загасив окурок в бачке с песком, вахтенный по-прежнему неторопливо направился в ту сторону, где находился вентиль.

Литовцев следил за ним из-за переборки.

Вахтенный подошел к борту, снова прислушался, перегнулся через поручень, стараясь разглядеть вентиль.

И в этот миг Литовцев нанес ему сильный удар в лицо.

Успев немного отклониться, матрос схватился обеими руками за голову Литовцева, потянул поручика на себя...

После недолгой борьбы Литовцеву удалось стащить вахтенного с палубы, но, не удержавшись, он вместе с ним упал в воду.

Через секунду они оба вынырнули. Лицо парня было окровавлено, но он крепко держал Литовцева поперек корпуса. И силился крикнуть, но поручик все время зажимал ему рот ладонью.

Спустя мгновение они снова погрузились под воду вернее, под толстый слой покрывшего ее мазута.

Снова вынырнули, сплетаясь в последней смертельной схватке.

Пожилой диверсант, которого Чаплицкий назвал в разговоре с Литовцевым «дедом», беспокойно осматривался, он явно боялся, что кто-нибудь с судна заметит происходящее.

Наконец, махнув рукой, он взял заранее приготовленные факелы из пакли, полил из бадейки керосином и подогнал лодку к самой кромке мазутного пятна.

Последний раз осмотрелся, поджег факелы — один, другой, третий — и начал опускать их, тихо передвигаясь на лодке, в густой мазут.

От берега он был пока что скрыт бортом лихтера.

Бегущее пламя, мгновенно охватившее факелы, легко перебросилось на поверхность мазута.

Вспыхнуло море.

Огонь охватил невысокие пологие волны и вновь вынырнувших на поверхность Литовцева и молодого вахтенного матроса. Лица их были залиты кровью, испачканы мазутом, искажены страданием.

Литовцев выплюнул изо рта воду с мазутом, истошно закричал, замахал «деду» рукой, но тот, не обращая на него внимания, развернул лодку...

Ветер, ветер...

Он гнал пламенную волну, возникшую, словно по волшебству, и растущую с каждым мигом, прямо на водолазные боты.

А диверсант, отплыв на веслах несколько саженей в противоположную сторону, снова оглянулся и увидел вахтенного; тот вынырнул, на сей раз уже один — Литовцева над водой не было.

«Дед» перекрестился, завел небольшой мотор и нырнул во тьму, которая рядом с оранжево-дымным пылающим морем стала еще чернее и гуще.

...Огненную реку увидели на первом водолажном боте. Раздался крик: «Полундра!», люди бросились к подветренному борту.

Несколько секунд водолазы в растерянности смотрели на волну пламени, прервав работу. Только подводники, стоявшие на воздушной помпе, продолжали мерно качать воздух для своих товарищей, работавших под водой.

— Что за диво? — изумленно спросил Иван Зирковенко, ни к кому, впрочем, прямо не обращаясь.

Усатый пожилой боцман Говорухин, прошедший на своем веку три крупных кампании, внимательно всмотревшись в пламя, сказал хмуро:

— Оно тебе сейчас покажет... «диво»!.. Это нефть горит... Либо мазут.

На палубе появился Щекутьев. В одно мгновение он оценил обстановку.

— Да-а, что-то в этом роде... — подтвердил он мнение боцмана. — Я такое уже видел однажды... в Сиднее... Страшная штука: ветер-то на нас гонит!

Боцман Говорухин предложил:

— Уходить надо, Сергей Сергеевич!

— А они? — Щекутьев выразительно кивнул на воду, в глубине которой работали водолазы. — На подъем минут пятнадцать уйдет... — И тут же скомандовал: — Пахомов, Сапегин! Срочный подъем водолазов! Сигнальте водолазам аварийный подъем!

Матросы несколько раз подергали подъемный водолазный трос, передавая тем, кто под водой, условный сигнал, затем быстро и деловито наладили лебедку для подъема. Включили мотор. Трос зазмеился из воды, начал медленно наматываться на вал лебедки...

...Медленно-медленно — а быстрее нельзя, человек не выдерживает быстрого подъема с глубины — поднимались водолазы Федор Гарковец и Василий Косов, и вот корпус затонувшего судна уже под ними...

Щекутьев командовал на палубе бота:

— Быстро, быстро, орлы! Не паниковать! Ведра готовьте, багры, топоры... Синилов, не вижу дела! Что там с пожарной помпой?

— Не качает, Сергей Сергеевич... — растерянно отозвался молодой матрос.

— Да ты что, с ума сошел? — остервенело закричал ему Щекутьев. — Голову оторву!..

Синилов в полном недоумении развел руками:

— Вчера проверял — работала, как из пушки... А нынче поршня клинят!

Щекутьев бросился к помпе, принялся отвинчивать крышку воздушного механизма.

Матросы выстроились тем временем на подветренном борту, готовые встретить пламя, — с баграми, топорами, ведрами на веревках и прочим нехитрым противопожарным снаряжением. Кто-то заранее наливал в бадью забортную воду.

А водолазы поднимались — уже близилась поверхность моря. Гарковец, по-прежнему не ведая о случившемся, с изумлением смотрел на багровое зарево над своей головой — такой картины ему видеть еще не приходилось!

...Пламя уже подступило плотной стеной к борту судна.

Щекутьев, чертыхаясь, все еще возился с помпой, а подводники дружно отражали натиск огня, обливая палубу и борта бота забортной водой...

Торопливо качали воздух водолазам, мерно чавкал насос, по резиновому шлангу от каждого качка, словно конвульсия, пробегала воздушная волна...

Шланг перевешивался через борт водолазного бота, уходил под воду, к водолазам. Никто в суматохе не видел, как откуда-то сверху пролетел пожарный топорик, воткнулся в палубу, одновременно перерубив шланг, почти на всю толщину его. Из шланга с шипением, со свистом рванулся воздух...

Иван Зирковенко, стоявший на помпе, первым заметил, что ход поршня стал необычайно легким. Передав рукоятку другому матросу, он побежал вдоль шланга. Вот и топорик, воткнувшийся в резиновую кишку — Иван все понял. Истошно заорал:

— Полундра, ребята! Обрыв шланга!..

Щекутьев подбежал к месту аварии, отдал команду:

— Эй, на лебедке! Аварийный подъем!..

Лебедка начала вращаться с бешеной скоростью.

Багровое зарево над поднимавшимися водолазами приближалось — поверхность была уже рядом. И вдруг Гарковец увидел, что его товарищ извивается в воде, судорожно размахивает руками и ногами.

Водолаз понял, что произошла какая-то катастрофа, но помочь Васе Косову он был не в силах — ведь во время подъема водолаз никакой самостоятельности не имеет... Он лишь принялся дергать сигнальный фал, чтобы дать знать товарищам наверху, что под водою неладно.

Прошло еще несколько мучительно долгих секунд, и шлем Федора Гарковца показался над пламенной волной. И хотя вытянули его очень быстро, пламя успело охватить водолаза.

Матросы и к этому подготовились: Гарковца сразу же закутали в несколько мокрых одеял и сбили пламя... Одно-временно стащили с него шлем...

Вот и второй водолаз, Василий Косов, на палубе... Он был без сознания, синие губы закусены. Подводники, не теряя ни секунды, начали делать ему искусственное дыхание... Наконец, слабо затрепетали веки, вырвался первый вздох...

Можно уходить от огня!

Щекутьев коротко приказал:

— Полный вперед!

Через несколько мгновений из трубы водолазного бота рванулся густой столб дыма, мерно зарокотал двигатель, и судно рванулось вон из огненной купели — вперед, к спасительно-чистой кромке моря, где уже маячили буксир и плавучий кран: они-то ушли на чистую воду сразу же, как возник пожар — им ведь не надо было ждать подъема водолазов!

Развевался дым над длинными тонкими трубами и двух других водолазных ботов: вместе со своими буксирами они резво бежали по огненному морю, оставляя за собой черный дымный след.

Миллер вышел в приемную, где его ожидал посетитель. При появлении генерала посетитель — высокий сухопарый англичанин с резким энергичным лицом — поднялся, пошел ему навстречу, коротко представился:

— Господин генерал, я инспектор Скотланд-Ярда лейтенант Флорид Каммингс...

Миллер церемонно поклонился:

— Очень приятно. Чему обязан?

Инспектор сухо, будто на бухгалтерских счетах, сказал-отщелкал:

— Отправляясь к вам, господин генерал, я имел беседу с комиссаром уголовной полиции города Лондона мистером Сондерсом. Господин комиссар уполномочил меня заявить, что поведение ваших людей в Лондоне более не терпимо!

Оцепенев от бестактной полицейской формулировки, Миллер еле выдавил из себя:

— Кого вы имеете в виду, говоря о «моих людях»?

— Сэр, я не намерен праздно препираться с вами. Под «вашими людьми» я имею в виду ваших людей, и точка, — глядя на Миллера беспощадными глазами, отчеканил Каммингс.

— Мистер Каммингс, вы забываете, что я — представитель великой державы... — начал, задышавшись от гнева, Миллер. — Министерство иностранных дел...

— Господин генерал, — не затрудняя себя особой вежливостью, перебил полицейский, — мы, полицейские, не занимаемся политикой. Должен констатировать, что белые офицеры ведут себя здесь, как дикари, хотя, может быть, в этом виноваты большевики. Должен вас огорчить, но ничего подобного я не могу сказать про русских, которые служат в советских миссиях, учреждениях и делегациях!

Миллер сказал почти жалобно:

— Но в чем ваши претензии, господин инспектор?

— Мы долго терпели всякие безобразия со стороны ваших эмигрантов и старались ничего не замечать, пока они ограничивались незаконными махинациями, торговлей своими женами и дочерьми, воровством, мошенничеством, валютными спекуляциями, мелким разбоем и организованными хищениями, — невозмутимо перечислил Каммингс.

— А что же еще? — пролепетал Миллер.

Инспектор сказал насмешливо:

— Вчера они пошли гораздо дальше. Один из ваших людей совершил налет на контору «Закупсбыт Лимитед» и застрелил молодую женщину, дочь видного эмигрантского деятеля, профессора Яблочкина...

Миллер побагровел:

— Я протестую! Как вы смеете утверждать, что это был один из моих людей?!

Полицейский и бровью не повел.

— Господин генерал, я должен вас предупредить, что,

согласно законам Великобритании, все, сказанное вами сейчас, на суде может быть использовано против вас! Поймите, сэр, я говорю с вами в настоящий момент неофициально... И советую вам оставить протесты при себе.

— Но что же делать?

Англичанин пожал плечами:

— Надо сказать: «Не знаю». Иначе, когда мы его найдем, ваше дело будет совсем плохо...

— Но я действительно ничего не знаю! — испуганно, растерянно пробормотал Миллер.

Инспектор Каммингс посмотрел на него оценивающим взглядом старого сыщика и усмехнулся:

— Мы не знаем пока его имени и не знаем, где он скрывается. Но приметы известны, и по этим приметам мы его найдем. Королевским судьей уже подписан указ о заключении его в тюрьму, и по английским законам каждый, кому что-то известно о скрывающемся преступнике, обязан сообщить об этом властям. Вас это тоже касается...

Миллер смущенно развел руками:

— Я ничего не знаю...

— Подумайте, подумайте, господин генерал, и позвольте откланяться...

Инспектор четко повернулся и направился к дверям. Миллер неуверенным шагом проводил его и потерянно побрел в свой кабинет. Тихо повторяя: «Боже мой, боже мой, за что все это?», он вошел в заднюю комнату за кабинетом.

Там, в обществе Марушевского, обедал Севрюков. Он жадно хватал пищу руками, чавкал, с бульканьем пил.

И Марушевский, и Севрюков одновременно повернулись к Миллеру:

— Что?!

Миллер тяжело опустился в кресло.

— Вы, Севрюков, идиот. Оказывается, вы неслыханный, бесповоротный идиот...

Марушевский мрачно усмехнулся:

— Разве вы не были знакомы раньше?

Миллер повернулся к бывшему прапорщику:

— Скажите, Севрюков, зачем вы убили эту женщину? Мы вам разве велели кого-нибудь убивать в «Закупсбыте»?

Севрюков отодвинул пустую тарелку, погладил брюхо, сыто отрыгнул:

— Вы мне велели их припугнуть как следует...

— И вы для этого застрелили девку? — устрашающе выкатил глаза Миллер.

Севрюков достал из кармана зубочистку, протер ее носовым платком, поковырялся во рту.

— А вы думаете, ее лучше было бы повесить? — невозмутимо осведомился он.

— Вы что, Севрюков, не в своем уме? — покрутил у виска пальцем Миллер. — Здесь Англия, вы понимаете — Ан-гли-я! — а не Мезень, где вы могли вешать и стрелять, сколько душе было угодно.

— Это вы не в своем уме! — вскочил со стула Севрюков. — Вы тут от сытости и спокойя последнего умишка лишились!

— Севрюков! — предостерегающе крикнул Марушевский.

— Что «Севрюков»? — окрысился каратель. — Это в Мезени я бы ее просто плетью отстегал, а здесь, чтобы напугать, надо у-бить. У-бить! Уби-ить! Больше этих мерзавцев ничем и никогда не вразумишь!..

Миллер возразил ядовито:

— Да? Вы так думаете? Но вы, кажется, забыли, капитан, что долг платежом красен. К сожалению. Теперь вас поймают английская полиция и повесит. По-ве-сит. Как вам понравится такая перспектива?

Севрюков бросил зубочистку на ковер.

— А мне наплевать, — сказал он. — Чуть раньше, чуть позже. Подумаешь! Мы уже все давно жмурики. Поглядите на себя в зеркало: вон она, костлявая, у вас за плечом! — и, довольный собой, хрипло захохотал.

Марушевский, неслышно зайдя к нему за спину, сделал Миллеру выразительный знак, чтобы тот помолчал.

Потом крепко взял за плечи Севрюкова:

— Ну-ка, послушайте теперь меня, капитан. Вам здесь действительно при сложившихся обстоятельствах находиться очень опасно.

Севрюков по-волчьи оскалился:

— А где мне неопасно?

— В Мексике. Или в Аргентине. — Марушевский подошел к несгораемому шкафу и постучал по бронированной дверце. — Здесь для вас есть кое-что: надежный паспорт и шесть с половиной тысяч фунтов стерлингов.

— На что они мне? — буркнул Севрюков.

— Как на что? — удивился Марушевский. — Купите себе поместье, какую-нибудь там гасиенду, и можете своих индейцев миловать или казнить...

— Что надо делать? — с мрачной решимостью осведомился Севрюков.

Марушевский сморщился, как от кислого:

— Нам очень мешает делегация Красина...

Шестаков разыскал Ивана Соколкова на баке, где тот, разинув рот, слушал бывальщины Гарковца. Поманил его пальцем:

— Ваня, надо сегодня еще перевезти с берега на судно все наши вещички.

— Есть! — вытянулся Соколков. — А вопрос спросить можно, Николай Палыч?

— Ну?

— Мы нынче приборку затеяли. Завтра вещички нельзя перевезти?

— Завтра будет не до того, — сказал Шестаков озабоченно. — Играем раннюю побудку.

— Что, неужели отправляемся?

— Так точно, дорогой мой военмор Соколков Иван Алексеевич! — весело сказал Шестаков.

Соколков радостно сказал:

— Тогда сделаем, товарищ комиссар! Есть, сегодня вещички с берега перевезти!

Шестаков похлопал его по плечу:

— А все-таки, Иван, мы неслыханные молодцы! Завтра полным ходом потопаем.

Соколков уже успел пережить новость и потому сказал вполне невозмутимо:

— Какие могли быть сомнения? Раз надо, значит, потопаем каким надо ходом — хошь малым, хошь полным!

Шестаков озадаченно уставился на него:

— Чего-то я в тебе раньше такой уверенности не замечал, — и легонько подтолкнул его в спину по направлению к баку. А сам бегом спустился по трапу и, насвистывая, пошел по коридору к своей каюте.

Открыл дверь и в сумраке увидел силуэт человека, сидевшего на диване.

Включил свет. В самом углу дивана съежилась Лена Неустроева!

— Лена?! Как вы сюда попали?

Она поднялась, подошла к нему вплотную.

Мгновение стояла молча, потом уткнулась лицом ему в грудь. Шестаков замер.

— Мне надо было хотя бы еще один раз увидеть тебя... — прошептала Лена.

— Лена, как же...

— Я хотела, чтобы ты знал... чтобы ты поверил... я никогда... никогда не обманывала тебя... Я вообще не могу обманывать! Просто... когда еще пять лет назад я была невестой капитана второго ранга Петра Чаплицкого... все ведь было по-другому... и я еще не знала тебя... Ты понимаешь?..

Шестаков молча кивнул. Лена продолжала поры-висто:

— С тех пор промчалась вечность. Никого не существует давным-давно... Я ведь не виновата, что Петр прибежал от погони ко мне!.. Он называл тебя Тибальдом из Чека...

Шестаков обнял Лену за плечи, чувствуя, как ее тело содрогается от сдерживаемых рыданий. По-детски всхли-пывая, Лена сказала:

— Я не хочу жить без тебя, Коленька... Все неинте-ресно, везде пусто... Коленька, возьми меня в жены!.. Никто не будет любить тебя так, как я...

Шестаков гладил ее по волосам, тихо улыбался:

— Ишь, выискалась невеста-самосваха!

Лена сквозь слезы засмеялась, закивала головой.

А Шестаков сказал с деланным огорчением:

— За меня нельзя замуж — у меня две макушки.

— Ну и что?

— Примета: две жены будет!

Лена посмотрела ему в лицо, сказала по-детски:

— Не-а... Только одна.

— Почему? — удивился Шестаков.

— Мне нянька нагадала, что суженого найду я поздно, полюблю на всю жизнь, проживем вместе век и он мне закроет глаза...

Шестаков, военмор, краснознаменец, начальник Сибир-ской хлебной экспедиции, счастливо, блаженно улыбался, слушая шепот Лены, целовал ее в лоб, в глаза, в губы, и ни о чем, ну, совершенно ни о чем другом не думал в этот прекраснейший миг своей жизни.

...Суда экспедиционного отряда вытянулись в линию на Архангельском рейде.

Были они ярко расцвечены флагами, сигнальщики отмахивали с корабля на корабль последние команды.

Шестаков поднялся на мостик флагманского ледокола «Седов». Неустроев, оторвавшись от штурманского стола, встретил его по всей форме, отпрапортовал:

— Товарищ особоуполномоченный ВЦИК по про-ведению Сибирской хлебной экспедиции, особый морской отряд к ледовому переходу готов!

Шестаков отдал команду:

— Отряд! К съемке якорей — готовься!

— Есть, к съемке якоря готовиться! — отозвался ка-питан «Седова», и сигнальщики просемафорили приказ на караван.

Шестаков вышел на крыло мостика, крепко уперся в обвес, осмотрел собравшийся на палубе экипаж — здесь же, внизу, находились Лена, Болдырев, Соколов.

Шестаков сказал команде короткую речь:

— Товарищи моряки! По воле правительства РСФСР, по указанию Российской Коммунистической партии боль-шевиков сегодня мы отправляемся в трудный, опасный поход. Вопрос доставки хлеба — это вопрос жизни и смерти для всего Северного края Республики.

Рабоче-крестьянское правительство, зная те огромные тяготы и трудности, что ждут экспедицию, сделало все, чтобы снабдить нас всем необходимым. Щедрой рукой отпустило все нужное, хотя каждый выданный нам фунт хлеба, угля, керосина обездоливают в такой же мере трудящееся население!

Шестаков прошелся по мостику, зорко разгляды-вая каждого, стоящего на палубе. Выбросил вперед руку:

— Товарищи! Я знаю, что только благодаря вашей сознательности и энергии мы смогли выполнить первую часть порученного нам дела — сегодня вверенная мне экспедиция выходит в море... Спасибо вам за ваш громад-ный беззаветный труд, за ваше мужество! И я верю, что в предстоящем рейде каждый человек отдаст все свои силы, а если понадобится — то и жизнь, чтобы выполнить свой долг и привезти хлеб нашему народу! Ура-а!

Дружное морское «ура-а-а!!» было ему ответом, взле-тели в воздух бескозырки, треухи, фуражки. Кто-то даже

открыл стрельбу вверх из винтовок, оглушительно загремел самодеятельный духовой оркестр.

Шестаков повернулся к Неустроеву:

— Ну, Константин Петрович, в добрый путь? Принимайте командование и — «Всем с якоря сниматься!».

Старый моряк в последний раз перед отплытием окинул взглядом суда каравана.

Грустное, конечно, зрелище: в основном отряд состоит из буксиров — паршивеньких старых пароходишек. На военном флоте такие небось в порту работать не взяли бы. А здесь они точно линкоры. Тем более, заново шаровой краской покрашены...

Константин Петрович глубоко вздохнул: что же делать, чем богаты, тем и рады, других судов нет и не было... Спасибо, хоть ледаколы имеются...

Перекрывая его размышления, густо заревел гудок ледакола, на мачту взлетел флажный сигнал, заверещали боцманские дудки.

Неустроев снял фуражку и широко перекрестился.

Раздались привычные команды съёмки с якоря:

— На шпиле! Восемнадцать под форштевнем! Пошла по малому! Вира!

— Провернуть машину! Левую — малый вперед! Правую — малый назад! Руль — прямо! Якорь на клюзе!.. Пошла!.. Пошла!.. Пошла-а!!

Неустроев скомандовал:

— Движение — двумя кильватерными колоннами! Правый мателот — ледакол «Русанов». — Потом обернулся к Шекутьеву: — Начальнику связи — доложить готовность!

— Товарищ начальник экспедиции! — отрапортовал Шекутьев. — В походный ордер включены пятнадцать выпелов. Из-за отсутствия навыков совместного плавания у капитанов руководством экспедиции приказано идти на свободной воде до встречи со льдами плотной группой в четыре колонны. Капитанам розданы штатные инструкции, предусматривающие все случаи взаимодействия — в тумане, во льдах, при ночной буксировке...

— Порядок пользования связью? — спросил Неустроев.

О порядке пользования связью капитаны и штурмана подробно информированы: сеансы для радио, морзе, своды флагов своевременно вручены.

Благодарю за службу! — сказал Неустроев. — Флагманский штурман, доложите.

На мостик поднялся Болдырев.

— Ну, друзья, вот и свершилось.

Неустроев спросил в шутку:

— Андрей Васильевич, может быть, с нами останетесь?

Болдырев энергично помотал головой:

— Ну не-ет, я уж вас здесь буду дожидаться! До выходного створа с вами доплыву, а там сойду на катер.

Шестаков засмеялся:

— Андрей, моряки не плывут, а идут. Понял?

Болдырев не обиделся. Сказал твердо:

— Понял. По мне, идите, плывите, бегите — как угодно, только возвращайтесь скорее с хлебушком.

И обнял Неустроева.

Потом распрощался с Олениным, Захарченко, Щекутьевым, остальными командирами в ходовой рубке и вышел вместе с Шестаковым на мостик.

Оттуда они спустились на палубу, где хорошо был виден вытягивающийся с рейда отряд: ледоколы «Русанов», «Малыгин», «Сибиряков», пароходы «Николай», «Колгуев», «Кереть», «Севре», «Маймакс», «Рево», «Трувор».

А концевых еще и не видать было из-за брандвахты.

Болдырев сказал, чуть шепелявя от волнения:

— Ах, Николай, дорогой ты мой человек, сердце от счастья лопается! Посмотри, что сотворили, — ну, прямо глаза не верят! Это же целая эскадра!

— Скажи — флот! — смущенно усмехнулся Шестаков.

Болдырев упрямо повторил:

— А что?! Флот! И моряки его подвиг совершат, достойный флотов Ушакова и Нахимова!

— Постараемся, Андрей, — тихо сказал Шестаков.

Они подошли к трапу, под которым завешен был на талях небольшой катерок.

— Прощаться будем? — спросил со вздохом Шестаков.

— Видно, пора... — Болдырев помолчал, потом, вроде бы равнодушно, спросил: — А что это Константин Петрович решил взять дочку на поход?

Шестаков посмотрел ему прямо в глаза, ответил хмуро и твердо:

— Это я решил... взять с собой жену.

Болдырев широко улыбнулся:

— Ну, дай вам бог счастья, как говорится.

Он обнял Шестакова и прыгнул в катер.

Часть III

БОЙ

В конференц-зале английского пресс-клуба нынчелюдно и шумно: журналисты собрались на встречу с советской торговой делегацией.

По широкому проходу быстро, деловито прошли на возвышение-сцену представители Советской Республики.

Виктор Павлович Ногин занял председательское место, рядом сели Красин, Литвинов, Клышко.

Ногин поднял руку — корреспонденты английских и иностранных газет, заполнившие зал, притихли.

Виктор Павлович начал конференцию.

— Господа, мы пригласили вас, чтобы сделать для мировой печати ряд важных сообщений, — сказал он. — Газеты уже извещали о том, что советская торговая делегация заключила соглашение с кооперативным обществом «Закупсбыт Лимитед» о торгово-коммерческом сотрудничестве...

Журналисты шумно подтвердили свою осведомленность.

Ногин продолжал:

— Вчера, однако, правление «Закупсбыта» уведомило нас о расторжении договоренности...

В зале гомон. Лучится угрюмыми морщинами облупленное лицо Севрюкова, примостившегося с блокнотом в руках в заднем ряду, поближе к двери.

Ногин дождался терпеливо полной тишины.

— Руководители «Закупсбыта» мотивировали свой отказ от обязательств развернутым против этого общества физическим, политическим и финансовым террором. Лондонская биржа лишила «Закупсбыт» кредитов, вручив фирме ультиматум. Фирма передала его текст нам...

Он показал собравшимся письмо.

— Здесь сказано, помимо прочего, следующее: «Мы решили, что для нас сейчас невозможно будет принять участие в каком-либо деле, способствующем Советскому правительству...»

Раздались в разных углах зала одобрителные возгласы.

Не обращая на них внимания, Ногин продолжал:

— Кроме того, вы знаете, вероятно, что несколько дней назад фанатиком-белогвардейцем была убита двадцатилетняя девушка, английская подданная, сотрудница фирмы «Закупсбыт Лимитед»...

Встал со своего места корреспондент.

— Газета «Таймс», — представился он. — Какие теперь планы у советской делегации?

На вопрос ответил Красин.

— Господа журналисты, можете сообщить в свои газеты следующее... — очень серьезно сказал он. — У нас такое трудное положение, что, кроме бесповоротной победы, большевиков не устроит никакой другой вариант!

В зале доброжелательно засмеялись.

— А если говорить серьезно, — сказал Ногин, — то мы решили отказаться от услуг посредников. Советские кооператоры уполномочили меня сообщить: со вчерашнего дня учреждено первое советское международное кооперативное акционерное общество «АРКОС» — Олл Рашен Кооператив Сосайти. И штаб-квартира его будет находиться здесь, в Лондоне!

— Газета «Нью-Йорк геральд трибюн»! — выкрикнула с места долговязая рыжая журналистка в немыслимо яркой шляпе. — Не помешают ли деятельности «АРКОС» разногласия и споры о долгах русского царя?

Ногин твердо ответил:

— Это исключено. «АРКОС» не государственное, а общественное предприятие...

И после короткой паузы добавил:

— Предъявлять к нему претензии за долги русской короны так же нелепо, как если бы я попросил вашу редакцию оплатить нам проценты за покупку американским правительством у русского царя Аляски.

В зале снова зашумели, но пронзительный тенорок толстяка в полосатой тройке перекрыл общий гомон:

— Газета «Сан». Шутки шутками, но политические

переговоры вновь затормозились. И именно из-за долгов России странам Антанты!

Ногин развел руками:

— Ну, если говорить честно, то английская сторона затормозила переговоры из-за того, что Врангель вырвался из Крыма и захватил Северную Таврию. Кое у кого появилась надежда на реставрацию. Поэтому и всплыл заново вопрос о пресловутых царских долгах.

Вмешался Красин:

— Господа, ведь мы и не возражаем оплатить эти долги. Разумеется, если нам будет возмещен ущерб от интервенции в сумме тридцати миллионов золотых рублей...

Кто-то презрительно засмеялся.

Красин крикнул:

— Вдумайтесь, господа! Переговоры переговорами, войны войнами, это дело другое... А есть людям надо каждый день! И для этого надо торговать каждый день! Не так ли, господа журналисты?

По залу прокатился одобрителный шум.

Встал представительный мужчина с кайзеровскими усами:

— Газета «Гамбургер цайтунг». Русский коммерсант и полярный исследователь доктор Павел Кушаков распространил в Лондоне меморандум. Знакомы ли вы с этим документом, и что вы о нем думаете?

Ногин кивнул:

— Да, мы читали меморандум Павла Кушакова. Он ратует за широкое привлечение иностранного капитала к освоению Северного морского пути и разработке природных богатств русского Севера. Он требует объявления порто-франко¹ в Дудинке, Усть-Порте, Обдорске, Усть-Цильме... — Ногин приподнялся со своего места. — Господа, на этот счет я могу сообщить вам слова Владимира Ильича Ленина о тактике современной буржуазии: «Они хотят сделать мешочничество интернациональным. Хотят мирное хозяйственное строительство превратить в мирное разложение Советской власти. Извините, господа империалисты, мы на чеку!» Вот что сказал вождь российской революции, и я думаю, что комментарии тут излишни.

— Но специалисты утверждают, что русские своими

¹ Порто-франко — «свободный порт», пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров.

силами смогут приступить к освоению ресурсов на Севере не ранее, чем через пятьдесят лет! — выкрикнул из зала один из корреспондентов.

Красин ответил мгновенно:

Господа, что касается прогнозов специалистов, то практика уже не раз демонстрировала их скоропалительность. И ошибочность. Хорошо хоть, что у вас здесь терпимо относятся к таким слабым пророкам. А то я припоминаю случай, когда со мной сидел в Воронежской тюрьме один конокрад. Он зарезал гадалку за то, что она ему неправильно нагадала... у кого лошадь украсть!..

В зале хохот.

Ногин весело добавил:

Господа, у нас действительно есть в Сибири и на Севере уголь, лес, нефть, золото, медь, асбест, железо. И многое-многое другое. Но я надеюсь, вы не осудите меня, если я вам сообщу доверительно, хотя и конфиденциально...

Зал заинтересованно притих.

...Все это и золото, и нефть, и прочее, нам все это самим надо!

Аудитория взорвалась хохотом. Красин тоже улыбнулся — еле заметно — и добавил:

— Поэтому необходимо закончить вопрос с пророчествами: не так давно все утверждали в один голос, что ни при каких условиях нам не организовать морской экспедиции для вывоза хлеба из Сибири. Так вот, с особым удовольствием могу сообщить вам, что вчера караван из пяти ледоколов и девяти грузовых судов взял курс на Обь и Енисей. Через три месяца новорожденному сегодня «АРКОСу» будет что предложить на лондонском рынке...

В зале раздались аплодисменты, и Красин почувствовал, что овладел аудиторией.

За улыбчивостью наркома, его юмором и мягкостью ощущались огромная уверенность и внутренняя сила. Севрюков смотрел на него с ненавистью. Потом, не в силах слушать его дальше, встал и вышел из зала в пустынный вестибюль.

Там он пристроился за колонной, огляделся по сторонам.

Никого не было. Севрюков переложил из заднего кармана брюк во внутренний карман пиджака длиннотельный маузер, с которым никогда не расставался.

Из зала послышался вопрос:

— Не опасается ли господин Красин повторения в «АРКОСе» столь же прискорбных случаев, как тот, что произошел с убийством служащей в «Закупсбыте»?

Красин задумчиво потеребил свою элегантную бородку, внимательно всмотрелся в зал.

— В течение долгих десятилетий лучшие люди России сознательно шли на смерть во имя справедливости и торжества дела свободы, — сказал он и с жаром закончил, — и не нам, тем более сейчас, пугаться уголовно-политического террора! Каждый из нас, каждый сотрудник «АРКОСа» отдает себе отчет в опасности, но надежда испугать нас ножами и пулями платных истязателей и наемных убийц — бессмысленна!..

В зале снова вспыхнули аплодисменты, раздались громкие одобрительные возгласы, журналисты поднялись с мест, застучали сдвигаемые стулья.

В вестибюль устремился поток спешащих к телефонам корреспондентов. Мгновенно возникла толпа.

Показались советские делегаты. Красин и Ногин были окружены большой группой журналистов, продолжавших задавать вопросы.

Все они двигались к выходу, и в эту суету незаметно втерся Севрюков. Сквозь толчею он постепенно пробился поближе к Красину. Посматривая на выход, шел вплотную за советским наркомом. Положил руку в карман пиджака...

Шестаков вышел на верхнюю палубу ненадолго — оценить обстановку. Он стоял на мостике, подняв воротник шинели, нахлобучив низко на лоб фуражку — зюйдвестка осталась в каюте.

Медленно, ох как медленно движется в свинцовых волнах Ледовитого океана хлебный караван! Ведь равняться надо на самые тихоходные пароходы, а некоторые из них и вовсе приходится тащить на буксире: старые изношенные машины не выдерживают нагрузок, время от времени какая-нибудь из них останавливается, требуя ремонта в невыносимо тяжелых походных условиях.

Вокруг, сколько хватало глаз, угрожающе качались льды — летние, потрескавшиеся, но все еще опасные для утлых кораблей, которые держались на честном слове да на энтузиазме «караванщиков».

Шестаков в мыслях грустно усмехнулся: ведь многих из них действительно иначе, чем «караванщиками», не назовешь; они и океан-то впервые увидели всего несколько месяцев назад, какие из них моряки!

Но работали яростно, будто снова и снова шли в бой с проклятой белогвардейской контрой!

Шестаков вспомнил, как несколько дней назад налетел шторм.

Плотный снежный заряд накрыл и море, и корабли белым мятым покрывалом, ослепил вахтенных на мостике. «Видимость — ноль!»

Испуганно, жалобно заныли, загудели, заревели гудки пароходов: в любую минуту было возможно столкновение. Да и берег недалеко — с бурунами вокруг колющих острых рифов, с предательскими отмелями. Не дай бог, занесет на них в этой сумасшедшей летней метели!

Свирепо завывал порывистый ледяной ветер, вздымал короткую крутую волну. Резко ударив по борту корабля, она взлетала вверх и рассыпалась мириадами крохотных ледяных шрапнелин; влажная пыль окутывала снасти и палубу прозрачной узорчатой коркой, лед прямо на глазах нарастал тяжелым опасным панцирем.

Моряки знают, как страшно это непрошеное украшение — под его тяжестью рушатся снасти, надстройки, а порой и все судно, потеряв остойчивость, ложится на борт, набирает воды, переворачивается...

И хотя сапоги матросов за минуту плотно примерзали к палубе, люди неистово скалывали лед чем попало, поливали его кипятком...

Вот в этот самый момент и застопорила машина «Седова», оставляя флагманский корабль на волю бушующей злобной стихии.

Шестаков кубарем скатился в машинное отделение: около двигателя уже хлопотали «духи» — так называют на судах машинную команду.

— В чем дело?! — заорал Шестаков с порога.

— Да вот, разбираемся, Николай Павлович, — виновато сказал старший механик Яков Привин. — Похоже, что подшипник преставился...

В огромных ручищах он держал стальное полукольцо, покрытое сизой окалиной, с неровными обломанными краями. Лицо механика, все в масляных пятнах, выражало недоумение.

Рядом копался в машине второй механик. Немного погодя он повернулся к Шестакову, поблескивая белками на закопченной физиономии, доложил:

— Сгорел вкладыш левого подшипника.

— Почему?

Привин показал на кожу:

— Масла в картере нету.

Шестаков разозлился:

— Толком можете объяснить, в чем дело? Почему масла нет? Куда оно подевалось?

Привин развел руками:

— Будем смотреть, Николай Павлович... До сих пор уровень нормально держался, масло расходовалось по норме.

— Утечек, стало быть, не случилось, — пояснил второй механик.

— Так это что, диверсия? — насторожился Шестаков.

Привин сказал рассудительно:

— Ну почему же сразу — диверсия! Разберем подшипник — видно будет. Как-никак машина старинная, очень даже поношенная...

— И долго вы будете разбираться? — нетерпеливо спросил Шестаков. — Пока к берегу притащит?

— Поднажмем, — хмуро ответил Привин. — Сейчас всей командой навалимся.

Шестаков хлопнул его по плечу:

— Я на мостик... Докладывать каждые полчаса!

— Есть!

Тогда все закончилось благополучно. Матросы с черными обмороженными лицами еще скалывали лед с палубы, когда снежный шквал прекратился так же внезапно, как и начался, в голубом небе засияло солнце.

Обошлось без серьезных потерь.

И на других судах каравана был порядок.

А через полчаса Привин доложил, что нашли трещину в картере подшипника — через нее и ушло масло.

Аварию удалось ликвидировать: трещину зачеканили, и вскоре машину можно было запускать на холостую обкатку. А еще через три часа заработал гребной вал — «Седов» двинулся вдогонку за караваном, благо тот находился в пределах прямой видимости.

Сколько их было, неприятностей, больших и малых, на

судах каравана, и каждая отнимала драгоценное время — дни короткого полярного лета мчались вихрем!

Малейшая задержка могла обернуться катастрофой, и поэтому поход был сплошным авралом.

Люди, впрочем, были к этому готовы еще в Архангельске, никто не роптал и не жаловался...

Шестаков спустился в кают-компанию. Начинался обед, и все уже собрались за длинным столом, покрытым реденькой, но чистой льняной скатертью. В помещении было холодно, и люди сидели в шинелях, в бушлатах, закутавшись шарфами. Но — по русскому обычаю — без шапок. И не унывали, а в предвкушении обеда оживленно разговаривали, перебрасывались шутками.

Хозяйничала Лена Неустроева. Она аккуратно резала черный хлеб крохотными ломтиками и раздавала обедающим по одному кусочку, подставляя ладонь, чтобы ни одна крошка не упала.

Увидела Шестакова — серые удлиненные глаза ласково заискрились, на похудевших обветренных щеках показались милые ямочки.

— Опаздываете, Николай Павлович, — сказала она с шутливой укоризной. — Так и голодным остаться недолго.

— Голодным я все равно останусь, — засмеялся Шестаков. — Зато свежим воздухом надышался, врачи для аппетита очень рекомендуют.

— Прошу! — Лена поставила перед Шестаковым тарелку с дымящимся борщом, который налиwała всем по очереди из бачка. — Флотский борщ образца тысяча девятьсот двадцатого года. За вкус не ручаюсь, но сварила горячо...

За вкус ручаться и верно не приходилось, да и борщом назвать это странное варево из прошлогодней квашеной капусты и пригоршни ржаной муки можно было, только отдавая дань старинной морской традиции.

Но никто не привередничал, все охотно согласилось бы на добавку — да только не было ее. А Яков Привин, старший механик, даже нахваливал «мисс кок» — так прозвали Лену в кают-компании еще в самом начале похода.

Пока народ старательно управлялся с первым, Лена растерла озябшие руки, спрятала их в меховые рукавички. Шестаков виновато поглядел на нее, тяжело вздохнул.

Ему хотелось взять эти покрасневшие потрескавшиеся руки с длинными гибкими пальцами в свои, приласкать, согреть их — сколько выпало им на долю непривычного, тяжелого и неожиданного труда!

Будто уловив эти мысли Шестакова, Лена лихо потрянула головой, сбросила рукавички и принялась раздавать второе блюдо жидкую пшенную кашу на сахарине.

С того конца стола, где сидел Яков Привин, раздался взрыв хохота. Старший механик, человек доброго и веселого нрава, прожил большую и интересную жизнь и считал своим долгом, как он выражался, «передать салагам тяжелый революционный опыт» — рассказывал окружающим смешные, иногда грустные, но всегда поучительные истории.

А рассказать ему было что: в свои сорок лет он успел побывать и в боевиках-эсерах, и в анархистах, и в политкаторжанах.

Пожизненную каторгу назначил ему царский суд за покушение на могилевского губернатора, душителя и вешателя.

А с восемнадцатого года Привин раз и навсегда пристал к большевикам. Работал в ВЧК, на фронте под Царицыном отбил у белых батарею.

Выпятив и без того широченную, как ворота, грудь, на которой поблескивал орден Красного Знамени, механик рассказывал, как он выступал однажды на фронте с лекцией о текущем моменте:

— Разъясняю я, значит, братцам-солдатикум про поход проклятой империалистической Антанты, в бумажку гляжу, чтоб не сбиться. И каждый раз, как останавливаю дух перевести, командир полка в ладоши бьет. Конечно, вместе с ним и ротные хлопают, и взводные, и весь рядовой состав. Понравилась мне такая сознательность, говорю потом командиру: «Ну, говорю, дорогой товарищ, дошли, видно, мои слова до сердца каждого солдата!» — «Та ни... — отвечает, сам он из-под Чернигова, — стоя сплять, гады!...»

Даже Неустроев расхохотался:

— Это он их, выходит, аплодисментами пробуждал!

— Ну да, — серьезно подтвердил Привин.

Шестаков взглянул на Лену, оба они — на Неустроева, все вместе — на Привина. И безудержный смех охватил их. Глядя на них, хохотала вся кают-компания, но только

они знали истинную — тайную — причину этого веселья.

Дело было в том, что еще в самом начале похода Привин зашел в каюту Неустроева доложить о работе машины. После делового разговора Лена предложила старшему механику чаю, он охотно согласился и, по обыкновению, начал рассказывать о своих фронтовых приключениях.

На сей раз речь шла о том, как он после разрыва германского снаряда, разметавшего в клочья всю оружейную прислугу и конную упряжку, выволок с позиции из-под носа наступавших врагов полевое оружие.

Глядя на его мощную, как у Поддубного, шею, на пудовые кулачищи, толстые огромные ноги, Шестаков реально представлял себе эту картинку: Привин, намотав на плечи упряжь, прет на себе пушку вместо трех першеронов...

И в этот самый момент на середину каюты нерешительно вышел невесть откуда взявшийся мышонок.

Маленький розовый мышонок.

Привин поперхнулся на полуслове, остекленевшими глазами уставился на него... а дальше произошло нечто невероятное: гигант с воплем, одним прыжком очутился на столе и оттуда с ужасом завопил: «У-уберите... уберите... это!...»

И сколько Шестаков ни урезонивал его — как не стыдно, а еще боевик, политкаторжанин, — Привин со стола не слез, пока Николай не сгреб мышонка в бумажный кулек и не вынес его из каюты.

Потом, буквально со слезами на глазах, заикаясь от смущения, старший механик умолял никому не рассказывать об этом случае: «Я в-ведь н-не от т-трусости... это у м-меня п-после к-контузии... ч-чисто нервное...»

Севрюков шел вплотную за советским наркомом. А Красин и не замечал его, увлеченный разговором с представителями прессы...

В дверях произошла заминка. Севрюков нащупал во внутреннем кармане пиджака свой маузер и прижался к Красину.

И в этот момент кто-то, хлопнув его по плечу, дружелюбно воскликнул:

— Хэлло-о!

Севрюков обернулся и увидел незнакомого англичанина — высокого, сухопарого, с резким энергичным лицом.

Он и представить себе не мог, что перед ним инспектор Скотланд-Ярда Флойд Каммингс.

— Что такое?! — недовольно спросил Севрюков и сделал движение вдогонку Красину — он боялся потерять его около автомобиля.

Но инспектор Каммингс профессионально точным движением запустил руку Севрюкову за пазуху и прижал пистолет.

Севрюков дернулся, и в тот же миг двое дюжих парней схватили карателя за руки. Спустя мгновение Каммингс, воспользовавшись тем, что один из сыщиков завернул Севрюкову за спину правую руку, вытащил у него из кармана маузер.

Так они и выволокли его на улицу.

В суетливой толпе на них почти никто не обратил внимания.

Севрюков с тоской смотрел, как захлопнулись лакированные дверцы длинного черного «даймлера» и советская делегация отъехала от подъезда пресс-клуба...

Переодетые полицейские втолкнули бывшего прапорщика на заднее сиденье большого открытого «остина», деловито нацепили ему наручники.

Каммингс прыгнул на переднее сиденье, автомобиль плавно тронулся с места и неторопливо влился в непрерывный уличный поток.

«Остин» катил по лондонским улицам очень медленно, как бы давая Севрюкову последний раз посмотреть на огромный город. Он и смотрел по сторонам — с отвращением и отчаянием, в бессильной ярости кусая до крови губы. И бормотал себе под нос:

— Надо же, прймали все-таки, суки!.. Довольны?.. Погодите, гады, вас еще большевички повозят в кандалах, как вы меня... подлюги...

Мелькали по сторонам дома, ярко изукрашенные витрины магазинов, а Севрюков все бубнил:

— Разожрали себе хари, полирована вошь!.. Погодите своего часу, умоетесь еще нашими слезьми да кровушкой... Эхма, не думал мой батянька Игнат Севрюков, что английские фараоны будут меня на лимузинах по Лондону катать... — Он повернулся к одному из сыщиков: — Слышь, ты, толстая рожа! Дай закурить...

Полицейский внимательно посмотрел на него, но, естественно, ничего не ответил — русского он не знал.

Севрюков разочарованно сказал:

— Не понимаешь, гад?.. Слышь, дай потянуть, душу щемит!..

Полицейский по-прежнему не догадывался, чего хочет от него арестант.

Севрюков заорал:

— Не понимаешь?! Да чего непонятного-то?.. Смок! Понимаешь? Смо-ок! Смокать хочу!

Вот теперь полицейский сообразил наконец, чего нужно этому русскому. Он достал солидный кожаный портсигар, вытряхнул из него сигарету.

Севрюков досадливо поморщился:

— Да не порть сигарку-то... Я твою докурю... Мне только потянуть малость... Докурю, андерстенд?.. Не понимает, оглоед! Да хрен с тобой, давай целую!..

Севрюков раскрыл губы, и сыщик вставил ему в рот сигарету. Чиркнул зажигалкой, и Севрюков с огромным удовольствием затянулся.

Он уже успокоился и весь сжался, как пружина.

Медленно поднял ко рту скованные наручниками кисти, неловко переложил в губах сигарету, затянулся и нагло выпустил дым полицейскому в лицо.

Тот поморщился, но ничего не сказал, только отодвинулся. Каммингс с переднего сиденья сказал сыщикам что-то смешное, они оба захохотали.

Севрюков еще раз глубоко втянул в себя дым сигареты, проговорил вслух:

— Еще посмотрим: совсем поймали вы прапорщика Севрюкова или только так, потрогать...

План у него уже созрел.

Не глядя больше по сторонам, он выплюнул сигарету и совершенно неожиданно, без малейшего видимого усилия перебросил через опешившего сыщика, через правый борт автомобиля свое костлявое жилистое тело.

Упал, как кошка, на четыре точки, на мостовую.

Скорость была невелика, поэтому он сразу же, несмотря на скованные руки, поднялся...

Но тут случилось непредвиденное.

Не привыкший к английскому левостороннему уличному движению, Севрюков выпрыгнул на правую сторону дороги. И громадный двухэтажный автобус, мчавшийся навстречу, сразу же поднял его на капот.

Шофер автобуса еще попытался отвернуть, резко дернул руль в сторону, и урчащая, грохочущая, гудящая, горячая машина с оглушительным звоном и треском вмятила разможенное тело Севрюкова в стеклянную витрину овощного магазина.

Наступила тишина, разбиваемая только треньканьем лопнувшего стекла и журчанием текущих по тротуару ручейков томатного сока из разрушенной дотла витрины.

Бурлила, шумела, полна была людского ликования маленькая пристань Усть-Порта.

С громкими торжествующими гудками бросали вдоль стоянки якоря суда хлебного каравана.

На пристани собралось, кажется, все население Усть-Порта: люди размахивали красными флагами, стреляли в небо из ружей.

Пришло много ненцев в красочных, сшитых из шкур одеяниях. Кто-то успел развести костры, на некоторых уже булькало в котелках варево...

Местные даже грудных ребят принесли — те лежали в легких люльках, на ряднышках, с интересом глядели на белые высокие облачка в голубом небе и вкусно чмокали «мóнями» — деревенскими сосками с хлебным мякишем.

На все, происходящее окрест, взирали с невозмутимым спокойствием домашние олени. Бегали по дощатому настилу ошалевшие от необычного шума собаки...

По пристани расхаживали возбужденные матросы и красноармейцы с обветренными, обмороженными, боролатыми лицами.

Чуть в сторонке из всех сил старался необыкновенный импровизированный оркестр: маленький носатый человек в черном длинном пальто терзал обшарпанную скрипку; толстый солдат в шинели и волчьем малахае, раздувая щеки, трубил на бас-геликоне; им вторил на гармошке, невероятно фальшивя, но ничуть этим не смущаясь, маленький морячок в чудовищно широких клешах, в бескозырке с длинными полосатыми лентами и... в расшитой оленьей малице.

Оркестр играл революционные песни, а вперемежку с ними наяривал краковяк и «Дунайские волны»...

К судам каравана, не теряя времени, с левых бортов швартовались речные баржи.

Матросы перебросили сходни, принялись налаживать ручные транспортеры...

С ледокола «Седов» на пристань торжественно спустились Шестаков, Неустроев, Щекутьев, Лена. С других судов сошли на берег почти все участники рейда.

Им навстречу с хлебом-солью в руках направилось местное начальство во главе с комиссаром, опоясанным вперекрест пулеметными лентами, с маузером в деревянной кобуре и мохнатой ушанке с красной полосой поверх козырька.

Встретились, обнялись, троекратно расцеловались, передали хлеб-соль, разговорились...

Матросы из команд каравана бродили среди местного народа, знакомились, угощали друг друга махоркой. Встречались и старые знакомые...

Комиссар в партизанской ушанке коротко доложил Шестакову:

— Мильен триста тыщ пудов хлебушка мы вам приготовили, однако...

Шестаков радостно улыбался:

— Ох, и ждут его!.. Довезти бы поскорее да по-вернее!

— У нас вить еще кой-чего имеется... — хитро шурился комиссар.

Шестаков подмигнул:

— Хвались, хвались, комиссар!

— И похвалюсь! — комиссар стащил меховую варежку и начал загибать пальцы по очереди в огромный кулак: — Лену имеем тыщу двести пудов, кожи сырой — тыщу пудов, шерсти — две с гаком тыщи!

— Вот молодцы! — с восторгом закричал Шестаков.

— Да не все еще! — горделиво сказал комиссар. — Волоса — полторы тыщи пудов, смолы — пудов около трех сотен, да еще поташ, да еще замша!..

— Ну и ну! — удивлялся Шестаков. — Богатство!

— Еще какое! — солидно соглашался комиссар. — Да, забыл: лакомкам, на продажу, — орешек наш сибирский, ядреный, один к одному!

— Сколько?

— Три тыщи пудов!

— Да-а, замечательно! — Шестаков был полон энтузиазма. — В Англии, на рынке, все это обернется машинами, мануфактурой, пилами, топорами...

— Чаю бы да керосину тоже неплохо,— рассудительно заметил комиссар.

— А как же! Все добудем, и часть того добра сюда же, народу вернется...

Времени у экспедиции было совсем мало, и погрузка шла авралом. Участвовали все трудоспособные — и команды судов, и многие из местных.

Лена, приспособившая себе в пару какого-то ненецкого мальчишку, вместе с ним носила по одному мешку — им на двоих этого было вполне достаточно.

Хлеб грузили мешками — по сходням и трапам, ящиками, которые насыпали на берегу и переносили на палубы маломощными кранами; наладили даже ручные транспортеры: несколько дюжих мужиков накручивали на ворот бесконечную брезентовую ленту, а по ней прекрасной, волновавшей сердца речкой текло крупное каленое сибирское зерно — одно зернышко к одному.

У трюмных люков часть зерна просыпалась на чисто выдраенную палубу — матросы деревянными лопатами аккуратно сгребали его к трюмам...

К полудню внизу, в трюме, уже наполовину засыпанном зерном, Шестаков, Лена, Щекутев, даже Неустроев дали себе волю: носились по зерну, как дети.

Они загребали его руками, грызли, горстями бросали друг в друга, ликуя и кричали: «Ура-а!», «Есть хлебушко-о!», «Хле-ебуше-ек, ура-а-а!!!».

На этот раз ненцу Ваське Герасимову в Архангельске повезло: за привезенные из тундры песцовые шкурки и четыре пыжика удалось ему добыть кусок ситца, большую штуку бязи, два фунта соли, маленько сахара и пятьдесят штук винтовочных патронов.

Винтовки, правда, у Васьки не было, но из боевых патронов он выковыривал пули, а порохом снаряжал свои ружейные заряды. Без пороха в тундре нельзя, пропадешь, пожалуй, совсем... А пули тоже пригодятся — их можно раскатать в дробь.

Он и занимался этим приятным для рук и сердца делом у маленького окошка заезжего двора бабки Анфимовой, у которой во время редких наездов в Архангельск всегда останавливался.

Бабка Анфимова, шустрая, хитрая, молчаливая, устраивала его немудреные коммерции, давала ночлег и пускала в большой старый сарай Васькиных собак — все за умеренную плату. Еще и подносила полбутылки огненной воды, которую сейчас нипочем не сыщешь, — всего-то за одного песца.

Васька снаряжал патроны, огненная вода тихо гудела в нем приятными голосами, и ненец напевал себе под нос песню близкого снега.

Потом поднял взгляд на окно и оцепенел: за мутно-переливчатым стеклом стоял Большой Тойон, Начальник, и, судя по шевелящимся губам, что-то говорил человеку, невидимому Ваське из-за обреза рамы.

У Васьки разом замерло сердце и заныл зад. Потому что в сердце вместо крови втек огромный страх, старый огромный страх, а зад задергался, завизжал пронзительной болью от каждого из пятидесяти шомпольных ударов, полученных год назад.

Ах, как страшно кричал тогда у них в стойбище Начальник!

Расстрелять! Ра-асстреля-ать!

Р а с с т р е л я т ь ! ! !

Солдаты убили в то утро из винтовок четырех Васькиных родичей. А всех остальных выпороли шомполами. И Ваську.

Было невыносимо больно, только один раз в жизни Ваське было так больно — это когда его рвала рысь, но рысь он все равно не боялся и убил ее. А теперь сильнее боли был ужасный страх, потому что Васька еще никогда не видел, чтобы один человек убил другого просто так, ни за что.

Васька вообще не знал такой вины, за которую можно убить человека. Но родичей убили совсем ни за что! Ведь по закону тундры голодных и замерзших людей всегда сначала надо накормить и обогреть. А уж потом спрашивать, кто они и откуда. Да если б в стойбище и сначала знали, что к ним пришли партизаны, которые воюют с властью Большого Тойона, их бы все равно накормили, отогрели и дали место в чумах.

Закон тундры не Большой Начальник придумал. И не ему этот закон отменять.

Но когда кто-то рассказал в Архангельске, что стойбище подкармливает партизан, Начальник пришел с солда-

тами, убил четырех родичей, а всех остальных выпорол шомполами.

И Васька точно знал, что когда-нибудь Великий Дух, давший им Закон, от которого они не отступили, очень сильно покарает Начальника за то, что он их убивал и порол. Они ведь только соблюдали Закон.

Кончилась вскоре власть Большого Начальника, рассеялись белые солдаты по тундре, как волки весной, а сам Начальник — вот он, стоит за окном, как ни в чем не бывало! Правда, не в своей красивой форме, а в солдатской шинели. И не кричит, как в стойбище, а шепчет вполголоса. Но вот он, как есть, — живой, здоровый.

Может, Великий Дух недосмотрел за ним?

Сердце громко стукнуло, рванулось, вытолкнуло из себя вязкий страх и наполнилось снова горячей кровью, и боль перетекла в грудь. И стала ненавистью.

Васька приподнялся, прижал нос к давно немытому стеклу: Начальник, нагнувшись, тихо объяснял что-то бабке Анфимовой.

Начальник знает бабку Анфимову?

Тогда, может быть, это она шепнула ему про партизан на стойбище? Ненцы при ней это обсуждали...

Васька вскочил, накинул на плечи малицу, схватил меховой треух и бросился к дверям. На дворе уже никого не было, лишь в проеме ворот мелькнула тень от высокой сильной фигуры Большого Тойона.

И Васька, хоронясь вдоль стен и заборов, сторожко, неслышно, пошел за ним.

Неотступно, как в лесу за зверем, след в след.

Великому Духу тоже надо помогать. Он далеко, плохих людей еще много, за всеми он уследить не может.

Надо ему помочь...

Болдырев и два его помощника неторопливо ехали верхами по улице, разговаривали.

От старого лабаза раздался возглас:

— Э-ге-гей, Андрюшка-а-а!.. — и через улицу к Болдыреву не спеша направился ненец.

Болдырев натянул поводья, всмотрелся в молодого охотника и тоже радостно воскликнул:

— Васька! Герасимов! Откуда ты, братишка?

Остановил коня, спешил и сердечно обнял старинного приятеля, похлопывая его по плечам.

— Ты давно здесь, Василий?

Ненец широко улыбнулся:

— Пять дней, однако. Хозяйку помнишь мою?

— Ну как же!

— Вот велела ситец купить. И еще материю на одеяла, и еще, и еще... Год хороший был — охота большая. А фактория закрылась. Белый купец убежал, следа не оставил, а красный купец заболел...

Болдырев сочувственно покивал головой:

— О-о, это плохо, никуда не годится!

Василий полез за трубкой.

— Как еще плохо!.. Старый купец Солоницын обманывал шибко, но никогда не болел, однако...

— Некогда было, — согласился Болдырев.

Ненец вздохнул, сказал вроде бы равнодушно:

— Сегодня видел его.

— Да, он здесь живет, в городе.

Васька раскурил трубочку, весело заметил:

— Нынче все люди равные, однако, стали, правда. К купцу в дом большой офицер ходит, друзья небось. Я видел. Раньше, говорят, Солоницын перед ним на пузе ползал... А теперь обнимает...

— С офицером, говоришь, друзья? — переспросил Болдырев заинтересованно. — Подожди, говори толком — с каким офицером?

— Ты его не знаешь, Андрюшка. Он уже после тебя приезжал. Ба-альшой был Тойон... Начальник... Четырех родичей моих убил.

— За что?!

— За то, что ваши жили в стойбище у нас... А теперь...

— Интересно, кто ж это такой? — вслух задумался Болдырев.

Узкие глаза Васьки полыхнули ненавистью, но ответил он спокойно:

— Фамилию забыл. Петр его зовут. Его благородия Петр... э-э... Зигимурович...

— Как ты сказал? Петр Сигизмундович, нет? Вспомни фамилию — Чаплицкий?

— Правильно, Андрюшка. Такая у него фамилия, — полузакрыв глаза, невозмутимо сказал Васька.

Хлопнув приятеля по плечу, Болдырев птицей взвился на коня и крикнул:

— Василий, ко мне обязательно зайди! Для хозяйки твоей подарок есть! — и, повернувшись к сотрудникам, скомандовал: — За мной, галопом!..

Всадники спешили перед калиткой дома Солоницына. Болдырев рывком открыл калитку, ведя коня в воду.

Неизвестно откуда возник бородатый дворник. Болдырев отпихнул его и направился к дому, за ним — сотрудники.

Привязав коней к стойке крыльца, он легко взбежал по ступенькам. Подергал дверь — заперто. Громко, нетерпеливо постучал...

А в горнице были Солоницын и Чаплицкий.

Настороженно прислушались к стуку. Чаплицкий незаметно выглянул из-за занавески в окно. Увидел дворника, размахивавшего руками.

Контрразведчик схватил свой «лефаше», быстро поднялся по лесенке, ведущей на второй этаж, и подбежал к окошку.

Осторожно раскрыв его, увидел внизу трех лошадей...

Чекистов Чаплицкий не видел — они уже вошли в дом вместе с Болдыревым.

— Чека! — грозно сказал Болдырев. — Ну-с, гражданин купец Солоницын...

Солоницын, отворив дверь, испуганно попятился в залу.

— Заходите, заходите, гости дорогие, — затараторил он. — Гражданин Болдырев, милости прошу...

А сам краешком глаза поглядывал на лестницу.

— Кто из посторонних имеется в доме? — спросил Болдырев, держа в руках револьвер и внимательно, очень придирчиво осматривая помещение.

Солоницын испуганно перекрестился на образа, сказал нарочито громко:

— Господи помилуй, господи помилуй! Да что вы, гражданин Болдырев, Андрей Васильевич! Никаких посторонних сроду не было и нету!..

— Сейчас дом обыщем, проверим! — предупредил Болдырев. — В случае чего — держись, купец...

— Да что вы, Андрей Васильич! — еще громче заво-

пил Солоницын. — Господом богом клянусь, пресвятой богородицей — нету никого... и быть не может!..

Войдя в роль, он продолжал часто креститься и при этом выразительно — головою, глазами, подбородком — указывал Болдыреву на лестницу на второй этаж. И еще подмигивал так, что глаз утонул в мясистом мешке щеки.

— Стой на месте! — скомандовал ему Болдырев. Повернулся к чекистам: — Черемных, давай во двор, под окна, возьми в наблюдение! Лесин — за мной!

И он решительно направился по лестнице на второй этаж.

Чаплицкий его дожидаться не стал. Он вылез через узкое оконце на карниз. Как раз в тот момент, когда Черемных, получив приказание Болдырева, вышел на крыльцо.

Мгновенно сориентировавшись, Чаплицкий прыгнул сверху прямо на спину одного из коней, сорвал повод с крыльца и, выстрелив через плечо в сторону двери, бросил вставшего было на дыбы коня к забору.

Черемных торопливо выхватил из кобуры наган, выстрелил, но в горячах промахнулся.

А Чаплицкий, разогнавшись, заставил коня совершить невероятный прыжок через высокий забор.

И исчез.

Черемных добежал до калитки и выскочил в переулок — в конце его он увидел лишь столб пыли.

Черемных помчался к коновязи, к нему присоединился Лесин. Они быстро отвязали коней и бросились в погоню...

Болдырев, пнув от злости ногой по затейливой балясине крыльца, вернулся в дом.

С обыском Болдырев провозился часа два.

В комнате, где жил Чаплицкий, был полный раззор. На столе валялись оружие, патроны, документы.

Особое внимание Болдырева привлекли две схемы, исполненные от руки, но очень профессионально.

Одна схема указывала расположение водолазных ботов и лихтера «Труд» на рейде Архангельского порта. Стрелками были нанесены морское течение и направление ветра.

На второй схеме был маршрут хлебного каравана. Болдырев подозвал Солоницына, испуганно съездившегося в углу.

— Это что? — он показал на схемы.

Купец воздел руки к небу:

— Истинный Христос, не знаю, Андрей Васильевич, — нешто моего ума это дело?

— А прятать у себя под крылышком контрреволюционного гада — это твоего ума дело?

— Дак ведь знаете ж вы его, голубчик, Андрей Васильевич, гражданин Болдырев... — чуть не плакал Солоницын. — Под пистолетом меня держал... Сколько он кровушки пролил — ему меня прихлопнуть, что высморкаться! Болдырев зловеще пообещал:

— Вот теперь трибунал тебе кровушки добавит... Поставят тебя к стенке по всем правилам.

Солоницын скорее рассердился, чем испугался.

— Рассердясь на блох — да и шубу в печь! — бросил он. — Нешто по уму это? Я ведь показывал тебе, где он, супостат бесовский!

Болдырев ехидно заметил:

— У тебя другого выхода не было. Ты мне лучше скажи, откуда у него эти карты?

Солоницын изобразил полнейшее недоумение:

— Да не знаю я! Что он — мне отчитывался?

Болдырев мерно похлопывал ладонью по схемам:

— Подумай, подумай, Никодим Парменыч... Гляди, учтут в трибунале чистосердечие твое.

— Обещаешь? — с надеждой спросил Солоницын.

Болдырев хитро улыбнулся:

— Словечко могу замолвить... Если перед народом заслужишь, конечно...

— Заслужу, богом клянусь, заслужу! — Солоницын снова перекрестился на иконы в углу залы. Помолчал, потом сокрушенно заметил: — Говорят люди, приметы не сбываются... Мне нынче приснилось, что церковь святого Иоанна упала. Примета?.. Вот и не верь теперича...

— Ты мне приметамы своими голову не морочь. Лучше расскажи, кто из наших ему эти карты приносил.

— Да я не знаю... — нерешительно начал Солоницын, — из наших, из чужих ли... Я ведь его толком и не видел.

Болдырев оживился:

— Ну-ну-ну... Это как тебя следует понимать — «толком не видел»?

Солоницын сказал искренне:

— Петр Сигизмундович отсылали меня... как то м у прийти... Нечего, скажет, бывало, тебе тут маячить.

— Ну?..

У глазных щелочек купца залучились хитрые морщинки:

— Конечное дело, я разок-другой в щелку-то заглянул: дом, что там ни говори, все ж таки мой, нет? Должон я знать, о чем они шепчутся?

— И о чем же они шептались?

— Ну, про политику больше... Про караван ваш разговоры были... — выдавил из себя Солоницын. — Что за границей делается: «сообщают, мол, то... сообщают это...»

— А что именно сообщают из-за границы? — настойчиво переспросил Болдырев.

— Да я ж говорю — все про политику больше.

— А про нас конкретно? Про хлебную экспедицию, про караван морским путем?

Солоницын морщил лоб, как бы вспоминая, потом, махнув рукой, решил.

— Про караван сообщили, мол, что англичане пришлют крейсер какой-то... — сказал он мрачно.

— Куда? Зачем?

— Караван ваш перехватить... В море, конечно... Он им всем... — Солоницын рубанул рукой по шее, — ну, ровно кость в горле застряла!

Болдырев показал купцу маршрутную схему каравана:

— Где? В каком месте? Ну!..

Солоницын горячо прижал руки к груди:

— То я не знаю, Андрей Васильевич. Ей-богу, не знаю!.. Он толковал все — «рандеву-рандеву, кардинаты-кардинаты», а где они, кардинаты да рандеву эти самые, — неведомо мне; я ране и не слыхивал про них...

Болдырев в задумчивости долго расхаживал по комнате, потом спросил:

— Какой он из себя?

Солоницын наморщил лоб:

— Не скажу, что разглядел его толком... Длинный, конечно, прямой, будто жердина... Сам из себя худой... Куртка на нем кожаная, вроде — черная...

— А лицо?

— Плохо видать было, Андрей Васильевич! Ей-богу — ведь все ж таки глядел-то через щелку — а свету еле-еле... Длинное тоже лицо... Белое... А так — ни усов, ни бороды.

В горницу ввалились потные, запыхавшиеся чекисты.

— Ушел, товарищ начальник, — виновато доложил Черемных. — Мы пока выскочили — его и след простыл. Он, видать, место знает — как махнул задворками...

— Эх, вы-и-и... — с досадой протянул Болдырев, будто не от него самого ускользнул контрразведчик. Повернулся к Солонищину: — Собирайся, Никодим Парменыч, разговор долгий... у нас договорим.

Баренцево море было непривычно спокойным. Иногда длинная, очень пологая волна под косым лучом полярного солнца вдруг просвечивала голубизной, пенный барашек украшал ее своим узорным кружевом, и тогда пропадала свинцовая тяжесть Ледовитого океана, на миг можно было представить себя посреди ласкового южного моря, с надеждой поискать на горизонте белоснежные строения теплых берегов.

Но — только на миг; резкий холодный ветер заставлял плотнее запахнуть штормовку, длинная волна, разбившись о борт, обдавала ледяными брызгами. На горизонте вместо пальм виднелись угрюмые острые очертания прибрежных черных скал...

Тяжелый корабль неторопливо утюжил океан, и чайки с удивленными криками облетали это диковинно раскрашенное во все цвета радуги — кругами и длинными волнистыми полосами — плавучее сооружение, известное в морских справочниках как четырехтрубный броненосный крейсер флота его величества короля Англии «Корнуэлл».

На ходовом мостике тяжелого крейсера находились двое — капитан Смайзлс и штурман Эванс.

Штурман доложил командиру:

— По правому борту — земля. Мы на траверзе острова Колгуев, сэр.

— Координаты?

— Сорок девять градусов тринадцать минут западной долготы, шестьдесят девять градусов тридцать семь минут северной широты.

— Карту!..

Штурман протянул капитану навигационную карту,

на которой был четко проложен маршрут хлебного каравана: от Обдорека до северной оконечности полуострова Ямал, в обход мелей острова Белый.

— Почему они идут вокруг Белого? — задумчиво спросил капитан Смайзлс.

— Осмелюсь высказать предположение, сэр, они не хотят рисковать. Здесь очень сложный навигационный район. Два года назад наскочил на мель и затонул у Сердца-Камня ледокол «Вайгач» под командованием капитана Бориса Вилькицкого...

— О, это замечательный полярный навигатор! — заметил капитан Смайзлс.

— Так точно, сэр!

— Но они делают большой крюк. А ведь у них мало угля... Что передает агент?

— В точке с координатами семьдесят градусов западной долготы и семьдесят четыре градуса северной широты караван взял курс двести сорок три вест-вест-зюйд в направлении Карских Ворот, — показал штурман на карте движение каравана и место самого крейсера. — Если у них ничего не случится, то через пятьдесят пять — шестьдесят пять часов они пройдут маяк Энибой на южной оконечности Северной земли и втянутся в горловину Карских Ворот.

Капитан еще раз провел янтарной указкой по маршруту каравана.

— Где вы предлагаете рандеву?

Штурман Эванс погладил корректные седоватые усы, сказал:

— Я думаю, сэр, надлежит занять позицию в середине пролива, в трех милях севернее берега острова Вайгач.

— Маневр?

— Широкие переменные галсы. Полагаю, в этом случае мы не сможем пропустить караван...

— Вы надеетесь на их дымы?

— Так точно, сэр, их, вероятно, можно будет наблюдать за несколько миль.

Смайзлс смерил штурмана недоверчивым взглядом:

— А если туман? Снеговой заряд? Или сильный дождь?

Эванс улыбнулся:

— Ну что вы, сэр! Я уверен, в этом случае они сами прекратят переход, сэр. Ведь это армада разнотипных, несплаванных друг с другом старых судов. Плохие коман-

ды... Они мгновенно растеряют — при плохой видимости из-за погодных условий — ближайшие мателоты...

Капитан кивнул:

— Резонно...

Эванс продолжил:

— Кроме того, мы надежно рассчитываем на радиосвязь с нашим агентом: до сих пор он ведь исправно сообщал нам точные координаты.

— Ну что ж, посмотрим,— вздохнул капитан.

Эванс заверил его:

— Не извольте беспокоиться, сэр. Точка соприкосновения с караваном в проливе имеет еще одно преимущество.

— Какое же?

— Им некуда будет разбежаться. Как только мы откроем огонь, им останется только выброситься на скалы. Пройдя вдоль их строя, мы сможем закончить всю операцию за тридцать—сорок минут. От силы — за час!

Взяв янтарную палочку и пригласив капитана к карте, штурман еще раз убедительно доказал капитану, что хлебный караван неотвратимо приближается к своей гибели; спасение ниоткуда прийти не может, жертва беспомощна, пружина мышеловки уже взведена.

Капитан Смайзлс довольно усмехнулся.

Под мощной антенной Центральной Северной радиостанции находилось помещение аппаратной. Сюда и приехал Болдырев со своим помощником, Лесиным.

Пока радист в наушниках колдовал с рацией, вызывая «Седова», чекисты беседовали.

— Во всех случаях, когда из штаба утекали сведения, он был в курсе дела,— объяснял Болдырев помощнику.

— И с «ловушкой»? — спросил Лесин.

— Конечно! — Болдырев зло усмехнулся. — Только он не знал, что это ловушка.

Лесин вспомнил интересную деталь:

— Солоницын рассказал, что Чаплицкий предлагал гостю папиросы. А тот отказался... Значит, не курит.

— Да что тут думать,— сумрачно сказал Болдырев. — Конечно, он... Дело ясное.

Радист повернулся к нему:

— Андрей Васильевич, ледокол «Седов» вышел на связь.

Болдырев подошел к нему, начал диктовать:

— «СРОЧНО ВЫЗЫВАЕТСЯ К АППАРАТУ НАЧАЛЬНИК СВЯЗИ КАРАВАНА».

Радист передал. Выслушав ответ, доложил:

— Он после ночной вахты отдыхает. Будить?

Болдырев довольно потер ладони, пробормотал:

— Так-так-так... Очень хорошо... Будить не надо...

Запроси, кто находится у аппарата.

Радист улыбнулся:

— Да я и так знаю, Андрей Васильевич. На связи — Лешка Солдатов. Его рука...

— А что он за человек? — со значением спросил Болдырев.

— Да вы не сомневайтесь, товарищ начальник! — неожиданно горячо заявил радист. — Лешка — наш парень, надежный — дальше некуда!

— Дело очень важное,— объяснил ему Болдырев. — И совершенно секретное.

— Понял.

Болдырев хитро прищурился на радиста:

— Ты лично ручаешься за него?

Парень даже с места вскочил:

— Вб, головой! Мы с ним сто лет кореша!..

В глазах Болдырева промелькнула теплая искорка.

— Ну, давай тогда...

И начал передачу:

— «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО ТЧК НАЧАЛЬНИКУ ЭКСПЕДИЦИИ КАПИТАНУ НЕУСТРОЕВУ ЗПТ ОСОБОУПНОМОЧЕННОМУ ВЦИК ШЕСТАКОВУ ТЧК ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ГУБЧЕКА БОЛДЫРЕВА ТЧК ПЕРЕДАЧУ В РАДИОЖУРНАЛ НЕ ВНОСИТЬ ЗПТ БЛАНК РАДИОГРАММЫ ПЕРЕДАТЬ ШЕСТАКОВУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ ТЧК ТЕКСТ...»

Шестаков стоял в радиорубке.

Низко, басовито гудел умформер, перемигивались разноцветные лампочки аппаратуры.

Радист смотрел на начальника экспедиции в молчаливом ожидании. А тот держал в руках бланк радиограммы, снова и снова перечитывал текст, хмурился, пожимал плечами, словно никак не мог поверить известию.

Наконец спросил:

— Алексей, а где наш радиожурнал?

— Вот, Николай Павлович.— Радист протянул ему толстую книгу в ледериновом переплете.

Шестаков медленно, сосредоточенно перелистал ее, показал записи радисту:

— Вот эти сообщения, однотипные,— это что такое?

— Наши переменные координаты,— с готовностью ответил Алексей.

— Они все с позывными «343—342»... Это чьи?

Радист ответил не задумываясь:

— Второй гидрологический пост Архангельска.

Шестаков с удивлением посмотрел на него:

— Второй пост? Погоди, погоди... Мы же замыкаемся на Центральную Северную?..

— Так точно...— Радист показал в журнале: — Вот, регулярные сеансы, позывные «225—224».

— Ну?..

Алексей сказал с недоумением:

— А второму посту он приказал передавать наши координаты для контроля — два раза в сутки.

Шестаков задумчиво потер лоб, потом распорядился:

— Ну-ка, запроси Центральную — какие позывные у Второго поста?

Радист поколдовал с ключом, натянув наушники, довольно быстро связался с Центральной и вскоре доложил:

— Позывные Второго — «280—279».

— А не «343—342» вовсе...— Шестаков горько улыбнулся, тяжело вздохнул: — Все ясно... Не было, Алексей, связи ни с каким Вторым постом... Не существовало... А было кое-что совсем другое, и похуже...

Радист не ответил, но лицо его было безмерно удивленным и расстроенным, когда Шестаков, взяв бланк радиogramмы и вяло хлопнув его по спине, вышел из радиорубки...

В глубокой задумчивости шел по кораблю Шестаков. На баке остановился около группы отдыхавших от вахты матросов. Двое из них, старые приятели Федор Гарковец и Василий Зирковенко, разговаривали, безмятежно покуривая:

— Як то робыться, Хфедор,— дотошно допрашивал

приятеля Василий.— Волов рэжутъ, а все одно их дуже багато. Коней — нэ рэжутъ, а их мало?..

Федор Гарковец авторитетно разъяснял:

— Коней мало, бо их крадуть!

— Так конокрады их кудай-то девают — знать, они там должны быть?

— Там их тоже крадуть,— безапелляционно отвечал Федор, и матросы дружно хохотали, тем более что Федор и Василий оставались неизменно серьезными.

Грустно улыбался и Шестаков, шел дальше, смотрел, как работает команда судна, и его не оставляла мысль, что все эти работающие, отдыхающие, озабоченные и веселые люди — все, все обречены затаившимся врагом на мучительную смерть...

К счастью, они не знают этого..

Каюта была заперта. Шестаков постучался — нет ответа. Громче. Наконец, щелкнул замок, и дверь отворил Щекутьев.

Лицо его было измято сном, и он сильно потерял его ладами.

Шестаков прошел в каюту, присел у столика.

Щекутьев спросил тревожно:

— Случилось что?

— Да... Случилось...— медленно, тяжело ответил Шестаков и надолго умолк.

В каюте воцарилась гнетущая тишина, моряки нестерпиво смотрели друг на друга.

Первым не выдержал Щекутьев.

— Почему ты молчишь, Николай? С чем пришел? Произошло что-нибудь?

— Произошло...— так же медленно, с трудом начал Шестаков.— Нас предали...

— Кто?!

— Ты.

Щекутьев оцепеневшими губами проговорил:

— Шутишь...

Шестаков смерил его глазами:

— Не надо, Сергей...— Он судорожно сглотнул ком в горле: — Что ты наделал? Как ты мог?..

— Что, что я мог? — крикнул Щекутьев.

— Как ты мог обречь тысячи людей!..

Щекутьев вскочил:

— Ты с ума сошел, Николай!

— Перестань... — с отвращением сказал Шестаков. Подошел к Щекутьеву: — Сдай оружие!

— В чем дело, наконец! Ты можешь мне объяснить? — с возмущением закричал Щекутьев.

— Сдай мне оружие, — твердо повторил Шестаков. — Я все объясню.

Щекутьев пожал плечами, с презрительной миной протянул Шестакову лежавшую на тумбочке рядом с койкой кожаную кобуру с пистолетом:

— Н-не понимаю ничего...

— Ты все прекрасно понимаешь, Сережа, — грустно сказал Шестаков. — Ты предавал нас в Архангельске банде Чаплицкого...

— Какая ерунда!

— Ты сообщал ему пароль... Ты изготовил подложные документы для диверсанта, который взорвал транспорт с углем...

Щекутьев лишь пренебрежительно скривил губы.

Шестаков продолжал:

— Ты навел их на водолазные боты, чтобы устроить пожар...

— Но я же сам предложил поднять уголь со дна...

— Военная хитрость... Мы ее разгадали. Но ты не успокоился и начал наводить на нас английский крейсер в походе... чтобы отнять у голодных ребятишек последний кусок хлеба. Хотя все мы ради него рисковали жизнью...

— Вы отдаете себе отчет в том, что говорите? — высокомерно бросил Щекутьев.

Шестаков печально кивнул:

— Не становись в позу, Сергей... Когда-то ты сам любил, подняв бокал, провозглашать тост, китайский кажется, — «Не дай нам бог увидеть своих друзей с новыми лицами!». А сам показал нам свое новое лицо... Извини, но я человек прямой: омерзительное лицо предателя и оборотня!

— Вы обалдели все от шпионмании... Вам чудится... — начал медленно Щекутьев, видимо еще не теряя надежды оправдаться.

Шестаков перебил его:

— Ничего нам не чудится! Ты всех нас обрек на смерть! Ты был так уверен в себе, уверен настолько, что передавал наши координаты на крейсер открытым текстом...

Отойдя к иллюминатору, Щекутьев начал надевать китель.

Шестаков, помолчав немного, добавил:

— Ты знал, что, когда крейсер нападет на нас, я в первую очередь прикажу сжечь документы и радиожурнал с позывными «343—342»...

— Чушь какая! — нервно передернул плечами Щекутьев.

— А вот я не понимаю... — задумчиво сказал Шестаков.

— Чего же?

— Я не понимаю, как с людьми случается такое... Ведь мы же с тобой вместе воевали... вместе тонули, мерзли, голодали. Однажды ты спас мне жизнь...

Щекутьев молчал, лишь каменные желваки раскаты- вал по скулам.

И тогда голос Шестакова поднялся до крика:

— Что же с тобой произошло, Сережа?!

Щекутьев не выдержал и взорвался наконец.

— Это с тобой произошло, а не со мной! — закричал он. — Это ты предал, а не я! Тебя — мужика, быдло — произвели в офицеры флота его императорского величества! А ты как отплатил за эту честь?!

Шестаков устало перебил его:

— Не говори глупостей, Сергей... Я — мужик. Хорошо. А твой отец кто? Нищий однодворец!..

Щекутьев возразил гордо:

— Мой отец — потомственный русский дворянин! И я — дворянин отечества своего!..

— То-то вы залили кровью отечество свое... — хмуро сказал Шестаков и сделал шаг к двери: — Ладно, с тобой все ясно. Одевайся... — Выразительно посмотрев на сжатый свой кулак, зло присовокупил: — Как жаль, что ты не оказал мне сопротивления...

Шестаков поднялся к Неустроеву в ходовую рубку «Седова».

Неустроев держал в руках радиogramму Болдырева, в который раз перечитывал ее:

— «...ПЕРЕДАЧУ В РАДИОЖУРНАЛ НЕ ВНОСИТЬ ТЧК БЛАНК РАДИОГРАММЫ ПЕРЕДАТЬ ШЕСТАКОВУ В СОБСТВЕННЫЕ РУКИ ТЧК ТЕКСТ: ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СООБЩЕНИЕ ТЧК ВЫЯВЛЕН ИНФОРМАТОР ТИРЕ ВАШ НАЧСВЯЗИ ВОЕНМОР ШЕКУТЬЕВ ТЧК ЕГО ЗАДАЧА ТИРЕ ПЕРЕХВАТ КАРАВАНА ПО РАДИОКООРДИНАТАМ АНГЛИЙСКИМ КРЕЙСЕРОМ С ЦЕЛЮ УНИЧТОЖЕНИЯ ТЧК НАИМЕНОВАНИЕ КРЕЙСЕРА НЕИЗВЕСТНО ТЧК АРЕСТУЙТЕ ПРЕДАТЕЛЯ РЕВОЛЮЦИИ ЗПТ ОБЕСПЕЧЬТЕ РАДИОИГРУ С КРЕЙСЕРОМ . БОЛДЫРЕВ».

— Там много чего выяснилось,— рассказывал Шестаков Неустроеву.— Но главное — схема, которую нашли у Чаплицкого...

Неустроев уточнил:

— Вы имеете в виду схему расположения затонувших кораблей на рейде Архангельска?

— Ну да. В Чека ее сверили с той, что представлял тогда Шекутьев.

— И что?

— Один к одному. Точная копия.

Неустроев отошел к рулевому, негромко подкорректировал курс. Вернулся к Шестакову.

— М-да-а... Он ведь сам предложил поднять уголь со дна... И работал как!..

Добрые серые глаза старого гидролога выражали полное недоумение.

Шестаков грустно улыбнулся:

— Я уже говорил: военная хитрость... Сам работал, и сам же водолазный шланг перерубил... Водопомпу испортил... Это уж потом разобрались...

Неустроев махнул рукой и сказал озабоченно:

— Ну, бог с ним... Сейчас, мне кажется, самое время решать, как нам быть с этим крейсером...

— Да-а, раздумывать особенно некогда,— согласился Шестаков.— Если не укроемся, мы ему на один зуб. За час от каравана только щепки останутся!

Неустроев, человек невоенный, был абсолютно растерян, поскольку как моряк понимал всю безысходность возникшей ситуации. Подумав, он предложил:

— Может быть, нам дальше идти при полном радиомолчании? Может быть, проскочим? И тогда randevу с английским крейсером не состоится?

Шестаков отрицательно покачал головой:

— Пират наверняка ждет нас у Карских Ворот. Я тут

уже прикидывал: допустим, мы ворочаем два румба и идем через Югорский Шар. Он подождет нас день-другой и устремится в погоню. Скорость у него втрое-вчетверо больше нашей...

Шестаков подошел к карте, показал Неустроеву:

— Если он разминется с нами в море, то уж наверняка к Канину Носу попадет скорее нас. И встанет там на вахту. А мы его никак миновать не можем...

Неустроев потер руками лицо:

— Значит, мы в западне... Возвращаться назад бессмысленно... Мы все погибли...

Шестаков, продолжая внимательно разглядывать карту, возразил Неустроеву:

— Не все... У нас есть шанс.

— Какой?

Шестаков медленно, негромко сказал:

— Мы должны, во всяком случае, проверить этот шанс... Надо затеять с пиратом контригру.

— Каким образом?

— На «Труворе» есть радиостанция... «Трувор» должен увести на себя пиратский рейдер... И тогда randevу состоится, но... только с ним одним!

— Это же верная гибель для «Трувора»! — с испугом воскликнул Неустроев.

— Да... — буднично, устало согласился Шестаков.— А остальным — жизнь. Хлеб...

Словно в каком-то полусне Неустроев пробормотал:

— У капитана «Трувора» Сабанеева четверо детей...

Шестаков удивился:

— Да-а? Я не знал... — смущенно сказал он.— Но... капитан Сабанеев не понадобится.

— А кто же поведет «Трувор»?

Шестаков поднял на него глаза и сказал спокойно: — Я.

Неустроев почему-то сразу понял, что спорить с ним бессмысленно. Но все-таки робко заметил:

— Николай Павлович, вы командуете всей операцией. Вы не можете покинуть караван!

— Теперь — могу,— возразил Шестаков.— Хуже того, что случилось, уже не произойдет. Если мне удастся заманить пирата, вы дотянете до Архангельска. Командование караваном передаю вам!

— Есть! — вытянулся Неустроев.

Приняв решение, Шестаков не стал медлить. Он распорядился:

— С «Трувора» всю команду снять. Со мной пойдут Иван Соколов, радист Солдатов и два матроса-добровольца. Впятером справимся. Срок — один час.

— ЕСТЬ! Какие еще будут указания?

— Через час караван полным ходом уходит на восток курсом двести восемьдесят. Сейчас уж уголька не жалеете — установите двойные кочегарские вахты. Через сутки, если ничего не случится, вы покинете Карское море, проскочите Вайгач и через Югорский Шар выйдете в Баренцево...

— Думаю, что южнее Колгуева нет льдов, — поддержал его Неустроев. — Надо постараться как можно быстрее проскочить Канин Нос. А там до Архангельска — рукой подать!

Шестакову понравился энтузиазм старого капитана. Он ободряюще улыбнулся:

— До самого Архангельского порта сохраняйте полное радиомолчание — за одним исключением: когда минуете Колгуев, на волне Архангельского радиоцентра передайте мне — «У нас все в порядке». Моя радиостанция будет работать на открытой волне, сможете слушать нас до... В общем, все время... — И, встретив тревожный, волнующийся взгляд Неустроева, попытался его успокоить: — Ничего, я их здесь двое суток верных продержу...

Они встали, обнялись, и, не отпуская Шестакова, капитан прошептал:

— Прощайте, голубчик, Николай Павлович. Господи, благослови вас на крестном пути!..

— Прощайте, Константин Петрович. Спасибо вам за все. И не говорите, пожалуйста, ничего Лене... Пока что... Скажите, что я с «Трувором» пошел на гидрологические промеры... Догоню в Архангельске... Пусть лучше потом узнает.

Маленький морской буксир «Трувор» плясал на мелкой воде у борта «Седова».

На палубе ледокола, недалеко от трапа, были навалены вещи экипажа с буксира: деревянные сундучки, парусиновые матросские чемоданы, мешки. Около них сгрудились их хозяева — взволнованные и напуганные, обескураженные мгновенностью и непонятностью происходящего.

Неустроев торопливо шел по полуюту. Его окликнула Лена:

— Папа!

— Леночка, извини, не до тебя сейчас! — отозвался Неустроев. — Иди ко мне в каюту, я приду немного погодя...

Лена догнала его:

— Папа, я на одну минуточку! Папочка, я просто хотела тебе сказать, что я тебя очень люблю! — Она быстро поцеловала отца.

Он погладил ее по голове и пошел дальше. Лена крикнула ему вслед:

— Я так хочу, чтобы ты был счастлив, папочка, милый, родненький!..

И побежала в каюту. Неустроев недоуменно пожал плечами, потом махнул рукой и сам рысью устремился к мостику.

Навстречу ему уже шел Шестаков. Он сказал деловито:

— Все, Константин Петрович, в путь. Долгие проходы — лишние слезы... Да и времени у нас нет.

У трапа они еще раз быстро обнялись. Отвернувшись в сторону, чтобы Шестаков не видел его лица, старый капитан сказал дрожащим голосом:

— Вы могли бы, Николай Павлович, быть моим сыном... Прощайте!.. Счастья вам...

Шестаков крепко сжал его руки:

— До свидания, дорогой Константин Петрович... — И сбежал по трапу на «Трупор».

С палубы буксира он крикнул Неустроеву:

— Константин Петрович! Леночку поцелуйте за меня!.. И ветер сорвал его крик.

Шестаков махнул рукой стоявшему у штурвала Соколову, и высокий борт «Седова» стал отваливать в сторону. Рев гудка ледокола сотряс пустынные просторы океана.

Шестаков дернул поводок буксирного ревуна в ответ.

«Трувор» медленно прошел мимо судов каравана. Вдоль бортов на каждом корабле выстроились моряки.

Все они стояли с непокрытыми головами. Они уже знали, что провожают товарищей на смерть.

Шестаков махал с кормы уходящим судам своей

фуражкой и — к удивлению своему, но и к радости тоже — не видел среди провожавших Лену. «Отдыхает, наверное... Ну и хорошо», — подумал он.

И вот в подступивших сумерках исчез последний вымпел каравана — пароход «Кереть».

Шестаков вошел в радиорубку, положил радисту руку на плечо, невесело усмехнулся:

— Ну что, Алеша, потрудимся на английский радиоперехват, проверим, как они нас караулят?

Парень широко улыбнулся в ответ:

— Сейчас мы им настучим, Николай Павлович! Будьте спокойны, ихний радист уже мою руку знает...

Шестаков достал из кармана кителя листок, перечитал заготовленный текст, начал диктовать:

— «АРХАНГЕЛЬСК ТЧК НА ЛЕДОКОЛЕ «МАЛЫГИН» СИЛЬНАЯ ТЕЧЬ КОТЛОВ ТЧК РЕШЕНО РЕМОНТИРОВАТЬ В ОТКРЫТОМ МОРЕ ТЧК КАРАВАН ПОЛОЖЕН В ДРЕЙФ ТЧК ШЕСТАКОВ».

— Готово! — отбил радиограмму Солдатов.

— Небось у английского радиста ты квитанцию не получаешь? — подмигнул ему Шестаков.

Алексей сердито сказал:

— Они, черти гладкие, и без квитанций очень хорошо из эфира срывают!

Шестаков кивнул и пошел к трапу. Медленно, усталой походкой он спустился в крошечную кают-компанию.

На плюшевом диванчике неподвижно сидела Лена. И молча смотрела на Шестакова.

Он даже охрип от волнения и неожиданности.

Лена?! Ты... здесь?!

Лена не ответила.

Как ты посмела? — в отчаянии закричал Шестаков. — Отец знает, что ты?..

Лена помотала головой.

— Лена, как ты могла! — кричал Шестаков яростно. — Откуда ты узнала?..

Лена встала, подошла к нему и тихо сказала:

— Коля, не кричи, пожалуйста. Помнишь, ты говорил, что я отпустила убийцу? Я и сейчас не знаю, как мне надо было поступить тогда...

Она взяла Шестакова за руку, робким движением погладила его ладонь.

— Коля... Ведь крейсер здесь из-за него... Из-за него тебе пришлось сойти на «Трувор». Поэтому и я должна быть здесь! — Голос ее окреп, в нем появилась несокрушимая решимость. — Не сердись, Коленька, милый!.. Улыбнись лучше, ну... У тебя такое прекрасное лицо, когда ты улыбаешься... Не сердись, я счастлива, что у нас с тобой одна судьба...

Она обняла Шестакова, и он видел, как по ее лицу бежали прозрачные слезы...

Неустроев стоял у стекла в капитанской рубке «Седова» и слепо смотрел перед собой в бушующую дождевую непогоду.

К нему подошел штурман:

— Константин Петрович, по примерному счислению должны были пройти Колгуев. Мили четыре по правому борту... Видимость — ноль. Караван растянулся...

Неустроев обратил на него невидящий взор:

— Да-а... Да. Прикажите передать световыми сигналами на все суда каравана — курс вест-норд-вест сто сорок градусов. Ход не снижать...

— А как быть с радио?

— Пусть радист через час начнет передачу открытым текстом на волне Архангельского радицентра — «У нас все в порядке».

И снова отвернулся к залитому водой окну — сухой, чуть-чуть сгорбленный, руки за спиной.

Штурман сказал участливо:

Константин Петрович, вы же лучше меня знаете это море... В море всякое бывает... даст бог... обойдется... проскочат они...

Да... В море всякое бывает... не поворачиваясь к нему, кивнул Неустроев. ...Лена очень любила разглядывать мыльные пузыри... Разноцветные, летучие... Она говорила, что они живые... Бедная девочка... она слышала в них... солнечный ветер...

Старые приятели, Федор Гарковец и Василий Зирковенко, совсем еще недавно смеявшиеся собственному анекдоту о конях и волах, вызвались на «Трувор» доброволь-

цами. И сейчас всю орудовали лопатами в кочегарке суденышка, продолжая обсуждать свои такие маленькие и такие необыкновенно важные проблемы.

А Шестаков стоял у штурвала, зорко смотрел в дождливую пелену над океаном, поглядывал на нос судна, где вперёдсмотрящим устроился Иван Соколов.

Лена сидела около Шестакова на столе и болтала ногами.

Корабль шел близ берега — по правому борту громоздились седые страшные скалы Северной Земли.

Лена пыталась развлечь Шестакова:

— Коленька, ты знаешь — я точно помню, что жила раньше, еще до этой своей жизни...

Шестаков бросил на нее ласковый взгляд.

— Иногда мне кажется... мне снится, что я была деревом...

— Деревом? — удивился Шестаков.

— Да! То-оненькой прозрачно-желтой сосной. На берегу океана. И из воды часто выходили всякие диковинные существа, красивые или уродливые...

Шестаков засмеялся.

Лена обиженно выпятила полную нижнюю губу:

— Коленька, ты напрасно смеешься — это точно было! Я помню! Ты тоже жил раньше, но... забыл!

Соколов закричал с мостика, и в голосе его слышался испуг:

— Николай Павлович, прямо по курсу — большой дым!

Шестаков схватил бинокль, прижал глаза к окулярам, подводя постепенно резкость.

И в поле зрения сразу приблизился, стремительно вырос грозный силуэт крейсера. Вот он сфокусировался, стал отчетливо виден: огромный, хищный, чудовищно разрисованный — кругами и полосами — во все цвета радуги. И без государственного флага. Пират.

— Николай Павлович! — снова крикнул Иван Соколов. — Это небось англичанин?

— Вахтенный Соколов! — командирским голосом скомандовал Шестаков. — Государственный флаг Российской Республики — на гафель! Подними сигнал: «Вы находитесь в территориальных водах РСФСР. Дайте свои опознавательные!»

По гафелью поползло на самый кончик снасти красное

полотнище. В руках у Соколкова замелькали разноцветные флажки, передавая выше сигнал.

Шестаков внимательно разглядывал в бинокль крейсер — пират приближался с каждой минутой и на сигнал «Трувора» пока никак не реагировал.

Шестаков велел Соколкову:

— Передай еще дополнительный сигнал по международному своду «Викта-фокстрот» и «Чарли-Сизра»¹!... — И крикнул в сторону радиорубки: — Радист! Сообщение о встрече — в эфир! Открытым текстом на волне каравана!..

Рейдер стал виден невооруженным глазом.

— Коля, это и есть крейсер? — тихо спросила Лена.

Шестаков для верности перелистал международный справочник с силуэтами военных кораблей.

— Да, Леночка, — со вздохом сказал он. — Судя по всему, это и есть тяжелый броненосный крейсер «Корнуэлл». Вот, значит, кого они к нам послали...

Соколков, держа в руках свод международных морских сигналов, сообщил:

— Николай Павлович, они подняли до половины «зэт-эл» — «Зулу-Лима»...

— «Ваш сигнал принят, но не понят», — перевел Шестаков Лене. — Вот разбойники!

Лена не успела ответить — борт крейсера осветился короткой вспышкой, и только потом, издали, раскатом донесся грохот артиллерийского залпа.

И сразу же по правому борту «Трувора» поднялись в небо два огромных столба воды.

В дверях рубки появился радист Солдатов. И сразу же все понял.

— Николай Павлович! — крикнул он. — Прощайте! Я уж до конца в радиорубке!

— Алеша! Шпарь все время передачу о нападении. Это «Корнуэлл». Давай!..

Шестаков резко повернул штурвал направо, отворачивая буксир в сторону берега. Соколков, бросив сигнальный свод, прыгнул с мостика на кормовую надстройку.

Встал к пулемету Гочкиса на турели и, передернув затвор, изготовился к стрельбе.

Ударил новый залп с борта крейсера, и два высоких всплеска встали перед носом «Трувора».

Шестаков крикнул в переговорную трубу в кочегарку:

— Федор, Василий, все! Вахта кончена! Поднимайтесь!..

Соколков прильнул к прицелу и хлестнул в сторону крейсера длинной очередью.

Новый залп, всплеск по левому борту — и страшный треск: трехдюймовый снаряд попал в борт «Трувора». Из дыры в палубе вырвались языки пламени и дым.

Лена подошла к Шестакову, обняла его за плечи. Потом поцеловала его в лоб.

— Не бойся, Леночка, — бормотал Шестаков. — Не бойся... Мы успеем выброститься... Это не страшно...

Опять ударил залп. Попадали реи мачты, загорелась шлюпка.

Рухнувший обломок мачты ударил Соколкова по голове, и он упал на палубу.

А пират не унимался — борт крейсера осветился очередной вспышкой, и снаряды легли рядом с кормой, подняв огромную волну.

Накатившись на палубу, она вмиг смыла тело Соколкова в море.

Из трюма выскочил Федор Гарковец и бросился к умолкнувшему пулемету. Но не успел занять места — шальной осколок повалил его у турели.

Лена быстро поцеловала Шестакова и выбежала из рубки, крикнув:

Коленька, я не боюсь!.. Мы еще снова родимся... Коля-а! Мы всегда будем вместе-е!..

Она бежала к пулемету. Но тоже не успела: рядом с ней в надстройку попал снаряд...

Шестаков видел, как Лена медленно оседает на палубу. Она держалась руками за грудь, и между узкими ласковыми ладонями ее расплзлось большое красное пятно. Упала. Широко открытые глаза неподвижно отразили равнодушное серое небо.

И наступила тишина, которую только подчеркивало жадное шипение горящего дерева. И тихий плеск воды у борта.

Круто накренившись на нос, «Трувор» медленно уходил под воду.

¹ Предупредительные сигналы: «Находитесь в территориальных водах страны». «Дайте свои опознавательные знаки!».

...Из-под обломков разбитой рубки выполз окровавленный Шестаков. Он оглядел разгромленный горящий кораблик.

Он медленно переводил взгляд — от носа до кормы — и видел расprostертого около рации Солдатов...

...скрюченное у борта тело Федора Гарковца, которого уже лизал огонь...

...наполовину свесился с борта убитый Василий Зирковенко...

...на площадке у пулемета лежала на спине Лена...

Шестаков поднял взгляд на застопоривший машины крейсер — от него к «Трувору» ходко шел моторный баркас...

По крутому трапу он пополз на палубу. Сорвался, упал, потерял сознание...

Пришел в себя и снова пополз на корму.

Дополз до тела Лены, приподнялся на локте, всмотрелся в ее лицо, и по его закопченным окровавленным щекам, по сгоревшим усам, через искромсанный рваным шрамом подбородок потекли слезы...

Потом он обессиленно упал на доски и долго смотрел в огромное бездонное небо, блекло-серое, бесконечное, безразличное.

Наконец, словно вспомнив что-то, он приподнялся снова и увидел, что баркас с англичанами уже подошел к самому борту «Трувора».

Собрав все силы, Шестаков дополз до турели. Поднялся, встал на ноги.

И в упор открыл огонь из пулемета по баркасу.

Попадали убитые, закричали раненые, уцелевшие в ужасе стали прыгать в воду.

На крейсере это увидели. И тогда раздался мощный залп — прямое попадание!

Оглушительный взрыв.

И обломки «Трувора» стремительно исчезли в сизой вспененной воде океана...

На рейд Архангельска суда каравана вернулись в середине августа.

Головной ледокол «Седов» швартовался у центральной

причальной стенки, остальные корабли бросили свои якоря по обе стороны от него.

Мужественных моряков встречал весь город. Гром и сильное дыхание духовых оркестров разносились по всему Архангельску. Ветер развеивал сотни флагов и кумачовых лент.

Среди людей царили праздник и ликование...

А Чаплицкий в это время сидел в задней комнате трактира Муратовых и пил. Перед ним стояла зеленая четвертая бутылка, он наливал мутный первач в стакан, с отвращением проглатывал зелье, мучительно морщился, занюхивал коркой, что-то бормотал себе под нос и снова наливал.

Пил он уже не первый день. Лицо его одрябло и распухло, во взгляде застыла печать безразличия и отупения.

Распахнулась дверь и вбежал Тихон Муратов:

— Петр Сигизмундович, караван пришел!

— Д-да?.. И что?..

— Опомнитесь! Они хлеб привезли!..

— А-а, пускай! — махнул рукой Чаплицкий. — Сказано, Тиша, у пророка Исайи — «Уповайте на господа вовеки, ибо господь бог есть твердыня вечная».

Муратов сказал спокойно-деловито:

— Конiec нам всем настал!

Чаплицкий безразлично ответил:

— Значит, так и надо... Иди, Тиша, что-то притомился я сверх меры.

Потемнев лицом, Муратов вышел, а Чаплицкий приблизился к окну, стал хмуро рассматривать улицу. Он глядел на бегущих в порт людей, прислушивался к звукам музыки, доносившимся из города.

Тяжело вздохнув, он достал из шкафа вещевой мешок и вывалил из него на пол все содержимое.

Звякнули ордена. Опустившись на колени, он стал собирать их, бормотал:

— А где же мой «Лежён д'оннёр», куда он запропастился? Ага, вот он, мой «Почетный легион»! А вот — «За храбрость», вот «Георгий»...

Чаплицкий подошел к зеркалу и нацепил ордена на свой английский френч.

Волоча за собой по полу шинель за воротник, с папкой под мышкой, он вышел в общий зал трактира.

Обмерев, смотрел на него во все глаза Федор Муратов.

А от стойки к Чаплицкому бочком подобрался Тихон, спросил негромко, сквозь зубы, еле сдерживая злые слезы:

— Че ж вы делаете, Петр Сигизмундыч? Совсем взбесились? Вы нас всех погубите!..

И посетители онемели от такого зрелища — увешанный орденами белогвардеец в центре красного Архангельска!

Впечатление это было так сильно, что никто и не пытался задержать Чаплицкого.

Широким жестом он оттолкнул Тихона:

— С доро-оги! За мной прислали крейсер его величества английского короля! Прочь! С доро-оги!..

Никем не задержанный, он вышел на улицу, только шинель зацепилась за дверь — и он ее сразу бросил, забыл о ней.

И пошел по середине улицы строевым шагом, на негнущихся ногах, папах на согнутом локте левой руки — как на церемониальном марше. С разорванным распахнутым воротом, без ремня, при всех орденах.

Густо сыпал снег, дул сильный порывистый ветер.

Эту фигуру, нелепую и страшную, заметили вездесущие мальчишки.

С улюлюканьем, криками и свистом помчались они следом за Чаплицким. За ними увязались беспризорные собаки.

Глядя вперед неподвижными незрячими глазами, Чаплицкий, сопровождаемый свистом и собачьим лаем, шел в порт, навстречу своему концу...

А в порту раздавался победный рев паровых гудков, грохот кранов, музыка, счастливые крики людей, спасенных от голодной смерти.

Началась разгрузка каравана.

Болдырев примчался на Центральную Северную радиостанцию. Не присаживаясь, он продиктовал радиogramму:

— В два адреса: Москва, ВЦИК, Калинин. Копия — Лондон, наркому внешней торговли Красину. Текст:

«СЕГОДНЯ В АРХАНГЕЛЬСК ВОЗВРАТИЛСЯ КАРАВАН СУДОВ С СИБИРСКИМ ХЛЕБОМ ТЧК ТРУДЯЩИХСЯ СЕВЕРА СПАСЕНЫ ОТ ГОЛОДА»

.. Суровы, сумрачны берега пролива Карские Ворота. На отвесной гранитной скале стоит маленькая каменная пирамида, на которой высечены слова:

Здесь погибли борцы за счастье народа:

**НИКОЛАЙ ШЕСТАКОВ,
ЕЛЕНА НЕУСТРОЕВА,
ИВАН СОКОЛКОВ,
АЛЕКСЕЙ СОЛДАТОВ,
ВАСИЛИЙ ЗИРКОВЕНКО,
ФЕДОР ГАРКОВЕЦ.**

Океан и людская память — вечны.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Часть I. БЕГСТВО	5
Часть II. ПОХОД	65
Часть III. БОЙ	163

Для старшего возраста

Аркадий Александрович Вайнер
Георгий Александрович Вайнер

КАРСКИЙ РЕЙД

П о в е с т ь

ИБ № 6525

Ответственный редактор *В. С. Малах*. Художественный редактор *М. Д. Суховцева*. Технические редакторы *Л. В. Гришина* и *И. П. Савенкова*. Корректоры *В. А. Иванова* и *Т. А. Стадольникова*. Сдано в набор 03.12.82. Подписано к печати 03.05.83. Формат 84×108¹/₃₂. А00989. Бум. типогр. № 1. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отт. 11,76. Уч.-изд. л. 11,19. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2105. Цена 55 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сушевский вал, 49.

Отпечатано с фотополимерных форм «Цетлофот»

